А. В. КОЛЬЦОВ

Советский писатель

А. В. КОЛЬЦОВ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

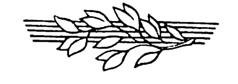
Большая серия

Второе издание

ЛЕНИНГРАД • 1958

А. В. КОЛЬЦОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Вступительная статья
и примечания Л. А. Плоткина

Подготовка текста М. И. Маловой
и Л. А. Плоткина

А. В. КОЛЬЦОВ

1

«Придет время, когда песни Кольцова пройдут в народ и будут петься на всем пространстве беспредельной Руси...» — так писал Белинский в 1846 году.[1] В этих взволнованных словах выразилось твердое убеждение великого критика в важности и нужности для народа поэзии Кольцова.

Русский читатель познакомился с произведениями поэта в те годы, когда были уже широко известны гениальные творения Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Какими же чертами своего дарования Кольцов выдвинулся в первые ряды русских писателей, стал выдающимся поэтом своего времени?

Каждое крупное явление искусства тем и примечательно, что оно отвечает исторической потребности, открывает свой особый поэтический мир и знаменует собой утверждение новых идей, тем, образов. Кольцов занял свое место в литературе именно потому, что он отвечал требованиям эпохи и открыл своей поэзией неведомые доселе стороны жизни, принес с собой новую тему и нового героя.

В стихотворениях Кольцова передовые русские люди услыхали голос крестьянских масс, голос простого народа. Глубокий демократизм, поэтизация земледельческого труда, огромная сила жизнеутверждения, сочувствие народу в его радостях и бедах, замечательное песенное мастерство — таковы особенности, определившие высокую ценность поэзии Кольцова.

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 9. М., 1956, стр. 538. Далее все ссылки на сочинения Белинского даются по изданию АН СССР (тт. 1—12. М., 1953—1957) в тексте, с указанием тома и страницы.

Кольцов прожил недолго. Биография его, небогатая событиями, отличается, однако, своим внутренним драматизмом. Источник этого драматизма Белинский видел в противоречии между призванием поэта и его судьбой, между духовными потребностями Кольцова и той реальной жизненной обстановкой, которая его окружала.

Кольцов родился 3 октября 1809 года в семье зажиточного воронежского мещанина, торговца скотом — прасола.

Детские годы поэта прошли в тяжелых условиях. Его отец, Василий Петрович, был жестокий и невежественный человек. Сам Кольцов называл его «алтынником». К поэтическим занятиям сына он относился с недоверием и пренебрежением. Праздным и нестоящим делом он считал склонность Алексея Васильевича к чтению, к самообразованию. Однажды Василий Петрович застал его с книжкой в руках на сеновале. В бешенстве он сбросил сына с большой высоты на землю.

Сколько-нибудь серьезного образования Алексею Васильевичу получить не удалось. Осенью 1818 года он был отдан в воронежское уездное училище, но уже из второго класса ушел по настоянию отца, которому понадобился для торговых дел. В училище пробыл он всего лишь год и четыре месяца.

Юность поэта сложилась, по его собственному признанию, «скучно и нерадостно, в суетных занятиях». Прасольство пришлось не по душе Кольцову. Ему претили «коммерческие плутни» — неизбежный спутник торговых предприятий отца. Да и перегонять скот с одного места на другое приходилось в нелегких условиях. «Случалось, — пишет Белинский, — целые дни и недели проводить в грязи и слякоти, на холодном осеннем ветру, засыпать на голой земле, под шум дождя, под защитою войлока или овчинного тулупа» (III, 106). Единственной светлой чертой в этих прасольских занятиях было то, что, вынужденный разъезжать по селам и деревням, Кольцов имел возможность общаться с природой и близко знакомиться с жизнью народа.

Литературные интересы у Кольцова впервые пробудились в 1825 году. Книга стихов И. И. Дмитриева, случайно приобретенная на базаре, произвела на него потрясающее впечатление. Он заучил многие стихотворения наизусть и, по свидетельству биографа поэта, Я. М. Неверова, «расхаживая по саду с книгою в руках, распевал звучные стихи Дмитриева на мотивы, им самим изобретаемые». [1]

---

[1] Я. Неверов. Поэт-прасол. «Сын отечества», 1836, № 12, стр. 265.

Если до этого времени он увлекался сказками из «Тысячи и одной ночи», лубочными повестями и приключенческими романами, то теперь любимым его чтением стали стихи. Он ознакомился с произведениями Ломоносова, Державина, Богдановича, а позже — с творчеством Дельвига и Пушкина.

Значительное содействие молодому поэту оказал воронежский книгопродавец Д. А. Кашкин, снабжавший его в течение ряда лет книгами.

В том же 1825 году Кольцов впервые и сам попробовал свои силы в поэзии. А. Я. Панаева так передает рассказ Кольцова о первом его поэтическом вдохновении: «Я ночевал с гуртом отца в степи, ночь была темная-претемная и такая тишина, что слышался шелест травы, небо надо мною было тоже темное, высокое, с яркими мигающими звездами. Мне не спалось, я лежал и смотрел на небо. Вдруг у меня стали в голове слагаться стихи; до этого у меня постоянно вертелись отрывочные, без связи рифмы, а тут приняли определенную форму. Я вскочил на ноги в каком-то лихорадочном состоянии; чтобы удостовериться, что это не сон, я прочел свои стихи вслух. Странное я испытывал ощущение, прислушиваясь сам к своим стихам». [1]

Лишенный необходимой литературной подготовки, Кольцов с трудом овладевал стихотворной культурой. Первые его поэтические опыты были робкими и беспомощными ученическими подражаниями.

В 1828 году произошел трагический эпизод с возлюбленной Алексея Васильевича, крепостной горничной Кольцовых Дуняшей. По свидетельству биографов, она отличалась необыкновенной красотой. Кольцов горячо любил ее и собирался жениться на ней. Разумеется, у расчетливого «алтынника» Василия Петровича эти планы сочувствия встретить не могли, и, воспользовавшись отсутствием Алексея Васильевича, он продал шестнадцатилетнюю девушку одному из донских помещиков.

Эта расправа так подействовала на Кольцова, что он тяжело заболел. Дуняша, по словам Белинского, попав в донские степи, в казачью станицу, скоро зачахла и умерла. [2] «Эти подробности, — пишет Белинский, — мы слышали от самого Кольцова в 1838 году. Несмотря на то, что он вспоминал горе, постигшее его назад тому более

---

[1] А. Я. Панаева. Воспоминания. 1948, стр. 93.

[2] Имеются, однако, другие сведения о дальнейшей судьбе Дуняши. По свидетельству П. Малыхина, «она после смерти Кольцова приезжала в Воронеж и была у сестры поэта в доме» (П. В. Малыхин. Кольцов и его неизданные стихотворения. «Отечественные записки», 1867, № 2, стр. 830).

десяти лет, лицо его было бледно, слова с трудом и медленно выходили из его уст, и, говоря, он смотрел в сторону и вниз...» (IX, 505). Образ Дуняши запечатлен Кольцовым в ряде стихотворений: «Песня» («Если встречусь с тобой...»), «Первая любовь», «Ничто, ничто на свете...»

В родном городе Кольцова окружала косная и невежественная среда провинциального мещанства. Но и в Воронеже были живые и здоровые силы, жадно стремившиеся к культуре, к передовым идеям эпохи. Одним из ярких выразителей этих передовых сил был воронежский семинарист А. П. Сребрянский, человек образованный, одаренный, с широким кругозором и разносторонними интересами. В литературном развитии Кольцова он сыграл важную роль. С Сребрянским поэт сблизился в 1829 году. Вокруг Сребрянского группировались воронежские семинаристы. Кружок занимался по преимуществу философскими и эстетическими вопросами. Сребрянский сам писал стихи, хотя поэтический талант его был невелик: стихотворения его, сохранившиеся в бумагах Кольцова, туманны и маловыразительны. Единственное произведение Сребрянского, получившее известность, — это песня «Быстры, как волны, дни нашей жизни...»

Первые стихотворения Кольцова увидели свет при весьма необычных обстоятельствах. В 1830 году в Воронеже проездом был таганрогский литератор Василий Сухачев. Кольцов передал ему несколько стихотворений, которые тот включил без ведома автора в свой сборник «Листки из записной книжки В. Сухачева». Таким образом, первые свои произведения Кольцов увидел в печати под чужой фамилией.

В. Сухачев принадлежал к тайному «Обществу независимых», близкому по своей идеологии к декабризму.[1] С Сухачевым Кольцова познакомил Кашкин.

Есть основание предполагать, что отзвуки освободительных идей декабризма и помимо Кашкина доходили до ближайшего окружения Кольцова. Так, среди близких к Сребрянскому людей находился преподаватель философии П. И. Ставров, который был довольно тесно связан с Рылеевым в ту пору, когда тот в 1817—1818 годы служил неподалеку от Воронежа.[2]

Преувеличивать значение этих фактов, однако, не следует. Сухачев встретился с Кольцовым в ту пору, когда уже не состоял в

[1] Ю. Г. Оксман. А. В. Кольцов и тайное «Общество независимых». «Ученые записки Саратовского университета», т. XX. Выпуск филологический, 1948.

[2] А. Моисеева. А. В. Кольцов. М., 1956, стр. 17.

тайном обществе, а занимался хлопотами о поступлении на государственную службу. Нет оснований преувеличивать и роль Кашкина в жизни Кольцова.

Начало 30-х годов явилось переломным временем в жизни и деятельности Кольцова. В 1830 году он познакомился с Н. В. Станкевичем, а через него в 1831 году — с Белинским. Эти встречи во многом определили дальнейшую литературную судьбу поэта.

Знакомство со Станкевичем произошло в весьма примечательной, колоритной обстановке. Однажды, будучи у своего отца на винокуренном заводе, куда прасолы пригоняли скот для кормления бардой, Станкевич услыхал от камердинера, что недавно прибывший молодой прасол читал им такие песни, что они все заслушались. Эти песни камердинер тут же повторил Станкевичу. На Станкевича они произвели настолько сильное впечатление, что он пожелал повидать Кольцова и выяснить у него, кому принадлежит текст этих песен. Каково же было его удивление, когда он узнал, что автор этих стихов — сам Кольцов!

Знакомство со Станкевичем явилось значительным событием в жизни Кольцова. Благодаря Станкевичу поэт сблизился с Белинским и вошел в большую литературу.

В 1831 году в «Литературной газете» (№ 94) было напечатано стихотворение «Кольцо» со следующим письмом Станкевича, обращенным к редактору: «Вот стихотворение самородного поэта г. Кольцова. Он воронежский мещанин, и ему не более двадцати лет от роду; нигде не учился и, занятый торговыми делами по поручению отца, пишет часто дорогою, ночью, сидя верхом на лошади... Познакомьте читателей «Литературной газеты» с его талантом».

Конечно, стихи Кольцова обратили на себя внимание и благодаря необычности биографии поэта, но главным образом все-таки из-за тех черт, которые им были внутренне присущи.

Начиная с 1831 года завязалась сердечная дружба между Кольцовым и Белинским, которая не ослабевала вплоть до последних дней поэта. Сам Кольцов всячески подчеркивал, сколь многим обязан он великому критику. «И какой светлый ум у этого человека! — говорил Кольцов И. И. Панаеву. — Какое горячее, благородное сердце! Я обязан всем ему: он меня поставил на настоящую мою дорогу...» [1]

Со своей стороны Белинский подчеркивал свою симпатию к Кольцову. В письме к В. П. Боткину от 25 октября 1840 года он

---

[1] И. И. Панаев. Литературные воспоминания. 1950, стр. 111.

писал: «Кольцов живет у меня — мои отношения к нему легки, я ожил немножко от его присутствия» (XI, 365).

С 1831 года стихи Кольцова начали печататься в столичных журналах. В 1835 году, по инициативе Станкевича, вышел первый сборник стихотворений Кольцова, изданный на средства, собранные по подписке. Вошло в него восемнадцать стихотворений, отобранных Станкевичем. Сборник имел успех. Знаменательно, что он был сочувственно встречен Пушкиным. В «Письме к издателю», опровергая мнение, будто в последнее время замечено в публике «равнодушие к поэзии», Пушкин в ряду фактов, свидетельствующих, напротив, об интересе к стихам, указал и на то, что «Кольцов обратил на себя общее благосклонное внимание... Где же тут равнодушие публики к поэзии?»[1]

Кольцов начал приобретать широкую популярность. Приехав в Петербург в 1836 году, он познакомился с В. А. Жуковским, В. Ф. Одоевским, П. А. Вяземским, А. А. Краевским, И. И. Панаевым, П. А. Плетневым.

Неизгладимое впечатление произвела на Кольцова встреча с Пушкиным в 1836 году на квартире у поэта. Об этой встрече со слов Кольцова рассказал А. Юдин. «Едва Кольцов сказал ему свое имя, как Пушкин схватил его за руку и сказал: «Здравствуй, любезный друг! Я давно желал тебя видеть». Кольцов пробыл у него довольно долго и потом был у него еще несколько раз. Он никому не говорил, о чем он беседовал с Пушкиным, и когда рассказывал о своем свидании с ним, то погружался в какое-то размышление».[2] Белинский и П. В. Анненков свидетельствуют, что Кольцов был растроган радушным и теплым приемом, который он встретил у поэта. Пушкин, отмечая недостаток образования у Кольцова, видел в нем, однако, человека с большим талантом и широким кругозором.

Столичные знакомые Кольцова, за редким исключением, отнеслись к нему доброжелательно. П. А. Вяземский писал 23 января 1836 года А. И. Тургеневу: «Вот настоящая поэзия: Кольцов — воронежский мещанин, торгующий скотом, до десяти лет учившийся грамоте в училище и с того времени пасущий и гоняющий стада свои в степях... Дитя природы, скромный, простосердечный! Прочти стихотворение «Великая тайна», переведи и передай его Ламартину в ожидании стихов Пушкина, да не забудь сказать, que c'est

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 7. М.—Л., 1949, стр. 442.

[2] «Опыты в сочинениях студентов Харьковского университета», т. I. 1846, стр. 221.

un bouvier (что это прасол. — *Л. П.*)... Подбей его перевести «Великую тайну» и посвятить свой перевод Жуковскому».[1]

Жуковский, сопровождая своего воспитанника, цесаревича Александра, посетил в 1837 году Воронеж. Здесь вместе с Кольцовым он осматривал городские достопримечательности. Оказывая покровительство поэту-мещанину, Жуковский в гимназии обратился к учителям с речью, в которой просил «просвещенное общество» сблизиться с Кольцовым и помочь ему в самообразовании.

Жуковский и Вяземский помогали Кольцову в его торговых и тяжебных делах. Так, например, Жуковский 15 марта 1838 года писал тамбовскому губернатору Н. М. Гамалею: «Позвольте представить вашему превосходительству подателя письма сего, воронежского купца Кольцова, и просить вашего покровительства ему по делу его, о коем он будет иметь честь представить вам записку. Кольцов человек весьма замечательный; он торгует и пишет стихи весьма хорошие. Но стихи не мешают ему заниматься своим делом. Прошу вас оказать благосклонное внимание моему собрату по Парнасу».[2]

В следующие годы круг литературных связей поэта значительно расширился. Приезжая в Москву и Петербург по делам своего отца, он присутствовал на литературных вечерах, на которых собирался цвет художественного мира.

Необходимо, однако, отметить, что Кольцов нередко болезненно ощущал покровительственное отношение к себе со стороны петербургских знакомых. И. И. Панаев рассказывает, что Кольцов передавал ему «впечатления, которые производили на него разные петербургские литературные знаменитости, и характеризовал каждого из них. Эти характеристики были исполнены ума, тонкости и наблюдательности; я был поражен, выслушивая их.

— Эти господа, — прибавил Кольцов в заключение с лукавой улыбкою, — несмотря на их внимательность ко мне и ласки, за которые я им очень благодарен, смотрят на меня как на совершенного невежду, ничего не смыслящего, и презабавно хвастают передо мной своими знаньями, хотят мне пускать пыль в глаза. Я слушаю их разиня рот, и они остаются мною очень довольны, а между тем я ведь их вижу насквозь-с».[3]

Петербургским литераторам Кольцов противопоставлял московский кружок Белинского и Станкевича, в котором он встречал подлинное понимание и сочувствие: «Московский кружок — то есть я разумею именно кружок Белинского, — говорил он Панаеву, — все-

---

[1] Остафьевский архив, т. 3. СПб., 1889, стр. 289.

[2] «Русский архив», 1910, № 12, стр. 680.

[3] И. И. Панаев. Литературные воспоминания. 1950, стр. 112.

таки нельзя сравнить с здешними... Я, откровенно вам скажу, только и отдыхаю там от разных своих забот и неприятностей... К тому же у этих людей есть чему поучиться».[1] В стихотворении «Поминки», посвященном памяти Н. В. Станкевича, Кольцов говорит о «младых друзьях», в душе которых кипит «могучая сила».

Оказав в 1835 году энергичное содействие в издании первого сборника кольцовских стихов, Белинский постоянно помогал поэту в его творческом развитии. По советам критика Кольцов исправлял свои стихи, прежде чем давать их в журналы. В 1840 году у Белинского возникла мысль издать новый сборник стихов Кольцова. Однако этот проект он осуществил только после смерти Кольцова — в 1846 году.

Одна из замечательных особенностей нравственного облика Кольцова — это его неугасимое, страстное, настойчивое стремление к культуре, к знанию. Под влиянием Белинского Кольцов интенсивно занимался самообразованием. Он пользовался малейшей возможностью, чтобы восполнить пробелы в своем образовании, жадно знакомился с научной и художественной литературой. Он обращался к своим столичным друзьям с многочисленными просьбами помочь ему достать нужные книги. Характерно в этом смысле письмо к А. А. Краевскому от 13 марта 1837 года. В нем содержится список книг, которые Кольцову хотелось бы приобрести. Здесь и «Отелло» Шекспира и «Сказания русского народа о семейной жизни его предков» И. Сахарова, «Недоросль» Фонвизина и «Новый курс философии» Жеразе, «Руководство к истории литературы» Вахлера, «Двумужница» А. Шаховского и «Серапионовы братья» Гофмана.

Кольцов болезненно ощущал пробелы в своих знаниях. Переписка поэта показывает, как широк был круг его интересов и как жадно и упорно он стремился стать в науке «с веком наравне». Эта настойчивая работа над своим духовным развитием проявлялась у Кольцова до последних дней жизни. Незадолго до смерти Кольцов делился с Белинским своими заветными мечтами и планами. Он писал, что ему хотелось бы сначала «поучить хорошенько свою русскую историю, потом естественную, всемирную, потом выучиться по-немецки, читать Шекспира, Гете, Байрона, Гегеля, прочесть астрономию, географию, ботанику, физиологию, зоологию...» И Кольцов добавлял: «Вот мои желания, и, кроме их, у меня ничего нет».[2]

Литературное положение Кольцова постепенно укреплялось. Стихи его печатались в лучших журналах. Но вместе с тем в жизни

---

[1] И. И. Панаев. Литературные воспоминания. 1950, стр. 112.
[2] А. В. Кольцов. Сочинения. М., 1955, стр. 301.

его назревал драматический конфликт, все резче выступали контрасты, о которых столь ярко говорил Белинский: «Прасол, верхом на лошади гоняющий скот с одного поля на другое, по колени в крови присутствующий при резании, или, лучше сказать, при бойне скота; приказчик, стоящий на базаре у возов с салом и мечтающий о любви, о дружбе, о внутренних поэтических движениях души, о природе, о судьбе человека, о тайнах жизни и смерти... в то же время... смышленый и бойкий русский торговец, который продает, покупает, бранится и дружится бог знает с кем, торгуется из копейки и пускает в ход все пружины мелкого торгашества, которых внутренно отвращается как мерзости: какая картина, какая судьба, какой человек!..» (IX, 507).

В самом деле, с одной стороны — напряженные философские искания в кружке Станкевича, дружба с Белинским, задушевные разговоры с Пушкиным, широкий круг интеллектуальных интересов, а с другой — тусклый быт провинциального мещанства, преследования со стороны родных, зависть и мстительная вражда воронежских недругов. Судьба Кольцова была поистине трагической.

Жизнь в Воронеже становилась для него все более и более тягостной.

Кольцов имел полное основание говорить о злобе и зависти некоторых своих земляков; они, чем могли, отравляли существование поэта. Местные стихотворцы однажды пригласили Кольцова на свое собрание и там прочитали ему пасквиль — басню «Чиж-подражатель», написанную воронежским поэтом Волковым. Кольцов изображен в ней как жалкое и смешное существо, раболепно пресмыкающееся перед «барами»:

Всего наш Чиж на память понемногу
Чужого нахватал,
И в пении своем без смысла всё смешал.
И стала песнь его не песнь, а кавардак,
А эхо лишь одно вторило: «Дурак, дурак!»

В рукописях Кольцова имеется копия этой басни, переписанная рукой поэта. Эти оскорбительные и жестокие выходки действовали на Алексея Васильевича угнетающе.

Стоит ли удивляться, что в письмах Кольцова последних лет нередко звучала смертельная тоска и отчаяние: «В Воронеже долго мне не сдобровать. Давно живу я в нем и гляжу вон, как зверь. Тесен мой круг, грязен мой мир; горько жить мне в нем».[1] «Теперь

[1] А. В. Кольцов. Сочинения. М., 1955, стр. 300.

во всем городе у меня не только нет милого человека, нет даже и такого, с кем можно убивать время и кто бы пришел ко мне и не был бы мне тяжел. Конечно, то не житье, а каторга, и я — что день — больше начинаю чувствовать это убийственное одиночество».[1]

Последние годы жизни Кольцова в Воронеже были необыкновенно тяжелы. Родные бесконечно мучили его. Отец еще мог мириться с сыном, когда он видел, что поэтическая деятельность и связи Алексея Васильевича со знаменитыми литераторами помогают ему в торговых делах, но, коль скоро эти расчеты все меньше и меньше оправдывались, отношение к «беспутному» сыну становилось все более деспотическим и бесчеловечным. Занятия поэзией он считал пустым баловством. Вражду со стороны родных еще более обострило увлечение Кольцова Варварой Григорьевной Лебедевой, к которой в семье поэта относились неодобрительно. Сильное и мучительное чувство к ней осложнило и без того трудную жизнь Кольцова. В стихотворении «Ты в путь иной отправилась одна...», посвященном Лебедевой, Кольцов укоряет ее за то, что она «для преступных наслаждений, для сладострастья без любви других любимцев избрала». Тут же поэт клянется вывести ее из «бездны страшного греха».

Но, может быть, самое трагическое в жизни Кольцова заключалось в том, что, страстно стремясь вырваться из мещанского мира, Кольцов так и не нашел в себе сил до конца с этим миром порвать.

В 1839 году издатель «Отечественных записок» А. А. Краевский пригласил Кольцова в Петербург заведовать книжной конторой своего журнала, а в 1841 году Белинский предложил ему переехать в столицу и жить у него. Эти предложения Кольцов отклонил. Его страшила возможность оказаться в зависимом положении от столичных друзей.

Известную роль играли здесь и внешние обстоятельства. Кольцовы задолжали своим кредиторам до двадцати тысяч рублей. Векселя подписывал не только отец поэта, но и он сам. В письме к Белинскому он выражал опасение, что из Воронежа его не выпустит из-за долгов полиция. Но, конечно, главным было то, что поэт не находил в себе сил, энергии, решимости порвать с прошлым и начать новую жизнь в Петербурге.

Вдобавок ко всему силы Кольцова подорвала тяжкая болезнь.

Знакомые поэта, пишет биограф Кольцова де Пуле о последнем периоде его жизни, «не раз встречали по весне и вплоть до

---

[1] А. В. Кольцов. Сочинения. М., 1955, стр. 349.

июля Алексея Васильевича, бледного и понурого, медленно прогуливающегося по Дворянской улице».[1]

В сентябре 1842 года Кольцов слег и уже больше не вставал. Умер он 29 октября 1842 года. Последние месяцы его жизни были страшны. Узнав о смерти Кольцова, Белинский писал 9 декабря 1842 года В. П. Боткину: «Страдалец был этот человек — я теперь только понял его» (XII, 123).

2

В истории русской литературы Кольцов сыграл большую роль. Наиболее глубоко и правильно значение кольцовской поэзии было раскрыто великими деятелями революционной демократии, и в первую очередь Белинским.

Уже в рецензии на сборник стихов Кольцова (1835) Белинский противопоставил правдивость, естественность и простоту поэзии Кольцова искусственности и манерности стихов Бенедиктова.

Развернутую оценку творчества Кольцова Белинский дал в своей большой вступительной статье к первому посмертному собранию сочинений Кольцова в 1846 году.

Статья Белинского представляла собой, по сути дела, первую, основанную на большом фактическом материале, биографию поэта. Воспользовавшись и собственными впечатлениями, и рассказами Кольцова, и своей перепиской с ним, Белинский воссоздал разносторонний и глубоко жизненный образ поэта. Со страниц статьи Белинского Кольцов встает перед нами во всем обаянии своей незаурядной личности, во всем драматизме своей судьбы.

Статья критика содержала и первую развернутую оценку и анализ творческой деятельности поэта. Белинский назвал Кольцова «гениальным талантом». «Гениальный талант, — писал Белинский, — отличается от обыкновенного таланта тем, что, подобно гению, живет собственною жизнию, творит свободно, а не подражательно, и на свои творения налагает печать оригинальности и самобытности со стороны как содержания, так и формы» (IX, 528).

И жизнь и творчество Кольцова были для Белинского красноречивым аргументом против официального и славянофильского понимания народности. Жизнь Кольцова, с ее тяжкими противоречиями, опровергала легенду славянофилов о гармоничности русского патриархального семейного быта. В такой же мере разрушала славянофильские теории об идилличности крестьянского существования

---

[1] М. де Пуле. А. В. Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке. СПб., 1878, стр. 182.

поэзия Кольцова, правдиво и честно, без прикрас раскрывавшая радости и горести, мысли и чувства крестьянства. Белинский тонко отметил своеобразный принцип кольцовского реализма — умение найти поэзию в самых прозаических явлениях жизни. Поэзию крестьянского быта «нашел он, — писал Белинский, — в самом этом быте, а не в риторике, не в пиитике, не в мечте, даже не в фантазии своей, которая давала ему только образы для выражения уже данного ему действительностью содержания... И потому в его песни смело вошли и лапти, и рваные кафтаны, и всклокоченные бороды, и старые онучи, — и вся эта грязь превратилась у него в чистое золото поэзии» (IX, 534).

Большое значение Белинский придавал национальному колориту поэзии Кольцова. В его «русских песнях», по мнению критика, и содержание и форма чисто русские, и это объясняется тем, что Кольцов «по своей натуре и по своему положению был вполне русский человек. Он носил в себе все элементы русского духа, в особенности — страшную силу в страдании и в наслаждении, способность бешено предаваться и печали и веселию и вместо того, чтобы падать под бременем самого отчаяния, способность находить в нем какое-то буйное, удалое, размашистое упоение» (IX, 533). В понятие «русский человек» Белинский вкладывает не только национальное, но и социальное содержание. Недаром он говорит, что Кольцов был русским и «по своему положению». Выразить национальную стихию Кольцову удалось, по мнению Белинского, потому, что он был «сыном народа».

Точка зрения Белинского была усвоена и другими великими русскими революционными демократами. В глазах Добролюбова Кольцов — свидетельство огромной духовной мощи и талантливости русского народа. Он ставит поэта в ряд таких сынов народа, как Минин, Ломоносов, Кулибин. Добролюбов подтверждает взгляд Белинского: «Кольцов первый стал представлять в своих песнях настоящего русского человека, настоящую жизнь наших простолюдинов так, как она есть, ничего не выдумывая».[1] Статья Добролюбова заканчивается многозначительным утверждением: «Кольцов вполне заслуживает наше внимание и сочувствие, не только как замечательный простолюдин-самоучка, но и как великий народный поэт».[2]

---

[1] Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. 1. 1934, стр. 153.

[2] Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. 1. 1934, стр. 161.

Для Салтыкова-Щедрина, как и для Белинского, поэзия Кольцова служит убедительным опровержением фальшивых славянофильских теорий. Поэт правдиво сумел отразить и фаталистические черты в мировоззрении крестьянина, и повседневные заботы, которыми полна деревенская жизнь, и «жгучее чувство личности». В истории русской литературы Салтыков-Щедрин отвел Кольцову видное место: «Кольцов велик именно тем глубоким постижением всех мельчайших подробностей русского простонародного быта, тою симпатией к его <народа> инстинктам и стремлениям, которыми пропитаны все лучшие его стихотворения».[1] Щедрин подчеркнул, что Кольцов обогатил наш поэтический язык, узаконив в нем простую русскую речь, и в этом смысле он является в истории литературы как бы «пополнителем Пушкина и Гоголя». «Весь ряд современных писателей, посвятивших свой труд плодотворной разработке явлений русской жизни, есть ряд продолжателей дела Кольцова».[2]

Чернышевский в своей статье о Кольцове полностью солидаризировался с той концепцией его творчества, которая была развернута в известной статье Белинского. «По энергии лиризма, — писал он, — с Кольцовым из наших поэтов равняется только Лермонтов, по совершенной самобытности Кольцов может быть сравнен только с Гоголем».[3]

Голос широких социальных низов услыхал в поэзии Кольцова А. И. Герцен. «Россия забитая, Россия бедная, мужицкая — вот кто подавал здесь о себе голос».[4]

Эти высказывания великих представителей революционной демократии являются для нас убедительным свидетельством социальной значительности творчества Кольцова, — свидетельством, на котором мы должны основываться при анализе его поэтической деятельности.

3

Поэзия Кольцова — не случайное и одинокое явление, лежащее в стороне от магистральных путей русской литературы. Закономерность появления Кольцова в литературе нельзя связывать только с творчеством «поэтов-самоучек» — таких, как Слепушкин, Суханов,

---

[1] Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений, т. 5. М. — Л., 1937, стр. 37.

[2] Там же, стр. 38.

[3] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. 3. М., 1947, стр. 515.

[4] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, т. 9. Пг., 1919, стр. 98.

Алипанов и другие. Смысл поэтической работы Кольцова может быть понят лишь на фоне основных литературных событий эпохи.

Деятельность Кольцова развернулась в 30-е годы. Это время было отмечено усилением политической реакции после разгрома декабрьского восстания. Николаевский министр просвещения Уваров выразил основные положения реакционной и крепостнической идеологии в знаменитой «триаде»: «самодержавие, православие, народность». Под «народностью» в сущности подразумевалось крепостное право, как отвечающее якобы «народным» началам монархической государственности. Рост охранительной литературы Булгариных и Кукольников может считаться в известной мере знамением времени. Сам Кольцов воспринимал специфические черты эпохи очень чутко. В стихотворении «Лес», посвященном гибели Пушкина, Кольцов недвусмысленно указывал на то, что великий поэт пал трагической жертвой «безвременья» и «черной осени».

Но освободительная борьба в России не прекратилась. Передовая мысль в кружке Герцена, в пламенных статьях Белинского жадно искала новых путей, новой революционной теории. Дворянская революционность исчерпывала себя. Закладывались основы будущей революционно-демократической идеологии.

Этот период был переломной, поворотной эпохой и в русской литературе. «Капитанская дочка» и «Медный всадник» Пушкина, поэзия Лермонтова, повести Гоголя, статьи Белинского — все эти явления свидетельствовали о решительной победе принципов реализма и народности. В этом же генеральном направлении русской литературы развивалась и поэтическая деятельность Кольцова.

Для понимания существа творчества Кольцова проблема народности имеет особое значение. Совершенно неведомую раньше остроту и актуальность эта проблема приобрела в 20-х годах прошлого века. Огромную роль при этом сыграл рост национального самосознания под влиянием событий 1812 года. Нашествие наполеоновских полчищ, и победоносная борьба народа, разгромившего иноземных захватчиков, в неизмеримой степени обострила чувство национальной силы и достоинства.

Белинский говорил о «буре иноплеменного нашествия», которая пробудила «чувство народа», стимулируя рост его национального самосознания. Этот рост национального самосознания требовал своего выражения и в литературе.

Помимо конкретных исторических причин, несомненную роль в усилении внимания к народности сыграло движение романтиков. Классицизм по самой своей сути игнорировал самобытность в поэзии, ибо каждое произведение он расценивал с точки зрения соответ-

ствия его некоему абстрактному идеалу художественного совершенства.

Романтизм же на своих знаменах в качестве одного из основных лозунгов написал лозунг борьбы за национальную самобытность литературы, за народность. В русской литературе 20-х годов народность и понималась преимущественно как национальное своеобразие, национальная самобытность. «Климат, образ правления, вера, — писал Пушкин в 1825 году, — дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии». «Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу». [1]

Изображение «отечественных нравов» считал решающим признаком народности В. Кюхельбекер. [2] О. М. Сомов в статьях «О романтической поэзии» писал: «Словесность народа есть говорящая картина его нравов, обычаев и образа жизни. В каждом писателе, особливо в стихотворце, как бы невольно пробиваются черты народные». Сомов опровергал мнение, будто в России «не может быть поэзии народной», то есть национальной, самобытной: «Природа и человек, прошедшее и настоящее говорят поэту: выбирай и твори! .. Может ли поэзия сделаться народной, когда в ней мы отдаляемся от нравов, понятий и образа мыслей наших единоземцев? Лучшие строфы поэмы Тассовой поются в Италии гондольщиками... простой народ в Англии любит Шекспира и восхищается им... Но трагедии Корнеля и Расина почти неизвестны в народе французском... Причина ясна: она <трагедия> не в духе народа... Самый язык их, язык двора и высших сословий, едва ли понятен для народа». [3]

Если в 20-х годах народность понималась преимущественно как национальное своеобразие, то в 30-х годах это понимание народности было значительно углублено. Для прогрессивных общественных сил во главе с Белинским народность, оставаясь выражением национальной самобытности, вместе с тем все больше становилась синонимом демократических устремлений в литературе. Теперь важно было услышать голос самого крестьянства, голос народных низов, который поведал бы о социальном бытии, о внутреннем мире, о переживаниях обездоленных масс.

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 7. М. — Л., 1949, стр. 39—40.

[2] В. Кюхельбекер. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие. «Мнемозина», 1824, ч. 2, стр. 42.

[3] Орест Сомов. О романтической поэзии. СПб., 1823, стр. 80—99.

Творчество Кольцова сразу обратило на себя внимание передовых людей своего времени именно потому, что принесло с собой новый, свежий жизненный материал. В нем сильно и искренне прозвучал голос простого народа. Поэзия Кольцова была поднята на щит Белинским именно потому, что была проникнута духом демократической народности. Не случайно еще в 1835 году Белинский заявил по поводу стихов Кольцова: «Вот этакую *народность* мы высоко ценим» (I, 389).

4

Творческий путь Кольцова был трудным и противоречивым. Прежде чем найти себя, прежде чем обрести свою поэтическую самобытность, Кольцову пришлось преодолеть немало влияний.

Литературные факторы, под воздействием которых формировался поэтический талант Кольцова, были весьма разнообразны. Здесь и книжная поэзия, и в частности то направление, в котором сильны были элементы стилизации устной лирики, здесь и мещанский фольклор с его «жестоким» романсом, здесь, наконец — и это самое главное — народная поэзия.

С традиционными формами лирической поэзии 20-х годов Кольцов мог познакомиться разными путями. Конечно, прежде всего это чтение книг. В Воронеже в 20-х и 30-х годах были литературные кружки в гимназии и в семинарии. Эти кружки выпускали рукописные стихотворные сборники. Один из сборников носил название «Цветник нашей юности» и был заполнен романсами, посланиями и «русскими песнями». Зависимость раннего творчества Кольцова от этих сборников подчеркивается хотя бы сопоставлением заглавия двух тетрадей Кольцова, которые названы им — под бесспорным воздействием семинарского альманаха — «Незабудки с долины моей юности». Ранняя поэзия Кольцова свидетельствует о его близости к романсной сентиментальной лирике. В воронежской тетради кольцовских рукописей — «Начальные опыты в стихах А. Кольцова» — целый раздел назван Кольцовым «Романсы и смесь». Знаменательно, что в этот раздел включены и песни. Во многих из них сам Кольцов видел романсное начало. Среди ранних стихов Кольцова можно найти все традиционные жанры сентиментальной лирики. Ее каноны были усвоены Кольцовым чрезвычайно прочно. Он пишет элегии и баллады, в его стихах фигурируют «фиалы», «зефиры», «наяды» и т. д.

Немалую роль в формировании молодого поэта сыграл учебник, которым Д. Н. Кашкин снабдил Кольцова: «Русская просодия, или Правило как писать стихи, с краткими замечаниями о разных родах

стихотворений. Для воспитанников Благородного университетского пансиона» (М., 1808).

«Просодия» тем и примечательна, что она формулировала ходовые нормы школьных «пиитик». Кольцов, которому жизнь простого народа с юных лет была знакома по непосредственным впечатлениям, не считал ее достойным предметом для поэзии. Он прибегал к условным формам книжной поэзии и писал стихи в согласии с требованиями «Просодии». Приведем только один пример.

Среди разного рода определений стихотворных жанров в «Просодии» имелись специальные разъяснения насчет пасторали. «В пастушеском стихотворении, — читаем мы, — описывается сельская жизнь со всеми прелестями... Местами или сценами сочинению сему служат леса, горы, долины, дерева и проч., а действующими лицами — пастухи, пастушки, поселяне или поселянки». Одно стихотворение Кольцов так и назвал — «Прекрасной поселянке». Среди ранних его опытов имеется стихотворение «Довольный пастух», выдержанное в духе требований «Просодии». Кольцовский пастух безоблачно радостен и доволен... И хотя он задумывается над тем, что одни живут легко и сытно, а другие должны довольствоваться черным хлебом и водой, эти мрачные мысли он отгоняет от себя: утешением ему служит свирель, любимые овечки, прохладные долины и зеленые луга.

В стихотворении «Письмо к Д. А. Кашкину» (1829) Кольцов впервые попытался определить свою творческую позицию, а также отметил ту роль, которую сыграл Кашкин в его литературном образовании. Он предвидит, что, прочтя его стихи, Кашкин скажет:

«Его трудов виновник я!» —
Так точно, друг, мечты младые,
И незавидливый фиал,
И чувств волненье ты впервые
Во мне, как ангел, разгадал.
Ты, помнишь, раз сказал: «Рассей
С души туман непросвещенья
И на крылах воображенья
Лети к Парнасу поскорей!»
Совету милого послушный,
Я дух изящностью питал...

Ранние стихи Кольцова показывают, сколь ревностно молодой поэт «дух изящностью питал». Ему казалось, что действительная жизнь, реальные впечатления бытия это одно, а мир поэзии, Парнас, со своими законами изящного, — нечто совсем иное и между ними нет

ничего общего. Позднее, под влиянием самой жизни, под воздействием Белинского Кольцов понял, что в обыкновенной действительности можно найти источники поэтического вдохновения. Это было большим открытием в творчестве Кольцова, открытием, которое направило по новому пути всю его деятельность.

Впрочем, говоря о ранних опытах поэта, необходимо уточнить одно обстоятельство. Неверно было бы думать, что влияние Белинского явилось каким-то внешним, механическим вмешательством, которое повернуло поэта на новый путь. Внутренняя эволюция самого Кольцова шла, так сказать, навстречу требованиям Белинского, в самом поэте совершался важный и плодотворный процесс, который приобрел благодаря критику свое яркое оформление. В самом деле, еще до 1831 года, то есть до того, как молодой поэт встретился с Белинским, он, наряду со всякого рода «триолетами», «стансами», «элегиями», «посланиями», написал такие яркие произведения, как песни «По-над Доном сад цветет. . .», «Кольцо» и замечательную «Сельскую пирушку». Заслуга Белинского в том и состоит, что он разгадал те многообещающие задатки, которые внутренне присущи были поэзии Кольцова, и сумел разъяснить поэту его собственное призвание и предназначение.

Правда, и в жанре романса зрелый Кольцов работал успешно. Освобождаясь от безвкусицы ранних подражательных опытов, он развивал лучшие традиции этого жанра, внося в него непосредственность, силу чувства, глубину и искренность переживаний. Достаточно вспомнить, какой популярностью пользуются до сих пор такие романсы Кольцова, как «Последний поцелуй» («Обойми, поцелуй. . .») или «Разлука» («На заре туманной юности. . .»).

Но самобытность, оригинальность кольцовского дарования проявились во всю мощь в русской песне. Белинский справедливо отмечал, что «в русских песнях талант Кольцова выразился во всей своей полноте и силе» (IX, 526).

Нельзя сказать, чтобы у Кольцова не было предшественников в этой области. Кольцов явился ярчайшим выразителем той песенной поэзии, которая в русской литературе имела богатую традицию. Здесь надо отметить Ю. А. Нелединского-Мелецкого, песня которого «Выйду ль я на реченьку. . .» приобрела широкую популярность. Удачные образцы художественной обработки фольклорных мотивов давал А. Ф. Мерзляков в таких произведениях, как «Среди долины ровныя. . .» и «Чернобровый, черноглазый, молодец удалой. . .». В жанре русской песни писали В. А. Жуковский («Кольцо души-девицы. . .»), А. Ф. Вельтман («Песня разбойников»), П. А. Вяземский («Собирайтесь, девки красны. . .»), И. И. Лажечников («Сладко пел душа-

соловушко. . .»). Блестящими образцами художественной песни, основанной на фольклорных мотивах, были песни Пушкина («Девицы-красавицы. . .», «Песни о Стеньке Разине» и др.). Значительное распространение имели русские песни А. А. Дельвига, оказавшие непосредственное влияние на Кольцова. Наконец, должны быть выделены талантливые песни Н. Г. Цыганова. Некоторые из них приобрели очень широкую известность. Достаточно напомнить хотя бы песню «Красный сарафан» («Не шей ты мне, матушка. . .»).

Несмотря на то, что Кольцов имел предшественников, поэзия его была глубоко оригинальной и самобытной, ему удалось сказать новое слово в русской литературе. Поэзия крестьянского быта, поэзия земледельческого труда, использование песенных традиций не только в любовной лирике, но и для изображения всего многообразия жизни — таково то новое, что внес Кольцов в литературу.

Тема крестьянского труда разрабатывалась и до Кольцова, в частности поэтом-самоучкой, выходцем из крестьянской среды, Ф. Слепушкиным. Сходство отдельных тем и мотивов у Слепушкина и Кольцова несомненно. Но стоит сопоставить разработку аналогичных тем у этих поэтов, чтобы ясно почувствовать то новое, что внес с собой в литературу Кольцов. Для сравнения можно взять, например, «Сельскую пирушку» Кольцова и «Пир» Слепушкина. [1] Слепушкин, как и Кольцов, изображает довольство и изобилие крестьянской жизни:

В селе ли праздник храмовой,
У старшего ли именины,
Случатся ль к радости крестины —
У мужичка тут пир горой.
Друзей, родню он созывает
И пива котлик наварит;
Ведро сивушки сготовляет,
Барана, свинку снарядит,
Цыпляток в пироги управит,
И полны блюды пирогов,
Похлебки в разный вкус наставит
И пир совсем уже готов.

Можно было бы без труда установить параллели в произведениях Кольцова и Слепушкина. «Натюрморты» крестьянского пиршественного стола, встреча гостей, подношение им чары — все это на-

---

[1] «Досуги сельского жителя». Стихотворения Федора Слепушкина. СПб., 1828, стр. 31.

личествует и в «Пире» и в «Сельской пирушке». Некоторые места даже текстуально близки, однако как раз сопоставление наиболее сходных мест позволяет судить не только о степени талантливости Кольцова, но и о принципиально ином подходе у него к явлениям крестьянской жизни.

У Слепушкина	У Кольцова
Пируют гости за столом. Там в речь старик со стариком, Что видели они, слыхали, Какие встарь цари бывали, Когда война, куда поход, Когда бывал голодный год.	Гости пьют и едят, Речи гуторят: Про хлеба, про покос, Про старинушку. Как-то бог и господь Хлеб уродит нам? Как-то сено в степи Будет зелено?

Слепушкин не без воздействия ранних ревнителей официозной народности всячески стремится представить крестьянина прежде всего как верного «царева слугу» и благонамеренного помещичьего холопа. Неудивительно, что крестьяне у него толкуют по преимуществу о царях и о походах. У Кольцова крестьянин изображен с его личными, будничными, естественными думами и заботами. Не как «царев слуга» и помещичий раб интересует Кольцова крестьянин, а как человек. Еще отчетливее эта разница обозначается в стихах, посвященных земледельческому труду. Труд у Слепушкина — веселый и радостный, но в чем источник этой радости? В «Сельской песне» Слепушкин пишет:

Радостно, соседушки,
    В поле работа́ть, —
Весело, родимые,
    Нивы засевать.

Есть у нас царь-батюшка
    На святой Руси!
Будто солнце красное
    Блещет в небеси!

Лишь на нивы сельские
    Солнце свет прольет —
Всё растет и зреет там,
    Радостно цветет:

Так царевы милости
К нам рекой текут!
И лучами благости
Радость в сердце льют...

Дружная и радостная работа у крестьян спорится оттого, что «добрый сельский господин» о них заботится и печется. Таким образом, герои Слепушкина находят радость в милостях царей и помещиков, готовых облагодетельствовать своих послушных и благонамеренных мужичков.

По-иному разрабатывал эту тему Кольцов. Источник поэтических эмоций Кольцова — в самой радости труда, в осознании своей силы, в чувстве единства с природой. Крестьянин, простой человек из народа во всем многообразии его повседневных трудовых, материальных и духовных интересов — вот кто стоит в центре поэзии Кольцова.

Поэтизация труда нашла свое выражение и в самом характере изображения природы у поэта. Кольцов умел блестяще передавать в пейзажных стихотворениях и тонкие предметные детали окружающей обстановки и настроение, возникающее под влиянием тех или иных картин природы.

Но самым существенным у Кольцова является то, что природа воспринимается им в тесной и неразрывной связи с нуждами, радостями и горестями крестьянина, с его мыслями об урожае, с его трудовыми заботами. Природа выступает не как объект пассивного созерцания, а как арена трудовой деятельности человека. Характерно в этом смысле стихотворение «Урожай». Оно открывается картиной природы — картиной, полной жизни и движения. Заря, вспыхнувшая «красным полымем», разгоревшийся день, который сгустил туман в тучу черную, буйные ветры, понесшие ее во все стороны света белого, и, наконец, благодатный дождь — все это нарисовано Кольцовым с большой поэтической силой. Изображение природы естественно переходит в житейские размышления крестьян:

На поля, сады,
На зеленые
Люди сельские
Не насмотрятся...

Заодно с весной
Пробуждаются
Их заветные
Думы мирные.

И дальше говорится об этих трудовых думах, заботах и радостях, вызванных обильным урожаем.

Эту особенность кольцовского творчества высоко ценили Щедрин и Глеб Успенский. Говоря о кольцовском пейзаже, Успенский замечает: «Здесь все просто, обыкновенно, взята одна только нива желтеющая, на которой сосредоточены все заботы земледельца, сосредоточены все его думы». [1]

По выражению Салтыкова-Щедрина, Кольцов показывает природу так, что «везде человек на первом плане; везде природа служит ему, везде она его радует и успокаивает, но не поглощает, не порабощает его. Тем именно и велик Кольцов, тем и могуч талант его, что он никогда не привязывается к природе для природы, а везде видит человека, над нею парящего». [2]

5

Поэтизация крестьянского труда была значительным завоеванием демократической литературы. Вместе с тем в критике неоднократно указывалось, что трагическое положение закрепощенного русского крестьянства, классовые противоречия крепостнической России не находили у Кольцова непосредственного художественного отклика. В известной мере это верно. Некоторая приглушенность политической темы у Кольцова объясняется и общей обстановкой николаевской реакции и атмосферой кружка Станкевича с его абстрактно-философскими умозрительными интересами. Но мнение это полностью признать справедливым нельзя. Вопрос о социальном содержании кольцовской поэзии значительно сложнее, чем это представлено во многих работах о поэте.

Н. К. Пиксанов убедительно показал, что тема социальной несправедливости и политической свободы была вовсе не чужда Кольцову. [3] Эту тему он прослеживает на всем протяжении поэтической деятельности Кольцова — от стихотворения «Сирота» (1827) и до одного из последних стихотворений — «Доля бедняка» (1841).

Протест против социальной несправедливости, против экономического неравенства, сочувствие горестной доле бедняка безусловно

[1] Г. И. Успенский. Полное собрание сочинений, т. 7. М.—Л., 1950, стр. 39.

[2] Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений, т. 5. М.—Л., 1937, стр. 30.

[3] Н. К. Пиксанов. Творчество Кольцова. В кн.: «Избранные сочинения А. В. Кольцова». Воронеж, 1936, стр. 20—24.

звучат в ряде стихотворений Кольцова. Так, в стихотворении «Плач» (1829) поэт сетует на то, что среди людей «любви и братства нет», что они

...те же звери:
И холодны и злы;
Мишурное величье —
Молебный их кумир,
И золото и низость —
Защитник их и бог,
И ты, отец небесный,
Не престаешь вседневно
Щедроты лить на них...

В стихотворении «Терем» (1829) парень, влюбленный в девушку, охвачен печалью: не быть ему суженым, он бедняк, он «без хаты», а соперник его богат.

Мотив социального протеста звучит в стихотворении «Земное счастие», написанном в 1830 году:

Не тот счастлив, кто кучи злата
Сбирает жадною рукой...
...не тот, кто давит
Народ мучительным ярмом...
...И бедной, горестной мольбе
Смеется вперекор судьбе!..
Суму, кусок последний хлеба
Отнял у ближнего — и прав!

В стихотворении «Неразгаданная истина» поэт говорит о деспотах, проливавших кровь народа:

Карлы-властелины
Двигали мирами.

Райские долины
Кровью обливались;
Карлы-властелины
В бездну низвергались.

Горячее сочувствие простому народу, горестной доле бедняка звучит в известном стихотворении «Раздумье селянина» (1837).

В стихотворении «Бедный призрак» (1838) поэт говорит об одинокой и печальной старости бедняка, который провел всю свою жизнь в поисках счастья, да так и не нашел его.

В стихотворении «Тоска по воле» Кольцов пишет:

Тяжело жить дома с бедностью;
Даром хлеб сбирать под окнами...

В «Русской песне» («Не на радость, не на счастие...») (1840) разрабатывается мотив противоречия между страстной жаждой счастья и страхом перед грозным призраком нищеты.

И хотя в «Доле бедняка» (1841) Кольцов при окончательной обработке стихотворения несколько смягчил краски, но и в нем демократические мотивы звучат ярко и сильно.

В поэзии Кольцова выразилось осознание *человеком из народа* своих прав на широкую, разумную и свободную жизнь. Один из первых в русской литературе Кольцов показал крестьянина не как объект жалости и сентиментального воздыхания, но и как мыслящего и чувствующего человека. Борьба за личное счастье, борьба за полноту жизни — один из лейтмотивов поэзии Кольцова. Не случайно сильную и страстную любовь, как наиболее яркое проявление человеческого чувства, поэт противопоставлял пошлости прозаических будней.

В поэзии Кольцова сказалось чувство протеста против мертвящих оков душной и тягостной крепостнической действительности. В целом ряде стихотворений, где с огромным эмоциональным подъемом поэт рисует своих удальцов, тоскующих по вольной и широкой жизни, этот мотив выражен очень ясно.

Вульгарные социологи, причислявшие Кольцова к идеологам мещанства и кулачества, видели в его стихах только мотивы домовитой бережливости и патриархальной благонамеренности. Легко заметить, насколько это далеко от истины.

Пользуясь сокровищницей народного творчества, Кольцов создал ряд глубоких образов-обобщений, созвучных наиболее передовым мотивам современной ему литературы. Разве образ сокола, стремящегося разорвать постылые и тягостные путы, не перекликался с бунтарскими мотивами поэзии Лермонтова? Было бы наивно думать, что Чернышевский сравнивал Кольцова с Лермонтовым только потому, что они были современниками. Не надо забывать, что Чернышевский писал о сходстве «энергии лиризма» у этих двух поэтов. Кольцовский образ сокола многое говорил уму и сердцу передовых людей демократии. Недаром о нем вспоминает Белинский в своих письмах.

Тургенев рассказывает в «Записках охотника» об умирающем студенте Авенире Сорокоумове (рассказ «Смерть»), который с восторгом отзывался о поэзии Кольцова: «На коленях у Авенира лежала тетрадка стихотворений Кольцова, тщательно переписанных; он с улыбкой постучал по ней рукой. «Вот поэт», — пролепетал он, с усилием сдерживая кашель, и пустился было декламировать едва слышным голосом:

Аль у сокола
Крылья связаны?
Аль пути ему
Все заказаны?»

«Младенчески чистой душе» бездомного горемыки, как называл своего героя Тургенев, по всей видимости, много говорил глубокий и сильный кольцовский образ.

Весьма знаменательно, что этот образ сокола, уже в ином аспекте, возродился как символ революционной героики в замечательном произведении Горького.

Значение поэзии Кольцова состояло и в том, что в ней нашли свое выражение черты нового положительного героя.

Проблема положительного идеала в 30-х годах и в начале 40-х годов была весьма актуальна. Это было время, когда дворянская революционность уже изживала себя, а революционность демократическая, разночинская еще не утвердилась в русской общественной мысли. Лишь позднее Белинский и Герцен заложат фундамент революционно-демократического мировоззрения.

Но уже в 30-х годах начали созревать элементы этого нового миросозерцания. И естественно, что в это время возникает вопрос о чертах нового героя — человека из народа, который должен был отличаться от дворянского героя предшествовавшего периода русской литературы.

Поэзия Кольцова тем и важна была для передовой русской общественной мысли, что в ней отражены были черты, близкие этому формирующемуся революционно-демократическому мировоззрению.

Герой Кольцова, человек из народа, воплощал в себе огромную силу духа, энергию, волю, стремление к широкой и вольной жизни. Революционная демократия видела в нем отражение духовной мощи трудового народа, выражение неких очень важных и обнадеживающих черт русского национального характера.

Идеологи официальной «народности» пытались доказать, что отличительные черты русского народа — смирение и кротость, без-

ропотная покорность судьбе, религиозный фатализм. Наиболее откровенные защитники абсолютизма и крепостного рабства шли дальше и силились представить крестьянина так, будто он только и мечтает о власти царя и помещика и готов благословлять ее. Правда, в поэзии Кольцова отразилась некоторая отсталость крестьянского миросозерцания. Но его герои свидетельствовали о том, насколько лживы реакционные представления о народе. Его бедняки, которые задумываются над причинами нищеты и неравенства, его удальцы, которые страстно и неудержимо стремятся к воле, сознают свое человеческое достоинство и не желают мириться с горестной долей, — знаменовали пробуждение народного самосознания, нарастание элементов протеста.

Характерно, что стихотворения поэта с вольнолюбивыми мотивами преследовались реакционными кругами. Мракобес Б. М. Федоров в своем доносе в III Отделение обвинял «Отечественные записки» в том, что они печатали и расхваливали «безнравственные» песни Кольцова «Тоска по воле» и «Расчет с жизнью».[1] В 1864 году Совет по делам книгопечатания по представлению Московского цензурного комитета запретил печатать стихотворение «Еще старая песня» («В Александровской слободке...») на том основании, что оно профанирует принцип монархической власти, а в 1887 году цензура высказалась против помещения в школьной хрестоматии стихотворения «Ночлег чумаков», так как в нем «с сочувствием говорится о песнях, воспевающих старинную украинскую вольность».[2]

Напротив, именно вольнолюбивые мотивы поэзии Кольцова вызывали сочувственное внимание революционно-демократической критики. На них прямо указывал Герцен в знаменитой своей работе «О развитии революционных идей в России»: «Но можно ли сомневаться в существовании находящихся в зародыше сил, когда из самых глубин нации зазвучал такой голос, как голос Кольцова?»[3]

Напряженные духовные искания поэта отразились и в его «думах». По своей художественной ценности думы, разумеется, не могут идти в сравнение с песнями. Но все же надо сказать, что несколько пренебрежительное отношение к «философствованию» Кольцова представляется необоснованным. Его обычно рисуют неуклю-

---

[1] М. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1908, стр. 313.

[2] См. Д. Е. Максимов. А. В. Кольцов и цензура. «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института». Факультет языка и литературы, вып. 5, 1955, стр. 225—229.

[3] А И. Герцен. Собрание сочинений, т. 7. М., 1956, стр. 226.

жим в серьезных интеллектуальных вопросах. Вряд ли это так. Кольцов обладал острым и пытливым умом. Нельзя, далее, забывать, что поэт серьезно и упорно занимался самообразованием. Этот «полуграмотный прасол», самоучка тонко и глубоко понимал Шекспира и Лермонтова, Пушкина и Жуковского, в эстетических вопросах даже сам Белинский прислушивался к его мнению. Вспомним хотя бы тот факт, что Белинский не без воздействия Кольцова изменил свое мнение о произведениях известного в те годы беллетриста П. Н. Кудрявцева.

Еще до знакомства со Станкевичем и Белинским Кольцов в ранних своих стихотворениях задумывался над общими вопросами жизни. Свидетельством этому могут служить такие стихи, как «Плач» (1829), «Ответ на вопрос о моей жизни» (1829), «Земное счастие» (1830). Сближение с кружком Станкевича открыло перед Кольцовым совершенно новую для него сферу духовной жизни — область философских интересов. Именно в «думах» поэта отразились философские искания кружка Станкевича, идеалистические по своему существу.

«Думы» были посвящены довольно широкому кругу философских проблем. В них Кольцов пытается поставить вопросы о цели поэтического творчества, о границах человеческого познания, о тайнах жизни и смерти, о вере и знании и т. д.

В «думах» следует отметить важную черту — страстное стремление к духовному самоопределению, стремление личности осмыслить мир и свое место в нем, разрешить для себя ряд вопросов и сомнений. В думах наличествует религиозный элемент, однако нельзя сводить всю философскую лирику Кольцова к одной только религиозности, как это делала реакционная критика. Весьма симптоматично, что у Кольцова прорываются взгляды, никак не гармонирующие с представлением о его религиозности. В думе «Вопрос» он говорит о бессмертии души, но и в этом стихотворении видно, как «сила жизненности» поэта приходит в столкновение с религиозной мистикой:

Что ж мне делать
С буйной волей,
С грешной мыслью,
С пылкой страстью?

В думе «Молитва» он пишет:

Спаситель, спаситель!
Чиста моя вера,

Как пламя молитвы!
Но, боже, и вере
Могила темна!
Что слух мой заменит?
Потухшие очи?
Глубокое чувство
Остывшего сердца?

Поэзии Кольцова, несмотря на то, что в ней немало говорится о горемычной доле, в высокой степени присущи жизнеутверждающие, оптимистические ноты. В стихотворении «Последняя борьба» поэт восклицает:

Не грози ж ты мне бедою,
Не зови, судьба, на бой:
Готов биться я с тобою,
Но не сладишь ты со мной!

Недаром Белинский так ценил в поэзии Кольцова «высокую мысль борьбы с жизнью и победы над ней!»

Страстная влюбленность в земную, реальную, материальную жизнь с большой силой выразилась в стихотворении «Из Горация», являющемся вполне оригинальным произведением поэта. В этом стихотворении Кольцов полемизирует с самим собой, со своими собственными былыми идеалистическими представлениями. «Из Горация» было написано в 1841 году, а за четыре года до этого в думе «Две жизни» Кольцов развивал мысль о призрачности земного существования, жизни «земного *праха»*, которая кратка, «как блеск звезды падучей», и о вечной и неумирающей жизни «земного духа». «Две жизни» представляют собой перевод на поэтический язык ходовых религиозных воззрений о двойственности мира и о бессмертии души. Прямо противоположные мысли утверждает Кольцов в стихотворении «Из Горация». Он пишет:

Не время ль нам оставить
Про небеса мечтать,
Земную жизнь бесславить,
Что есть — иль нет, желать?

Он сомневается:

...от души ль порою
В нас чувство говорит,

Что жизнию земною
Нет нужды дорожить?..

Отвлеченной мечтательности и аскетическим настроениям Кольцов теперь противопоставляет красоту земной жизни с ее чувственными радостями и удовольствиями.

В начале 40-х годов прогрессивные деятели русской общественной мысли во главе с Белинским развертывают напряженную борьбу с романтическим идеализмом и мистическими настроениями, отвлекавшими общество от решения острейших практических проблем современности.

Стихотворение «Из Горация» знаменовало, по словам Белинского, «решительный выход из туманов мистицизма и крутой поворот к простым созерцаниям здравого рассудка» (IX, 541). В мировоззрении Кольцова этих лет можно, стало быть, отметить тенденции, сближавшие его с передовой общественной мыслью 40-х годов. Интересные данные по этому вопросу можно почерпнуть из книги де Пуле о Кольцове.

В журнале «Дело» де Пуле был зло охарактеризован как «воронежский француз» или «французский воронежец», избравший своей специальностью «розыски о поведении и благонадежности некоторых писателей».[1] Книга де Пуле «Алексей Васильевич Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке» направлена против Белинского и проникнута консервативным духом, но в ней есть ценный фактический материал, который позволяет говорить о *радикализации* взглядов Кольцова, об усилении в его мировоззрении демократических и радикальных тенденций. Основной тезис книги де Пуле сводится к тому, что знакомство Кольцова с Белинским было роковым, ибо критик оказал якобы растлевающее влияние на поэта. Пытаясь вскрыть причины отчуждения Кольцова в Воронеже в последние годы его жизни, де Пуле говорит, что Кольцов превратился в пропагандиста идей Белинского и это настроило против него образованных воронежских мещан: «Им казалось чем-то болезненным в Кольцове эта страсть к пропаганде крайних идей Белинского, выразившихся, например, в известном письме его к Гоголю».[2] Де Пуле едва ли преувеличивал: несомненно, что в последний период жизни Кольцова демократические и радикальные тенденции усилились у него именно под влиянием Белинского.

---

[1] С. Шашков. Кольцов и новый розыск об его поведении. «Дело», 1878, № 9, стр. 1.

[2] М. де Пуле. А. В. Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке. СПб., 1878, стр. 153.

По свидетельству сестры поэта А. В. Андроновой, в последние минуты своей жизни Кольцов «страдал не только физически, но и морально: его мучила не осуществленная им мечта стать выше той сферы, в которую поставила его судьба, и сделаться проповедником новых идей. . .» [1]

Преодолевая мещанские предрассудки, освобождаясь от мистических представлений, Кольцов действительно усваивал новые идеи великого революционного демократа Белинского.

6

Новаторство Кольцова проявилось не только в содержании его поэзии, но и в ее художественных особенностях.

Прежде всего здесь следовало бы отметить то, на что в свое время обратил внимание Чернышевский. Характеризуя место Кольцова в истории русской литературы, Чернышевский подчеркнул свойственную его поэзии «энергию лиризма».

В чем же состояла эта «энергия лиризма»? Лирике Кольцова в целом была чужда пассивная созерцательность. Поэзия его проникнута бурными и сильными чувствами.

Еще в раннем стихотворении «Ответ на вопрос о моей жизни» (1829) Кольцов так определял своего лирического героя:

Вся жизнь моя — как сине море,
С ветрами буйными в раздоре —
Бушует, пенится, кипит,
Волнами плещет и шумит.

Этим бурным эмоциональным тоном окрашено немало стихотворений Кольцова. Поэзия его лишена какой бы то ни было мелодраматической аффектации. Но герои его отличаются не унылым бессилием и безропотной покорностью судьбе, им свойственны пламенные страсти, и в радости и в горе они раскрывают свои могучие душевные силы. В стихотворении «Измена суженой» рассказывается о том, что герой узнает об измене своей возлюбленной; и вот в каких образах передаются его переживания, исполненные большой эмоциональной силы:

Мучит душу мука смертная,
Вон из тела душа просится.

[1] П. Малыхин. Кольцов и его неизданные стихотворения. «Отечественные записки», 1867, № 2, стр. 509.

Или:

В ночь, под бурей, я коня седлал;
Без дороги в путь отправился —
Горе мыкать, жизнью тешиться,
С злою долей переведаться...

Глубокий и напряженный лиризм кольцовской поэзии никогда не вырождался в слезливую чувствительность. «Чувство его, — писал Белинский, — всегда глубоко, сильно, мощно и никогда не впадает в сентиментальность, даже и там, где оно становится нежным и трогательным» (IX, 536).

Далее следует отметить ту черту, которую, условно говоря, можно определить как объективацию лирических жанров, как внесение в них эпико-драматического элемента.

Конечно, у Кольцова имеется много стихотворений, непосредственно выражающих чувства и мысли автора. Но наряду с ними в его поэзии мы видим значительное число лирических стихотворений другого типа. Поэт выступает в них как бы не от своего имени, а от имени того или другого «объективного» героя, и они становятся тогда лирическими монологами уже не автора, а персонажа.

Так, например, в стихотворении «Люди добрые, скажите» перед нами монолог девушки, покинутой возлюбленным. Обращаясь к «людям добрым», она просит сообщить ей, где ее милый:

За далекими ль горами
Он живет один, тоскуя?
За степями ль, за морями
Счастлив с новыми друзьями?

Вспоминает ли порою,
Чья любовь к нему до гроба?
Иль, забыв меня, с другою
Связан клятвой вековою?

В стихотворении «Совет старца» уже самое название определяет характер произведения. Умудренный печальным опытом старости, человек взывает к молодежи:

Поспешайте ж, юноши,
Наслаждаться жизнию!
Отпируйте в радости
Праздник вашей юности!

*

Простые, повседневные, будничные заботы, думы, переживания, чувства и мысли крестьянина выражены в лирическом монологе, который так и называется «Размышления поселянина». Дерзновенные мечты молодого удальца, преисполненного бурных сил, чувствующего избыток могучей энергии, переданы в стихотворении «Удалец».

Подобных примеров в лирике Кольцова много. Они демонстрируют ту особенность, на которую мы указывали: поэт предоставляет возможность самому персонажу высказаться, выразить свой внутренний мир.

Иной раз эпический элемент настолько усиливается, что стихотворение полностью приобретает повествовательный характер. Лирический монолог уступает место стихотворному рассказу о горестных переживаниях молодой крестьянской девушки («Молодая жница») или же колоритному повествованию о веселом и обильном пиршестве в деревне («Сельская пирушка»).

Эта особенность творчества Кольцова, идущая в основном от народной поэзии, представляется весьма существенной. Она придавала лирической поэзии и большее разнообразие и большую жизненную конкретность, она давала возможность шире и многостороннее отразить жизнь народа.

Отличительной чертой поэзии Кольцова является и ее близость к народному творчеству. Жанр русской песни складывался у Кольцова под могучим воздействием народной поэзии.

С народной поэзией, и с русской и с украинской, Кольцов знакомился непосредственно из уст самого народа, во время деловых поездок по деревням и селам. Это знакомство с фольклором усилилось в ту пору, когда он, по совету своих друзей, стал собирать песни и пословицы.

В лучших своих созданиях Кольцов возрождает высокие традиции фольклора, чистоту и ясность образов, глубокую содержательность, целостность эмоционального колорита.

Когда мы говорим о поэзии Кольцова и об устном народном творчестве, разумеется, надо иметь в виду, что песни Кольцова не были слепым копированием народных песен. Фольклорные темы и мотивы Кольцов подверг художественной обработке, использовал их в соответствии со своими поэтическими заданиями. И глубоко прав был Белинский, когда он говорил о Кольцове как о продолжателе высоких и подлинных традиций народной поэзии: «Кроме песен, созданных самим народом и потому называющихся «народными», до Кольцова у нас не было художественных народных песен, хотя многие русские поэты и пробовали свои силы в этом роде...» (IX, 81).

Преобладающее большинство тем и мотивов кольцовских песен

находит себе соответствие в произведениях фольклора. Несчастная любовь девушки, горе женщины, выданной замуж за немилого, любовь доброго молодца, молодеческий разгул удальца, горькая доля бедняка, житейские радости и неудачи, чувство слияния с природой, тема одиночества, скорбь об утраченной молодости, — в разработке всех этих тем Кольцов перекликается с мотивами народной поэзии.

Как и в народной поэзии, у него господствует трезвое и жизнеутверждающее отношение к действительности.

Кольцов широко пользуется приемами фольклорной поэтики. Фразу он строит, избегая подчинения предложений: «Суму дадут — не спорь с судьбой»; «А тряхнул кудрями — в один миг поспело». Кольцов часто прибегает к постоянным эпитетам, столь характерным для народной поэзии: «сине море», «ярый воск», «буйные ветры», «красная девица», «удалый молодец», «сыра земля», «добрый конь». У него часты эпитеты, выраженные именами существительными: «душа-девица», «земля-матушка», «вещун-сердце», «Волга-матушка». Отдельные его стиховые формулы представляют собой перефразировку пословиц; так в «Песнях Лихача Кудрявича» встречаются вариации пословицы: «От радости кудри вьются, от горя секутся». Символы, устойчивые в фольклоре, встречаются и в стихах Кольцова («Перстень», «Кольцо»).

Из народной поэзии Кольцов взял не только некоторые особенности речевой структуры и отдельные эпитеты, не только напевность, но и такие символические образы, как, например, образ сокола, рвущего свои путы.

Кольцовские сравнения и по своим конструктивным принципам и по содержанию близки к фольклору. Встречаются у него сравнения при помощи творительного падежа: «хмелем кудри вьются», «соловьем залетным юность пролетела, волной в непогоду радость прошумела», «красным полымем заря вспыхнула»; часто пользуется он в сравнениях союзом «что»: «грудь белая волнуется, что реченька глубокая — песку со дна не выкинет». Обильно представлены в его стихах такие характерные стилевые приемы народной песни, как уменьшительные слова, параллелизмы, тавтологические выражения и т. д.

Можно найти у Кольцова почти текстуальное повторение образов и мотивов народных песен. Вот, например, образ степи («Косарь»):

Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,

К морю Черному
Понадвинулась!

В народной песне читаем:

Уж ты, степь моя,
Степь моздокская.
И с чего ж ты далеко,
Ты, степь, протянулася?

Или такая контрастная формула у Кольцова:

Греет солнышко,
Да осенью,
Цветут цветики,
Да не в пору.

Эти стихи опять-таки явно перекликаются с народной песней:

Греет, греет солнышко
Зимой не по-летнему.

Весь поэтический строй кольцовских песен, если даже отдельным художественным средствам и нет прямой аналогии в фольклоре, основан на народной песенной поэтике. Синтаксические и образные параллелизмы, повторения, обращения и восклицания, постоянные эпитеты — все это поэтом использовано и в картине нарастающей грозы («Урожай»), и в стихах об утраченной молодости («Горькая доля»), и в стихах о горемычной доле женщины, выданной за немилого старого мужа. В целом эти стилевые особенности, нисколько не стирая индивидуального своеобразия творчества Кольцова, сближают его очень явственно и ощутимо с народной поэзией.

Широко пользуясь богатствами народной поэзии, Кольцов, однако, не был имитатором фольклора; он творчески перерабатывал народно-поэтические элементы в соответствии со своими внутренними потребностями и замыслами. Полнее, богаче, тоньше раскрыт в его стихах интимный мир героев, их душевные переживания вообще. По справедливому замечанию Белинского «русские песни, созданные народом, не могут равняться с песнями Кольцова в богатстве языка и образов, — чисто русских» (IX, 535).

В новом свете представлена у Кольцова и тема труда, бытую-

щая в фольклоре. Труд выступает у него как источник радости, удовлетворения, поэтических эмоций.

Кольцовские стихи близки к народной поэзии и своей ритмикой. Ритмика Кольцова — явление своеобразное и оригинальное. Анализ ритмических особенностей поэзии Кольцова показывает, что около половины его стихотворений написано обычными разновидностями ямба. Но каждый большой поэт отличается какими-то своими, одному ему свойственными стиховыми интонациями. Какими средствами были достигнуты Кольцовым специфические особенности ритма, которые позволяют отличить его стих от всякого иного? Сразу же отметим, что Кольцов почти всюду пользовался классической силлабо-тонической системой. Но эта система заключает в себе такие богатые ритмические возможности, что Кольцову удалось и здесь сказать новое слово.

Уже в ранних стихах Кольцова мы встречаемся с своеобразными размерами. Таковы стихотворения «Песня» («Увижу ль я девушку. . .») или «Повесть моей любви». Поэт применяет здесь довольно редкие размеры: двухстопный амфибрахий и трехстопный хорей с дактилическими окончаниями.

Чем дальше, тем чаще прибегал поэт к этим размерам. Стихотворения «Что ты спишь, мужичок? . .» и «Товарищу» написаны двухстопным анапестом с мужскими окончаниями. Замечательной песенной певучести добился Кольцов в стихотворении «Пора любви», применив трехстопный ямб с дактилическими окончаниями:

Весною степь зеленая
Цветами вся разубрана. . .

Следует отметить, что Кольцов часто прибегает к белому стиху, т. е. стиху безрифменному, но зато он очень широко пользуется внутренними созвучиями:

Вся птичками летучими —
Певучими полным-полна.

Наконец, ряд стихотворений Кольцов написал размером, в котором специфическая кольцовская интонация проявилась, быть может, наиболее отчетливо. Это стихотворения «Не шуми ты, рожь», «Урожай», «Косарь», «Лес» («Что, дремучий лес. . .»), «Русская песня» («Ах, зачем меня. . .»), «Русская песня» («Где вы, дни мои. . .»), «Доля бедняка» и другие.

Эти стихи отличаются тем, что двухстопный хорей замыкался дактилическими окончаниями. Это сочетание образует некий новый пятисложный размер: каждая строка состоит из пяти слогов, объединенных одним ритмическим ударением на третьем слоге. Такая ритмическая организация была столь необычайной, что создавалось впечатление, будто стихи этого рода вообще лишены всякого размера.

Таким образом, своеобразие интонации достигалось Кольцовым по преимуществу тем, что он применял короткую певучую строку, часто без рифм, но с богатыми внутренними созвучиями, широко пользовался дактилическими окончаниями, смело вводил пятисложник. Внутренний смысл этих особенностей кольцовского стиха состоял в том, что Кольцов, опираясь на богатство русской книжной поэзии, приближал свой стих к народной песне, не имитируя ее, а органически постигая ее внутренний строй.

Эта замечательная песенная музыкальная стихия кольцовской поэзии подтверждается и тем разительным фактом, что на 92 произведения Кольцова 300 композиторов создали 700 романсов и песен. При этом среди композиторов, положивших на музыку тексты Кольцова, мы видим таких корифеев, как Глинка, Римский-Корсаков, Даргомыжский, Мусоргский, Рубинштейн. Многие из песен Кольцова до сих пор поются народом.

* * *

Такова поэзия Кольцова и по своему внутреннему содержанию и по своим художественным особенностям.

Были в творчестве Кольцова и слабые стороны: известная ограниченность политического горизонта, религиозные и фаталистические мотивы, но в целом демократическая поэзия Кольцова сыграла огромную положительную роль.

Перед русской литературой в дальнейшем встала задача — демократическую поэзию превратить в революционно-демократическую. Эту великую задачу выполнил Некрасов. Некрасов унаследовал революционные традиции Радищева, Рылеева, Пушкина, Лермонтова. В то же время на пути к революционно-демократической поэзии творчество Кольцова было важным и нужным этапом. В 1860 году в статье «Стихотворения Ивана Никитина» Добролюбов, со всей доступной в подцензурной печати ясностью, выдвинул новое требование к литературе: «Нам нужен был бы теперь поэт, который бы с красотою Пушкина и силою Лермонтова умел продолжить и расширить реальную, здоровую сторону стихотворений Кольцова».[1] Нет сомнения,

[1] Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. 2. М., 1935, стр. 578.

что, говоря о «реальной, здоровой» стороне кольцовской поэзии, Добролюбов имел в виду ее демократическую устремленность и правдивость изображения жизни народа. Подлинное знание народа, глубокое проникновение в психологию крестьянина, сочувствие его труду, его горестям и радостям, умение открыть поэзию в самых, на первый взгляд, прозаических проявлениях крестьянской жизни, мотивы молодецкой удали как проявление «жгучего чувства личности», блестящее использование фольклорной поэтики, огромный песенный дар — все эти черты кольцовской поэзии в том или ином виде вошли в качестве существенных элементов и в революционно-демократическую литературу.

Вся поэзия, связанная с крестьянской темой, испытала влияние кольцовского творчества. Это относится и к Некрасову, и к Никитину, и к Сурикову, а также и к ряду советских поэтов — от Есенина до Исаковского и Твардовского.

Предсказание Белинского сбылось в полной мере: произведения Кольцова действительно известны и любимы на всем пространстве нашей родины.

Л. Плоткин

СТИХОТВОРЕНИЯ

СИРОТА

Не прельщайте, не маните,
Пылкой юности мечты!
Удалитесь, улетите
От бездомной сироты!

Что ж вы, злые, что вы вьетесь
Над усталой головой?
Что вы с ветром не несетесь
В край неведомый, чужой?

Были дни — и я любила
Сны о радости земной;
Но надежда изменила;
Радость — сон в судьбе моей.

Наяву же — в облегченье
Только слезы проливать,
И не верить в обольщенье,
И покоя не вкушать.

Не прельщайте ж, не маните,
Светлой радости мечты!
Унеситесь, улетите
От бездомной сироты!

1827

РОВЕСНИКУ

О чем, ровесник молодой,
Горюешь и вздыхаешь?
О чем серебряной струей
Ты слезы проливаешь?
О чем бессменная печаль
И частые стенанья?
Страшна ли жизни темна даль
И с юностью прощанье?
Или нежданная беда
Явилась и сразила?
Житейская ль тебя нужда
Так рано посетила?
Иль сердца тайная любовь
Раскрыла в нем желанья
И юным пламенем вся кровь
Зажглась без упованья?
Я вижу думу на челе,
Без слов, без выраженья;
Но есть во взорах, как в стекле,
Востока отраженье —
Заметное волненье.
Ах, то любовь, любовь!.. Она
В твоей душе играет;
Она в пиру, на ложе сна
Покой твой разрушает.
Я отгадал. Дай руку мне!
Ты не один, кипя душою,
Горишь и гаснешь в тишине:
Прошу тебя, будь друг со мною.

1827

ПЕСНЯ

Если встречусь с тобой
Иль увижу тебя, —
Что за трепет, за огнь
Разольется в груди.

~~Привлекший огонекъ. —~~

~~странникъ.~~

(положить [illegible]
у бывших Цугария Стр 4)

сгустились тучи, вѣтръ воетъ,

дубрава темная шумитъ,

~~[illegible]~~

и вихремъ буйнымъ, вихрь летитъ!

~~[illegible]~~

и даль пространная чернѣетъ.

~~[illegible]~~

лишь тамъ: вдали ~~вдоль~~ равнины обширной —

какъ тайный лучъ — звѣзды призывной,

зажженный тайною рукой

горитъ огонь во тьмѣ ночной

~~[illegible]~~ у шалаша, странникъ запоздалый,

одинъ среди ~~[illegible]~~ родныхъ лѣсовъ [illegible]

Если взглянешь, душа, —
Я горю и дрожу,
И бесчувствен и нем
Пред тобою стою!

Если молвишь мне что,
Я на речи твои,
На приветы твои,
Что сказать, не сыщу.

А лобзаньям твоим,
А восторгам живым
На земле, у людей,
Выражения нет!

Дева-радость души,
Это жизнь — мы живем!
Не хочу я другой
Жизни в жизни моей!

1827

ПУТНИК

Сгустились тучи, ветер веет,
Трава пустынная шумит;
Как черный полог, ночь висит,
И даль пространная чернеет;
Лишь там, в дали степи обширной,
Как тайный луч звезды призывной,
Зажжен случайною рукой,
Горит огонь во тьме ночной.
Унылый путник запоздалый,
Один среди глухих степей,
Плетусь к ночлегу; на своей
Клячонке тощей и усталой
Держу я путь к тому огню;
Ему я рад, как счастья дню.
И кто так пристально средь ночи
Вперял на деву страстны очи,
Кто, не смыкая зорких глаз,

Кто так стерег условный час,
Как я, с походною торбою,
Трясясь на кляче чуть живой,
Встречал огонь во тьме ночной?
То наш очаг горит звездою,
То спеет каша степняка
Под песнь родную чумака!..

Август 1828

ОСЕНЬ

Настала осень; непогоды
Несутся в тучах от морей;
Угрюмеет лицо природы,
Невесел вид нагих полей;
Леса оделись синей тьмою,
Туман гуляет над землею
И омрачает свет очей.
Всё умирает, охладело;
Пространство дали почернело;
Нахмурил брови белый день;
Дожди бессменные полились;
К людям в соседки поселились
Тоска и сон, хандра и лень.
Так точно немочь старца скучна;
Так точно тоже для меня
Всегда водяна и докучна
Глупца пустая болтовня.

23 ноября 1828

ПОСЛАНИЕ МОЛОДОЙ ВДОВЕ

Напрасно думаешь слезами
Тоску от сердца ты прогнать:
Всевышним богом — не людями
Тебе назначено страдать.
Конечно, сердцу нестерпимо
Расстаться с тем, что так любимо;
Что мило — больно потерять:

Нельзя не плакать, не вздыхать.
Так, верно, верно: ты несчастна;
Твоей души супруг прекрасный
Так скоро отказался жить.
Он жертва смерти, он зарыт.
Но что? ужель весну младую
Слезам ты хочешь посвятить?
Ужели юность золотую
В тоске ты хочешь проводить?
Ужель утрата роковая
Пребудет памятна всегда?
Ужель, что было, забывая,
Не улыбнешься? Милая! слезами
Тоски от сердца не прогнать:
Всевышним богом, а не нами
Тебе положено страдать.

27 декабря 1828

РАЗМОЛВКА

Теперь ясней
Уж вижу я,
Что огнь любви
Давно потух
В груди твоей.
Но что виной,
Могу ли знать?
Бывало, ты —
Сестра и друг;
Бывало, ты —
Совсем не та!
А нынче — грех
И вымолвить,
Как ты со мной
Суха, дика
И сумрачна!
Незваный гость,
Долой с двора!
Немилый друг,
Не знай меня!
Ах, рад не рад —

Пришлось и мне
Сказать с слезой:
Прости-прощай,
Любезный друг
И недруг мой!

1828

СПЯЩИЙ ЮНОША

О всеблагое провиденье,
Храни его успокоенье!

Еще не знает он, что́ скука,
Что́ беспредельная любовь,
И как тяжка любви разлука,
И как хладеет в сердце кровь;
Не знает жизненной заботы,
Тяжелых снов и страшных бед,
И мира гибельных сует,
И дней безжизненной дремоты,
Коварства света и людей,
Надежд, желаний и страстей.
Теперь он резвится, играет,
Незрелый ум мечтой питает.
Во сне испуг его не будит,
Нужда до солнца встать не нудит,
Печаль у ложа не стоит, —
Священным сном невинность спит...
Но эти дни как тень проходят,
Прекрасный мир с собой уводят...

О всеблагое провиденье,
Храни его успокоенье!

1828

ПРЕКРАСНОЙ ПОСЕЛЯНКЕ

Ах, чья ты, дева-красота?
Твои уста, твои ланиты
Такою прелестью покрыты!
И в ком чудесная мечта

Груди б младой не взволновала,
Когда б ты на скале крутой,
Одна, над бездною морской,
Как дева Пушкина, стояла
Под белым флагом покрывала? ..
И вкруг тебя одеждой снежной
Зефир приветливо б играл;
По сгибу плеч, по шее нежной
Свитые кудри развивал? ..
Когда б, качаяся, дремало
Перо на шляпке голубой;
И грудь лебяжая вздыхала
Любовью девственной, святой? ..
Тогда б, в сердечном упоеньи
Склонив колена пред тобой,
В избытке чувства, в исступленьи,
Сгорел бы весь, как огнь степной! ..

1828

НОЧЛЕГ ЧУМАКОВ

Вблизи дороги столбовой
Ночует табор кочевой
Сынов Украины привольной.
В степи и пасмурно и темно:
Ни звезд блестящих, ни луны
На небе нет; и тишины
Ночной ничто не нарушает;
Порой проезжий лишь играет,
И колокольчик почтовой,
Звеня над тройкой удалой,
На миг молчанье прерывает.
Между возов огонь горит;
На тагане котел висит;
Чумак раздетый, бородатый,
Поджавшись на ногах, сидит
И кашу с салом кипятит.
За табором невдалеке
Волы усталые пасутся;
Они никем не стерегутся.

Беспечно пред огнем в кружке
Хохлы чумазые, седые,
С усами хлопцы молодые,
Простершись на траве, лежат
И вдаль невесело глядят.
Чем чумаков прогнать дремоту?
Давно ль утратили охоту
Они петь песни старины?
Чем ныне так развлечены?
Бывало, часто, ночью темной
Я с ними время разделял
И, помню, песням их внимал
С какой-то радостью невольной...
Но вот во тьме игра свирели,
Вот тихо под свирель запели
Они про жизнь своих дедов,
Украйны вольныя сынов...
И как те песни сердцу милы,
Как выразительны, унылы,
Протяжны, звучны и полны
Преданьями родной страны!..

1828

Я БЫЛ У НЕЙ

Я был у ней; она сказала:
«Люблю тебя, мой милый друг!»
Но эту тайну от подруг
Хранить мне строго завещала.

Я был у ней; на прелесть злата
Клялась меня не променять;
Ко мне лишь страстию пылать,
Меня любить, любить, как брата.

Я был у ней; я с уст прелестной
Счастливое забвенье пил
И всё земное позабыл
У девичьей груди прелестной.

Я был у ней; я вечно буду
С ее душой душою жить;
Пускай она мне изменит —
Но я изменником не буду.

7 января 1829

ПЛАЧ

На что мне, боже сильный,
Дал смысл и бытие,
Когда в стране изгнанья
Любви и братства нет;
Когда в ней вихри, бури
И веют и шумят;
И черные туманы
Скрывают правды свет.
Я думал: в мире люди
Как ангелы живут,
Я думал, в тайных мыслях
Один у них закон:
К тебе, царю небесный,
Любовью пламенеть,
И ближним неимущим
Без ропота души
Последнюю копейку,
Как братьям, уделять.
А люди — те же звери:
И холодны и злы;
Мишурное величье —
Молебный их кумир,
А золото и низость —
Защитник их и бог.
И ты, отец небесный,
Не престаешь вседневно
Щедроты лить на них.
О, просвети мне мысли,
Нерадостны они,
И мудрости светильник
Зажги в моей душе.

Январь 1829

ОТВЕТ НА ВОПРОС О МОЕЙ ЖИЗНИ

Вся жизнь моя — как сине море,
С ветрами буйными в раздоре —
Бушует, пенится, кипит,
Волнами плещет и шумит.
Уступят ветры — и оно
Сровняется, как полотно.
Иной порою, в дни ненастья,
Всё в мире душу тяготит;
Порою улыбнется счастье,
Ответно жизнь заговорит;
Со всех сторон печаль порою
Нависнет тучей надо мною,
И, словно черная волна,
Душа в то время холодна;
То мигом ясная година
Опять настанет — и душа
Пьет радость, радостью дыша!
Ей снова всё тогда прекрасно,
Тепло, спокойно, живо, ясно,
Как вод волшебное стекло, —
И горя будто не было́...

17 марта 1829

ИССТУПЛЕНИЕ

Увижу ль, увижу ль
Красавицу я, —
Заноет, забьется
Сердечко в груди.

Посмею ль, могу ли
В сей жизни хоть раз
Я милую эту
Своею назвать?

На груди лилейной
В объятьях любви,
Забывшись, навек бы
Счастливец уснул.

Скажите: пред нею
Что можно сравнять?
Прелестные очи,
Как звезды, горят.

По щечкам разлился
Румянец зари;
А кудри? .. а брови? ..
Сравненья им нет!

Как майское утро
Улыбка ее;
Как живо, как стройно
Созвучье речей.

Ах, если бы, к счастью,
Я был чародей:
Неволей иль волей
Была бы моей.

Январь — апрель 1829

* * *

Ничто, ничто на свете
Меня не веселит
С тех пор, как я расстался
С подругой навсегда;
С тех пор, взгляну ль на юных,
Играющих девиц,
Вздохну, и горьки слезы
Польются из очей.
Они, кружась, резвятся,
Как ласточки весной,
Моим слезам смеются
С улыбкою любви.
Красавицы младые,
И я здесь счастлив был,
И я в пирах веселых
Шутил, подобно вам.

Но рано рок суровый
Сказал: расстанься с ней.
С тех пор я не встречаю
Уж радости нигде.

Январь — апрель 1829

ПОСЛАНИЕ В. Г. О.

Служил я прежде Лизе скромной,
Служил, как долгу гренадир,
Как Дафне добренькой сатир.
И чтоб была она довольной,
Я все намеки и желанья
Любил немедля выполнять.
Но наконец без воздаянья
Мечтам был должен отказать.
Я ждал еще, я ждал чего-то,
Надежда мне сулила что-то;
Надежда скрылась — я забыт,
Как дряхлый, старый инвалид.
Но ты, соперница Венеры,
Мои мечты, мои химеры
Желаньем оживила вновь;
И в сердце чистом, непорочном,
Как солнцем — в янтаре восточном,
Зажгла безгрешную любовь.
Отнынь прошу, друг новый, нежный,
Царицей будь души моей,
Будь гений добрый и надежный
Моих во мгле текущих дней.
И я в свободные мгновенья,
Желаньям вашим в угожденье,
Раз пять в неделю буду рад
По вкусу дамскому для чтенья
Романов лучших присылать.
А может быть, тебе, мой гений,
Моих неловких песнопений
Когда-нибудь пришлю тетрадь.
Но вы, вы спросите: награда

Велика ль, добрый трубадур?
Червонной пыли мне не надо.
Букет цветов да два-три взгляда —
И я доволен чересчур.

27 апреля 1829

ПРЕСТАРЕЛЫЙ КАЗАК

Зачем так скоро скрылась ты,
Казачья юность удалая?
О жизнь залетная, драгая,
Где ты теперь, где ты?
Бывало, смелая рука
Сверкнуть булатом не робела,
И в буйной груди казака
Отвага бурная горела
Неугасаемым огнем.
Без страха, робости, — с мечом
Я в огнь и в полымя бросался,
С отрядом целым я встречался,
Нещадно всех рубил, колол,
Для всех с собою смерть я вел.
Бывало, чуждые дружины
Едва лицо мое зазрят, —
Уже валятся ряд на ряд
На лоно стонущей долины.
Теперь уж нет могучих сил!
Осьмой десяток мне пробил.
В мой угол старость заглянула
И слабость принесла с собой.
Теперь трепещущей рукою
Я смерть лениво отгоняю
И умереть скорей желаю.
Как после сечи, после драки,
Бывало, ждал донец венца,
Так нынь в курене бурлака
Он ждет последнего конца.
Ах! лучше б с именем героя
В дыму, в огне, средь пуль и боя

Врагу насунуться на меч
И на долине чести лечь,
Чем здесь в безвестности постылой
Томиться над своей могилой.

4 мая 1829

НА ОТЪЕЗД Д. А. КАШКИНА В ОДЕССУ

Что груди тяжельше?
Что сердцу больней?
Что конь мой удалый
Споткнулся не раз?
Иль заяц трусливый
Мой путь перебег?
Уж видны мне кровли
Родных и друзей
И храма святого
Сияющий крест.
О чем же ты грустном
Пророчишь, душа?..
Уж обнял с восторгом
Счастливец семью.
Но где ж, о родные,
Бесценный мой друг?
Он отбыл надолго
В низовы края...
Недаром же конь мой
Споткнулся не раз,
Недаром же сердце
Вещало печаль!..
Когда ж возвратишься
В родную страну?
Дождусь ли в уныньи
Тебя, друг, назад?

2 августа 1829

К М...

Вы милы всем, вы очень скромны;
Не спорю я, ваш кроток нрав,
Но я узнал, что он притворный,
Что он с природы так лукав.
В вас нет капризов, нет и чванства,
Но только много шарлатанства;
К тому ж ваш вежливый язык
И уверять и льстить привык.
К свиданьям тайным вы согласны,
Но те свиданья мне опасны,
Затем что в них сокрыт обман
Иль вновь затеянный роман.
В веселый час хоть вы твердите:
«Забудьте прежнее — любите!» —
Да как, скажите, вас любить,
Как непорочность обольстить?
О нет, такие мне оковы
Немилы, как венок терновый,
Притом же хладная любовь
В объятиях застудит кровь.
Сказать велите ль откровенно:
Вовек такой, как вы, презренной,
Затем не соглашусь любить,
Чтобы осмеянным не быть.

6 октября 1829

А. Д. ВЕЛЬЯМИНОВУ

Милостивый государь
Александр Дмитриевич!

В селе, при первой встрече нашей,
Для вас и для супруги вашей
Я, помню, обещал прислать
Торквата милое творенье,
Певца любви и вдохновенья;
И слова данного сдержать
Не мог донынь, затем что прежде
Обманут был в своей надежде.

Но обещанью изменить
За стыд, за низость я считаю —
И вот, успел лишь получить
Две книги, вам их посылаю.
Мне лестно вам угодным быть.
Так — незначительный мечтатель —
Я вашим мненьем дорожу,
И восхищусь, коль заслужу
Вниманье ваше... Обожатель
Всего прекрасного...

Вам покорнейший
Мещанин Алексей Кольцов.

9 октября 1829

К М...

Подобных Маше очень мало
И в мире равных не бывало:
Лицо, движенья, речь и взгляд
Стальное сердце распалят.
Любить ее и я бы рад,
Когда б в груди не крылось жало,
Когда б в любви ее — не яд.

12 октября 1829

К ПОДРУГЕ МОЕЙ ЮНОСТИ

Зачем ты, дева, не желаешь
Со мною быть наедине?
Скажи, скажи: зачем при мне
Ты так робеешь, так скучаешь?
Ужель со мной опасно быть?
Ужель тебе кажусь я страшен?
О, верь мне, верь: я не опасен!
Я весь перед тобой открыт,
И в сердце лишь любовь горит.
Ты помнишь, друг мой, с юных лет
С тобою мы росли, резвились,
И что на мысли ни придет,
Мы всем доверчиво делились.

А нынь, не знаю почему,
Меня ты, дева, презираешь,
И средь людей, и одному
Невинных чувств не доверяешь.
Оставь, красавица, свой стыд,
Не будь ко мне ты равнодушна;
Будь так, как прежде, простодушна,
Как прежде, будем братски жить.

25 октября 1829

ПЕСНЯ

Очи, очи голубые,
Мне вас боле не встречать!
Девы, девы молодые,
Вам меня уж не ласкать!

Побывали, унеслися
Дни моей златой весны;
В сердце опытном слилися
Лишь отзывы старины.

Ах, на что же оживили
Предо мной мои мечты
Сердцу сладостные были,
Ласки юной красоты?

Мне ль приветливым казаться,
С хладным сердцем вновь любить?
Мне ль надеждой обольщаться?
Беспробудно друг мой спит...

12 ноября 1829

ПЕСНЯ

Увижу ль я девушку,
Увижу ль я красную —
Забьется неволею
Сердечко удалое
Любовью сердечною.

«Полюбишь ли, девушка,
Полюбишь ли, красная,
Без модной учтивости
Любовию верною
Удалова молодца?

Ах, что же ты, девушка,
Ах, что же ты, красная,
Стыдишься? Аль, милая,
Любить не намерена
Удалова молодца?» —

«Любила б я молодца,
Любила б удалова;
Но мне ли, сироточке,
Бескровной и бедненькой,
Ласкаться любовию?

Желаю ль я, девушка,
Желаю ль я, красная,
Палат раззолоченных,
Искусством украшенных,
И блесков обманчивых?» —

«Люблю тебя, милую,
Люблю тебя, юную,
За характер добренький,
За стыдливость детскую,
Всем девицам сродную».

16 ноября 1829

ТЕРЕМ

Там, где терем тот стоит,
Я люблю всегда ходить
Ночью тихой, ночью ясной,
В благовонный май прекрасный!

Чем же терем этот мил?
Чем меня он так пленил?
Он не пышный, он не новый,
Он бревенчатый — дубовый!

Ах, в том тереме простом
Есть с раскрашенным окном
Разубранная светлица!
В ней живет душа-девица.

Как-то встретился я с ней —
Не свожу с тех пор очей;
Красна ж девица не знает,
По ком грудь моя вздыхает.

Разрывайся, грудь моя!
Буду суженым не я —
Тот богатый, я без хаты —
Целый мир мои палаты!

Вещун-сердце говорит:
«Жить тебе, детинке, жить
Не с женою молодою —
С чужой-дальней стороною...»

16 ноября 1829

ЛЮДИ ДОБРЫЕ, СКАЖИТЕ

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Где мой милый? Вы молчите!
Злую ль тайну вы храните?

За далекими ль горами
Он живет один, тоскуя?
За степями ль, за морями
Счастлив с новыми друзьями?

Вспоминает ли порою,
Чья любовь к нему до гроба?
Иль, забыв меня, с другою
Связан клятвой вековою?

Иль уж ранняя могила
Приняла его в объятья?
Чья ж слеза ее кропила?
Чья душа о нем грустила?

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Где мой милый? Вы молчите!
Злую тайну вы храните!

21 ноября 1829

МАЛЕНЬКОМУ БРАТУ

Расти счастливо, брат мой милый,
Под кровом вышнего творца,
На груди матушки родимой,
В объятьях нежного отца.
Будь добродетелен душою,
Велик и знатен простотою;
На сцену света ты взойдешь
Любимцем ли слепой фортуны,
Или, как я, полюбишь струны
И посох бедный понесешь, —
В высоком звании пред бедным
Счастливой долей не гордись!
Но с ним — чем бог послал — последним,
Как с родным братом, поделись.
Суму дадут, — не спорь с судьбою;
У бога мы равны; пред ним
Смирися с детской простотою —
И с сердца грусть слетит, как дым.
Пробудишь струны, — пой без лести!
Будь неподкупен в деле чести;
Люби творца, своих владык
И будь в ничтожестве велик.

23 ноября 1829

ПИСЬМО К Д. А. КАШКИНУ

Давно, за суетой бессрочной,
К тебе я, милый, не писал
И в тихий край земли полночной
Докучных строк не посылал;
Давно на лире я для друга
В часы свободы и досуга
Сердечных чувств не изливал.

Теперь, освободясь душою
От беспрерывных бурь мирских
И от забот и дел моих,
Хочу порадовать игрою
Тебя, о милый друг! И ты,
Взамену хладной пустоты,
С улыбкой, дружеству пристойной,
Глас лиры тихой и нестройной
Прочтешь и скажешь про себя:
«Его трудов — виновник я!»
Так точно, друг, мечты младые,
И незавидливый фиал,
И чувств волненье ты впервые
Во мне, как ангел, разгадал.
Ты, помнишь, раз сказал: «Рассей
С души туман непросвещенья
И на крылах воображенья
Лети к Парнасу поскорей!»
Совету милого послушный,
Я дух изящностью питал;
Потом, с подругою воздушной
Нашедши лиру, петь начал;
Потом в час лени молчаливой
Я рано полюбил покой,
Приют избушки некрасивой
И разноцветный садик мой,
Где я свободой упиваюсь
Иль славой гибельной горю,
Где долго в думы погружаюсь
И, друг, тебя благодарю
За те нельстивые советы,
Какими хвалятся поэты.

5 декабря 1829

СЕСТРЕ
ПРИ ПОСЫЛКЕ СТИХОВ

Сестра! вот были чудных снов,
Вот звуки самодельной лиры,
Мои мечты, мои кумиры,
Моя душа, моя любовь!

Сестра! земная жизнь — мгновенье,
Судьбы ж кто знает назначенье?
Быть может, раньше я других
Не окажусь в семье живых.
Пройдет год-два, — за суетою,
За лживой радостью мирскою
Забудешь ты меня; но вмиг
Когда-нибудь прочтешь мой стих,
Вспомянешь брата — и вздохнешь,
И сладких слез поток прольешь.

11 декабря 1829

* * *

Пишу не для мгновенной славы —
Для развлеченья, для забавы,
Для милых, искренних друзей,
Для памяти минувших дней.

14 декабря 1829

МЕЩАНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Итак, вчерашний разговор
Свершил нежданный приговор.
Не нужны темные намеки,
Ни ясный, ни лукавый взор,
Где в честь за поцелуй — упреки,
За ласки — дерзостный укор,
За шутку скромную — презренье
Платить обратно в награжденье
И доводить враждой до слез.
Что взгляд последний произнес?
Вы думали, меня смутите?
Нет, я не стану возражать,
Ни кланяться, ни умолять.
По-моему: любить — любите,
А нет — прощайте! Что́ вздыхать?
Я не дитя: я не заплачу,
Не потужу я, что утрачу
Для новых благ одну тебя.
Лишь ты, немилая моя,

Забудь презренного скорей;
А я найду, поверь, другую
Себе красавку городскую,
Тебя моложе и милей.

19 декабря 1829

А. П. СРЕБРЯНСКОМУ

Не посуди: чем я богат,
Последним поделиться рад;
Вот мой досуг; в нем ум твой строгий
Найдет ошибок слишком много;
Здесь каждый стих, чай, грешный бред.
Что ж делать: я такой поэт,
Что на Руси смешнее нет!
Но не щади ты недостатки,
Заметь, что требует поправки...
Когда б свобода, время, чин,
Когда б, примерно, господин
Я был такой, чтоб только с трубкой
Сидеть день целый и зевать,
Роскошно жить, беспечно спать, —
Тогда, клянусь тебе, не шуткой
Я б вышел в люди, вышел в свет.
Теперь я сам собой поэт,
Теперь мой гений... Но довольно!
Душа грустит моя невольно.
Я чувствую, мой милый друг,
С издетских лет какой-то дух
Владеет ею не напрасно!
Нет! я недаром сладострастно
Люблю богиню красоты,
Уединенье и мечты!

1829

ПРИДИ КО МНЕ

Приди ко мне, когда зефир
Колышет рощами лениво,
Когда и луг и степь — весь мир
Оденется в покров сонливый.

Приди ко мне, когда луна
Из облак в облака ныряет
Иль с неба чистого она
Так пышно воды озлащает.

Приди ко мне, когда весь я
В любовны думы погружаюсь,
Когда, красавица, тебя
Нетерпеливо дожидаюсь.

Приди ко мне, когда любовь
Восторги пылкие рождает,
Когда моя младая кровь
Кипит, волнуется, играет.

Приди ко мне; вдвойне с тобой
Хочу я жизнью наслаждаться,
Хочу к твоей груди младой
Со всею страстию прижаться...

1829

* * *

По-над Доном сад цветет,
Во саду дорожка;
На нее б я всё глядел,
Сидя, из окошка...

Там с кувшином за водой
Маша проходила,
Томный взор потупив свой,
Со мной говорила.

«Маша, Маша! — молвил я. —
Будь моей сестрою!
Я люблю... любим ли я,
Милая, тобою?»

Не забыть мне никогда,
Как она глядела!
Как с улыбкою любви
Весело краснела!

Не забыть мне, как она
Сладко отвечала,
Из кувшина, в забытьи,
Воду проливала...

Сплю и вижу всё ее
Платье голубое,
Страстный взгляд, косы кольцо,
Лентой первитое.

Сладкий миг мой, возвратись!
С Доном я прощаюсь...
Ах, нигде уж, никогда
С ней не повстречаюсь!..

1829

РАЗУВЕРЕНИЕ

Да! жизнь не то, что́ говорили
Мои мне книги и мечты;
Ее недаром заклеймили
Печатью зла и суеты.
Сначала искренно встречая
И утро дня благословляя,
Я в мире всё благословлял...
Дитя! я ласки расточал,
Я простирал мои объятья
Ко всем с любовию, как братьям!
Пришла пора, узнал и я
Совсем не то, что прежде снилось,
Чем сердце юное пленилось,
О чем так сладко думал я...
Узнал родных, к родству холодных;
В друзьях — предателей притворных;
В толпах людей — толпы невежд;

Обманчивость земных надежд;
В обетах — лживые обманы;
В невинном взгляде — льстивый взор;
В умах возвышенных — туманы,
Надутой глупости позор...
Бог с ними! Я страну земную
С упреком тайным разлюбил;
Душой постигнул жизнь другую,
В ту жизнь мечты переселил
И странствую без дальних нужд,
Земли жилец, земнова чужд.

1829

* * *

Не мне внимать напев волшебный
В тенистой роще соловья;
Мне грустен листьев шум прибрежный
И говор светлого ручья.

Прошла пора! Но в дни былые
Я слушал Филомелы глас;
Тогда-то в сумраки густые
Веселья огнь во мне не гас.

Тогда с Анютой милой, нежной
Часов полета не видал;
Тогда, надеждой обольщенный,
Я праздник жизни пировал.

Теперь же, о друзья! со мною
Анюты скромной боле нет...
С другим она... и я с тоскою
Встречаю дня огнистый свет.

Так мне ль внимать напев волшебный
В тенистой роще соловья?
Мне грустен листьев шум прибрежный
И говор светлого ручья...

1829

МЩЕНИЕ

(Отрывок)

Скажи: какие возраженья
Рассеют новые сомненья,
Какую снова хочешь лесть
В защиту чести произнесть?
Молчи, и слов не трать напрасно;
Я знаю всё — и знаю ясно,
Когда... и где... и как... кто он...
Но ты, ты скажешь: это сон
Развил неверное виденье,
Чтоб поселить меж нас сомненье...
Напротив, слушай — я скажу.
Вчера бьет полночь, я лежу,
Не сплю, но спящим притворился
И чутким сном как бы забылся;
Вдруг слышу: робко ты меня
Своей рукой пошевеля,
Тихонько встала — и потом
Исчезла в сумраке ночном;
Я встал, гляжу: тебя уж нет.
Схватил кинжал, пустился вслед.
Но я не видел, как ты с ним
Дышала воздухом одним
И как в объятьях ты его
Пылала, млела и сгорала,
Как жарко друга своего
При расставаньи целовала...
Забывши страх, закон, себя,
Кровавым мщением горя,
Ужасным гневом пламенея,
Бегу... Нечаянно злодея,
Как тень могильную, схватил
И в грудь ему кинжал вонзил...
Где вы, любви моей мечты?
И кто довел?.. Теперь и ты
Страшись меня, как грешник ада;
Не то — подобная награда!..

1829

ПЕСНЬ РУСАЛКИ

Давайте, подруги,
Веселой толпой
Мы выйдем сегодня
На берег крутой

И песнию громкой
Луга огласим,
Леса молчаливы
И даль усыпим.

Нарвем мы цветочков,
Венки мы сплетем,
Любимую песню
Царицы споем;

А с утром, подруги,
Одна за другой
Сокроемся в волны
Падучей звездой.

1829

ПОВЕСТЬ МОЕЙ ЛЮБВИ

(Посвящаю воронежским девушкам)

Красавицы-девушки,
Одноземки-душеньки,
Вам хочу я, милые,
На досуге кое-как
Исповедать таинство,
Таинство чудесное.
И у нас в Воронеже
Никому до этих пор
Не хотел открыть его;
Но для вас, для вас одних
Я его поведаю
И так, как по грамотке,
Как хитрец по карточкам,
Расскажу по-дружески
Повесть о самом себе.

Скучно и нерадостно
Я провел век юности:
В суетных занятиях
Не видал я красных дней;
Жил в степях с коровами,
Грусть в лугах разгуливал,
По полям с лошадкою
Один горе мыкивал.
От дождя в шалашике
Находил убежище,
Дикарем, степникою
Я в Воронеж езживал
За харчами, деньгами,
Чаще — за отцовскими
Мудрыми советами.
И в таких занятиях
Мне пробило двадцать лет.
Но, клянусь вам совестью,
Я еще не знал любви.
В городах все девушки
Как-то мне не нравились,
В слободах, в селениях
Всеми брезгал-гребовал.
Раз один в Воронеже —
Где, не помню — встретилась
Со мной одна девушка,
Смазливеньким личиком,
Умильными глазками,
Осанкою, поступью,
Речью лебединою
Всспламенила молодца.
Вдруг сердечко пылкое
Зажглось, раскалилося,
Забилось и искрами
По груди запрядало.
Я тогда не в силах был
Удержать порыв страстей —
И в ее объятиях
Уснул очарованный,
Упившись любовию;
И с тех пор той девушки
Стал я вечным пленником.

«Кто ж она?» — вы спросите,
Одноземки милые.
Не скажу... но если вы
По весельям ездите,
На гульбах бываете,
Там, поверьте мне,
Вы ее увидите:
Всех скромней, красивее,
Всех простей и ласковей,
Откровенней, радостней.

1829

МОЛОДОЙ ЧЕТЕ

Сбылось, что вы желали тайно,
Сбылось! настал желанный час:
Любовь благословила вас,
И скоро перстень обручальный
На вашей ручке заблестит
И пастырь вас соединит.
И жизнь счастливая польется,
Как серебристый ручеек
Через муравчатый лужок,
Журча, игривой струйкой вьется.
Судьба вас счастьем наградила,
И будет луч его светить
Весь век над ним и над тобой
Неизменимою звездой.
Но если вас — избави, боже! —
Когда день черный навестит,
Любовь всё может усладить!
Любовь и дружба! Ты дороже
Всего на свете, ты одна
В несчастьи, в счастии равна.
Надежды, радости земные,
Мгновенья жизни дорогие
Изменчивы для нас всегда;
Прямая ж дружба — никогда!

4 января 1830

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ

Пускай с насмешкою холодной
За скудный труд ругает свет;
Скажу с улыбкой благородной:
Я мещанин, а не поэт.

Январь 1830

* * *

О, не кажи улыбки страстной!
Не мучь надеждою напрасно;
Прошу, так нежно не гляди;
Со мной речей не заводи;
Будь больше недовольна,
Будь равнодушна, хладнокровна,
Как недруга, пренебрегай!
В беседах с злобою немою
Со мною встречи убегай.
Ах, ты неправдою такою
Меня, быть может, охладишь
И, к счастью, счастия лишишь!..

Апрель 1830

ПЕСНЯ

Утратив то, что было мило,
Напрасно вновь к себе зову;
Напрасно тень подруги милой
Хочу я видеть наяву.

Теперь с тобой одно свиданье
Какой ценою б не купил;
Я за твое существованье
Земною б жизнью заплатил!

За нежный поцелуй, за встречу,
За блеск приветливых очей,
За жар любви, за звук речей
Я б голову понес на сечу.

Но нет, вовек не возвратить,
Что́ было так душой любимо!
Вовек и тень с страны незримой
К призывам друга не слетит.

О, лейтесь, лейтесь же ручьями,
Горючи слезы, из очей!
Без ней нет жизни меж людями —
Нет сердцу радостей без ней.

26 мая 1830
Лебедянь

ТРИОЛЕТ

Прошу, оставьте вы меня;
Моя любовь к вам охладела.
В душе нет прежнего огня,
Прошу, оставьте вы меня.
Не зная вас, был весел я;
Узнал вас — радость улетела.
Прошу, оставьте вы меня;
Моя любовь к вам охладела.

4 июля 1830

К ДРУГУ

Развеселись, забудь что было!
Чего уж нет — не будет вновь!
Всё ль нам на свете изменило?
И всё ль взяла с собой любовь?
Еще отрад у жизни много,
У ней мы снова погостим:
С одним развел нас опыт строгий,
Поладим, может быть, с другим!
И что мы в жизни потеряли,
У жизни снова мы найдем!
Что нам мгновенные печали?
Мы ль их с тобою не снесем?
Что грусть земли? ужель за гробом
Ни жизни, ни награды нет?
Ужели там, за синим сводом,
Ничтожество и тьма живет?

Ах, нет! кто мучится душою,
Кто в мире заживо умрет,
Тот там, за дальней синевою,
Награды верные найдет!
Не верь истления кумиру,
Не верь себе, не верь людям,
Не верь пророчащему миру,
Но веруй, веруй небесам!
И пусть меня людская злоба
Всего отрадного лишит,
Пусть с колыбели и до гроба
Лишь злом и мучит и страшит, —
Пред ней душою не унижусь,
В мечтах не разуверюсь я;
Могильной тенью в прах низринусь
Но скорби не отдам себя!..

11 июля 1830, полночь

К N...

Опять тоску, опять любовь
В моей душе ты заронила
И прежнее, былое вновь
Приветным взором оживила.
Ах! для чего мне пламенеть
Любовью сердца безнадежной?
Мой кроткий ангел, друг мой нежный,
Не мой удел тобой владеть!
Но я любим, любим тобою!
О, для чего же нам судьбою
Здесь не даны в удел благой,
Назло надменности людской,
Иль счастье, иль одна могила!
Ты жизнь моя, моя ты сила!..
Горю огнем любви святым,
Доверься ж, хоть на миг, моим
Объятиям! Я не нарушу
Священных клятв — их грудь хранит,
И верь, страдальческую душу
Преступное не тяготит...

19 июля 1830

В АЛЬБОМ N N

Что мне, скажите, написать
В альбом для милой девы?
Напрасный труд! Мои напевы
Едва ль прекрасную пленят;
Притом, что ей сказать, о чем?
Хвалить ее напрасно —
Она, как день, прекрасна,
Как серафим без крыл, мила, —
То что пред нею похвала!

24 июля 1830

ПОСЛАНИЕ Н... П...

И вы на нас грозой хотите?
И вы, и вы кинжал острите
Отцу на старческую грудь!
Накажет бог когда-нибудь!
Припомните, что прежде были.
Притом не вы ль мне говорили:
«Я б мог давно — но не хочу;
Нет, я и извергу не мщу,
Нет, я не с варварской душою, —
За зло плачу я добротою».
Враги ль мы вам? Пусть бог сразит,
Кто черный замысел таит!
Злодеи ль мы? За что ж хотите
Полуубитого добить?
Его старайтесь защитить!..
Я знаю: сильному удобно
Невинных ранить, — даже сродно...
Но тот не человек — злодей!
Вы ж покровитель, друг людей, —
Держите ж слово — и не мстите,
Прошу, кинжала не острите
Отцу на старческую грудь:
Ей время в жизни отдохнуть.

25 июля 1830

Неизменимость

Мой друг, любовь нас съединяет,
А невозможность разлучает;
Иль на роду уж дано мне
Любить любезную во сне?
А наяву — в тоске, в мученьи
С тобою быть, подле сидеть
И лобызать тебя не сметь;
И в ожиданьи и в сомненьи
И дни и ночи проводить!..
Мы хочем время улучить,
Где б можно было мне прижаться
К трепещущей груди твоей,
На снег ланит, на огнь очей
Где б мог глядеть и любоваться.
Но нет! Подглядливые очи
И тут и там, везде следят;
И днем и в час глухой полночи
Они нас, друг мой, сторожат.
И как укрыться нам от взора
Недоброхотливых людей?
Как неизбежного дозора
Нам избежать во тьме ночей?
И как завистников тиранов
Иль отклонить, иль обмануть?
Какою силой талисманов
Их очи зоркие сомкнуть?
Но, друг! пускай они глядят
На нас; за нами замечают,
Любить друг друга запрещают;
Пусть делают что, как хотят.
Но мы друг другу верны оба:
Любовь моя, твоя — до гроба!
То что они, что их дозор,
Что нам упрек, что нам позор?
Мы стерпим всё: и хоть украдкой,
Хоть мыслью, хоть надеждой сладкой
. . . .
А всё не запретят любить,
Земные радости делить.

28 июля 1830

ЭЛЕГИЯ

В твои объятья, гроб холодный,
Как к другу милому, лечу,
В твоей обители укромной
Сокрыться от людей хочу.
Скорее, смерть, сверкни косою
Над юною моей главою!
Немного лет я в мире жил...
И чем сей мир повеселил?
И кто с улыбкой мне отрадной
От сердца нежно руку жал?
Со мной кто радостью желанной
Делил веселье и печаль?
Никто! Но в сей стране пустынной
Один лишь был мне верен друг,
И тот, как песни звук отзывный,
Как огнь мгновенный, надмогильный,
На утренней заре потух.
Одна звезда меня пленяла
Еще на небе голубом
И в черном сумраке густом
Надеждой тайной грудь питала;
Но скрылася она — с тех пор
Приветных звезд не видит взор.
Без ней, как сирота безродный,
Влачусь один в толпе людей,
С душою мрачной и холодной,
Как нераскаянный злодей.
С людями, братьями моими,
Еще хотел я жизнь делить;
По-прежнему хотел меж ними
Я друга по сердцу найтить.
Но люди взорами немыми
С презреньем на меня глядят
И душу хладную мертвят.
К тебе от них, о гроб холодный,
Как к другу милому, лечу,
В твоей обители укромной
Покоя тихого ищу.
О смерть! сомкни скорей мне вежды!
Верни загробные надежды.

30 июля 1830

СОВЕТ СТАРЦА

Скучно с жизнью старческой,
Скучно, други, в мире жить;
Грустно среди пиршества
О могиле взгадывать
И с седою мудростью
К ней, наморщась, двигаться.
Поспешайте ж, юноши,
Наслаждаться жизнию!
Отпируйте в радости
Праздник вашей юности!
Много ль раз роскошная
В год весна является?
Много ль раз долинушку
Убирает зеленью,
Муравою бархатной,
Парчой раззолоченной?
Не одно ль мгновение
И весне и юности?

1 августа 1830

К Ж.....

Не мучь, красавица моя,
Не мучь напрасным ожиданьем;
И так уже измучен я,
И так томительным страданьем
Душа влюбленная убита;
Она давно тоской покрыта.
К чему ж незажитые раны
Ты хочешь боле растравлять?
Скажи: придут ли дни желанны
Иль нам их вечно не видать?
Иль ты с притворною душою
Смеешься, шутишь надо мною?
Теперь — увы! — в последний раз
Я жду любезного привета.
Жестокая! прощальный час!
Порадуй ласкою ответа!
Скажи, скажи! Но — дикий взор! . .
Где сила снесть сей приговор!

8 августа 1830

ВЕЧЕР

Уж рощей лиственная сень
Росой коралльною дымится,
И чуть заметливая тень
На долы, на поля ложится;
Ленивый ветерок, порхая
И поминутно утихая,
Природу клонит в сладкий сон;
Уж с нею засыпает он.
Один я в темной тишине,
Оставив свой семейный круг,
С раздумьем сердца в глубине,
Иду на освеженный луг;
На нем я с новою отрадой
Дышу вечернею прохладой,
И с новой радостью земной
Веду беседы я с луной:
О смерти, вечности, о жизни,
О нашей будущей отчизне,
О наших будущих мирах
И преселенцах-мертвецах,
Которые, как мы, здесь жили
И дух горé переселили.
Ах, что на их там стороне?
Видна ли тайна назначений?
Что не постиг здесь гордый гений —
То там постигнуто ль вполне?
О, для чего с земли судьбою
Живым в удел не дано нам
Туда к ним улетать душою?
Я б, с ними привитая там,
Учился б жить с самим собою;
Но я веригою земной,
Как цепию невольник злой,
Надолго связан и окован —
Мой дух неволей очарован
И дольним счастием прельщен.
В земных он таинствах теряясь
И для небесных омрачен,
Бескрыльной думой окрыляясь,
Туда напрасно рвется он...

Луна! ты, житель горних стран,
Ты беспредельный океан
Без утомленья протекаешь;
Луна! быть может, ты бываешь
И в тех странах, — поведай мне
О тайнах их... Но в тишине
Ты, ход урочный совершая
И молчаливо озаряя
Кладбище смерти, крест и гроб,
И отдаленный неба свод,
Лишь светишь нам, как все те звезды,
В знак доброй для людей надежды.

20 августа 1830
Старобельск

ЗЕМНОЕ СЧАСТИЕ

Не тот счастлив, кто кучи злата
Сбирает жадною рукой
И за корысть — родного брата
Тревожит радостный покой;
Не тот, кто с буйными страстями
В кругу прелестниц век живет,
В пирах с ничтожными глупцами
Беседы глупые ведет
И с ними ценит лишь словами
Святую истину, добро,
А нажитое серебро
Хранит, не дремля, под замками.
Не тот счастлив, не тот, кто давит
Народ мучительным ярмом
И кто свое величье ставит
На полразрушенном другом!
Он пренебрег земли законы,
Он, презирая вопль и стоны,
И бедной, горестной мольбе
Смеется вперекор судьбе!..
Он бога гнев, он кары неба
Считает за ничтожный страх;

Суму, кусок последний хлеба
Отнял у ближнего — и прав!
Не он! — Но только тот блажен,
Но тот счастлив и тот почтен,
Кого природа одарила
Душой, и чувством, и умом,
Кого фортуна наградила
Любовью — истинным добром.
Всегда пред богом он с слезою
Молитвы чистые творит,
Доволен жизнию земною,
Закон небес боготворит,
Открытой грудию стоит
Пред казнью, злобою людскою,
И за царя, за отчий кров
Собой пожертвовать готов.
Он, и немногое имея,
Всегда делиться рад душой;
На помощь бедных, не жалея,
Всё щедрой раздает рукой!

20 августа 1830
Старобельск

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Что душу в юности пленило,
Что сердце в первый раз
Так пламенно, так нежно полюбило —
И полюбило не на час, —
То всё я силюся предать забвенью,
И сердцу пылкому и страстному томленью
Хочу другую цель найтить,
Хочу другое также полюбить!
Напрасно всё: тень прежней милой
Нельзя забыть!
Уснешь — непостижимой силой
Она тихонько к ложу льнет,
Печально руку мне дает,
И сладкою мечтой вновь сердце очарует,
И очи томные к моим очам прикует!..

И вновь любви приветный глас
Я внемлю страждущей душою...
Когда ж ударит час
Забвенья о тебе, иль вечности с тобою?..

21 августа 1830
Близ Мур-могилы

МУКА

Осиротелый и унылый,
Ищу подруги в свете милой, —
Ищу — и всем «люблю» твержу, —
Любви ж ни в ком не нахожу.
На что ж природа нам дала
И прелести и розы мая?
На что рука твоя святая
Им сердце гордым создала?
Ужель на то, чтоб в первый раз
Пленить любовию священной,
Потом упорностью надменной
Сушить и мучить вечно нас?
Ужель на то, чтоб радость рая
В их взоре видя на земли,
Мы наслаждаться не могли,
В любови муки познавая?..
Но ты, земная красота,
Не стоишь моего страданья!
Развейся ж, грешная мечта,
Проси от неба воздаянья!

27 августа 1830
Кирчинская слобода

СИРОТА

Когда мне шел двадцатый год,
Я жил звериной ловлей
И был укрыт от непогод
Родительскою кровлей.
Отец мой всех был богатей,
Всяк знался с нашей хатой,
Был хлеб, был скот рогатый...

Моя богатая семья
Копейкой не нуждалась;
Такому счастию родня
С досадой улыбалась.
И кто б подумать прежде мог,
Что после с нами стало:
Прогневался на грешных бог —
Что было, всё пропало.
Два года не рожался хлеб,
Иссохнула долина,
Утратилась скотина, —
Нужда на двор — и денег нет!
Травою заросло гумно,
Кошары опустели,
С последним нищим заодно
И в праздник мы говели.
Еще б мой жребий сносен был,
Но с бесталанной доли
Я всю семью похоронил...
От скорби и от боли
Без них для горького меня
И радости скончались;
Чуждалась бедного родня,
Соседи удалялись.
Пришлось с могилою родных
Навеки распроститься
И горевать среди чужих
С пустой сумой пуститься.
И люди мирных деревень,
Живя без нужд, не знают,
Что вся мне жизнь есть черный день,
Иль, зная, — забывают.

4 сентября 1830
Кокенское поле

ПЕСНЯ

На что ты, сердце нежное,
    Любовию горишь?
На что вы, чувства пылкие,
    Волнуетесь в груди?

Напрасно, девы милые,
Цветете красотой,
Напрасно добрых юношей
Пленяете собой, —
Когда обычьи строгие
Любить вас не велят,
Когда сердца холодные
Смеются, други, вам.
Любовь, любовь чистейшая,
Богиня нежных душ!
Не ты ль собою всех людей
Чаруешь и живишь?
Сердца, сердца холодные,
Не смейтеся любви!
Она — и дев и юношей
Святыня и кумир.

5 сентября 1830
Близ Славяносербска

КОЛЬЦО

(Песня)

Я затеплю свечу
Воска ярова,
Распаяю кольцо
Друга милова.

Загорись, разгорись,
Роковой огонь,
Распаяй, растопи
Чисто золото.

Без него для меня
Ты ненадобно;
Без него на руке —
Камень на сердце.

Что взгляну — то вздохну,
Затоскуюся,
И зальются глаза
Горьким горем слез.

Возвратится ли он?
Или весточкой
Оживит ли меня,
Безутешную?

Нет надежды в душе...
Ты рассыпься же
Золотой слезой,
Память милова!

Невредимо, черно,
На огне кольцо,
И звенит по столу
Память вечную.

20 сентября 1830

СЕЛЬСКАЯ ПИРУШКА

Ворота тесовы
Растворилися,
На конях, на санях
Гости въехали;
Им хозяин с женой
Низко кланялись,
Со двора повели
В светлу горенку.
Перед спасом святым
Гости молятся;
За дубовы столы,
За набраные,
На сосновых скамьях
Сели званые.
На столах кур, гусей
Много жареных,
Пирогов, ветчины
Блюда полные.
Бахромой, кисеей
Принаряжена,
Молодая жена
Чернобровая,
Обходила подруг

С поцелуями,
Разносила гостям
Чашу *горькова;*
Сам хозяин за ней
Брагой хмельною
Из ковшей вырезных
Ро́дных потчует;
А хозяйская дочь
Медом сыченым
Обносила кругом
С лаской девичьей.
Гости пьют и едят,
Речи гуторят:
Про хлеба, про покос,
Про старинушку;
Как-то бог и господь
Хлеб уродит нам?
Как-то сено в степи
Будет зелено?
Гости пьют и едят,
Забавляются
От вечерней зари
До полуночи.
По селу петухи
Перекликнулись;
Призатих говор, шум
В темной горенке;
От ворот поворот
Виден по снегу.

21 сентября 1830

ПЕСНЯ СТАРИКА

Оседлаю коня,
Коня быстрова,
Я помчусь, полечу
Легче сокола.

Чрез поля, за моря,
В дальню сторону —

Догоню, ворочу
Мою молодость!

Приберусь и явлюсь
Прежним молодцем,
И приглянусь опять
Красным девицам!

Но, увы, нет дорог
К невозвратному!
Никогда не взойдет
Солнце с запада!

21 сентября 1830

ВЗДОХ НА МОГИЛЕ ВЕНЕВИТИНОВА

Какие думы в глубине
Его души таились, зрели?
Когда б они сказалися вполне,
Кого б мы в нем, друзья, узрели?
Но он, наш северный поэт,
Как юный лебедь величавый,
Средь волн тоскуя, песню славы
Едва начал — и стих средь юных лет!

30 октября 1830

ВЕСЕЛЫЙ ЧАС

Дайте бокалы!
Дайте вина!
Радость — мгновенье.
Пейте до дна!
Громкие песни
Гряньте, друзья!
Пусть нас веселых
Видит заря!
Ныне пируем —

Юность на час —
Нынче веселье,
Радость у нас!
Завтра что будет,
Знаю ль, друзья?
Пусть нас веселых
Видит заря!
Шумно, разгульно
Пойте, друзья!
Лейте в бокалы
Больше вина!
Ну-те ж все разом
Выпьем до дна!
Пусть нас веселых
Видит заря!

1830

ЧТО ЗНАЧУ Я?

Что, крошка мелкая, я значу?
Живу, заботливо тружусь,
В желаньи счастья время трачу,
И, вечно недовольный, плачу!
Чего ж ищу? к чему стремлюсь?
В какой стране, на что гожусь?
Есть люди: досмерти желают
Вопросы эти разгадать.
Но что до них! Пусть как хотят
О всем серьезно рассуждают.
Я недоросль, я не мудрец,
И мне нужнее знать немного;
Шероховатою дорогой
Иду шажком я, как слепец;
С смешным сойдусь ли — посмеюсь;
С прекрасным встречусь — им пленюсь;
С несчастным от души поплачу,
И не стараюсь знать — что значу.

1830

УТЕШЕНИЕ

Как жаль, что счастия звезда
На небе вашем закатилась!
Но разве горесть навсегда
С судьбою вашей породнилась?
Пройдет зима — настанет май.
Беда — глупа, взведет на счастье.
Всяк провиденью доверяй:
Оно нас ценит без пристрастья.
Пусть кто доволен здесь неправо
Или неправо кто гоним...
Земные радости — с отравой,
Отрава — с счастием земным.
Всё постоянно — лишь за морем,
И потому, что нас там нет;
А между тем кто минут горем?
Никто... таков уж белый свет!..

1830

К РЕКЕ ГАЙДАРИ

Стою, зловещей думы полн,
При шепоте, при плеске волн...
Гайдарь! всё теми ж ты волнами
Катишься вдаль, как и всегда,
Такими ж светлыми водами
Поишь людей, поишь стада;
И те ж в тебе глядятся горы
И моются корни лесов;
Всё те ж кругом поля, озеры,
Всё так же ночью вдоль брегов
На лодке, легкой и качливой,
Плывет веселый рыболов;
По влаге сонной, прихотливой
Кидает сеть он — и вперед
Веслом размашисто гребет,
И песнь Украйны для забавы,
Без мыслей, без желаний славы,
Напевом прадеда поет!

Катись, Гайдарь, и пой водою
Брега, счастливые тобою!
Твой век тебе не изменил;
А я, старик, всю жизнь прожил...
Где ж вы, благие упованья,
Где ты, священный сердца жар? ..
Катися, светлая Гайдарь,
Неси с собой мои стенанья!

1830

УТЕШЕНИЕ

Внимай, мой друг, как здесь прелестно
Журчит серебряный ручей,
Как свищет соловей чудесно.
А ты — один в тоске своей.
Смотри: какой красой в пустыне
Цветы пестреются, цветут,
Льют ароматы по долине
И влагу рос прохладных пьют.
Вдали там тихо и приятно
Раскинулась березы тень,
И светит небосклон отрадно,
И тихо всходит божий день.
Там вешний резвый ветерок
Играет, плещется с водами,
Приветно шепчется с листами
И дарит ласками цветок.
Смотри: на разноцветном поле
Гостит у жизни рой детей
В беспечной радости на воле;
Лишь ты, мой друг, с тоской своей...
Развеселись! .. Проснись душою
С проснувшейся для нас весною;
Хоть юность счастью посвятим!
Ах! Долго ль в жизни мы гостим! ..

1830

ПЕСНЯ ПАХАРЯ

Ну! тащися, сивка,
Пашней, десятиной,
Выбелим железо
О сырую землю.

Красавица зорька
В небе загорелась,
Из большого леса
Солнышко выходит.

Весело на пашне.
Ну, тащися, сивка!
Я сам-друг с тобою,
Слуга и хозяин.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телегу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вею...
Ну! тащися, сивка!

Пашенку мы рано
С сивкою распашем,
Зернышку сготовим
Колыбель святую.

Его вспоит, вскормит
Мать-земля сырая;
Выйдет в поле травка —
Ну! тащися, сивка!

Выйдет в поле травка —
Вырастет и колос,

Станет спеть, рядиться
В золотые ткани.

Заблестит наш серп здесь,
Зазвенят здесь косы;
Сладок будет отдых
На снопах тяжелых!

Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

С тихою молитвой
Я вспашу, посею.
Уроди мне, боже,
Хлеб — мое богатство!

26 ноября 1831

* * *

Мой друг, мой ангел милый,
Тебя ли я с такою силой,
Так нежно, пламенно лобзал
И к нежной груди прижимал?
Или в минуту исступленья,
В жару сердечного волненья,
Я обнимал одну мечту,
Твою рисуя красоту?
Как упоителен душе влюбленной
Живой твой взор полусмущенный,
Твой жгучий, страстный поцелуй! —
Приди же вновь! страдальца поцелуй!
Тобой любимым быть прекрасно!
Прекраснее — тебя любить!
Что муки мне? Душою страстной
О милой сладко мне грустить!

1831

СОЛОВЕЙ

(Подражание Пушкину)

Пленившись розой, соловей
И день и ночь поет над ней;
Но роза молча песням внемлет,
Невинный сон ее объемлет...
На лире так певец иной
Поет для девы молодой;
Он страстью пламенной сгорает,
А дева милая не знает —
Кому поет он? отчего
Печальны песни так его?..

1831

ВИДЕНИЕ НАЯДЫ

Взгрустнулось как-то мне в степи однообразной.
Я слег
Под стог,
И, дремля в скуке праздной,
Уснул; уснул — и вижу сон:
На берегу морском, под дремлющей сосною,
С унылою душою,
Сижу один; передо мною
Со всех сторон
Безбрежность вод и небо голубое —
Всё в сладостном ночном покое,
На всё навеян легкий сон.
Казалось, море — небеса другие,
Казались морем небеса:
И там и здесь — одни светила золотые,
Одна лазурь, одна краса
В объятьях дружбы дремлет.
Но кто вдали, нарушив тишину,
Уснувшую волну
Подъемлет и колеблет?
Прелестная, нагая
Богиня синих вод —
Наяда молодая;

Она плывет,
Она манит, она зовет
К себе на грудь мои объятия и очи...
Как сладострастный гений ночи,
Она, с девичьей красотой,
Являлась вся сверх волн нагой
И обнималася с волной!..
Я с берегов, я к ней... И — чудо! — достигаю.
Плыву ль, стою ль, не потопаю.
Я с ней! — ее я обнимаю,
С боязнью детскою ловлю
Ее приветливые взгляды;
Сжимаю стан Наяды,
Целую и шепчу: «Люблю!»
Она так ласково ко мне главу склонила;
Она сама меня так тихо обнажила,
И рубище мое пошло ко дну морей...
Я чувствовал, в душе моей
Рождалась новая, невидимая сила,
И счастлив был я у ее грудей...
То, от меня притворно вырываясь,
Она, как дым сгибаясь, разгибаясь,
Со мной тихонько в даль плыла;
То, тихо отклонив она меня руками,
Невидима была;
То долго под водами
Напевом чудным песнь поет;
То, охватив меня рукою,
Шалит ленивою водою
И страстный поцелуй дает;
То вдруг, одетые в покров туманной мглы,
Идем мы в воздухе до дремлющей скалы,
С вершины — вновь в морскую глубину!
По ней кружимся, в ней играем,
Друг друга, нежась, прижимаем
И предаемся будто сну...
Но вспыхнула во мне вся кровь,
Пожаром разлилась любовь;
С воспламененною душою —
Я всю ее объемлю, всю обвил...
Но миг — и я от ужаса остыл:
Наяда, как мечта, мгновенно исчезает;

Коварное мне море изменяет —
Я тяжелею, я тону
И страсть безумную кляну;
Я силюсь плыть, но надо мною
Со всех сторон валы встают стеною;
Разлился мрак, и с мрачною душой
Я поглощен бездонной глубиной...
Проснулся: пот холодный
Обдал меня...
«Поэзия! — подумал я, —
Твой жрец — душа святая,
И чистая, и неземная!»

1831

ДОМИК ЛЕСНИКА

В темном лесе, за рекой
Стоит домик небольшой,
С двумя светлыми окнами,
С распашными воротами.

Под замко́м те ворота,
И калитка заперта —
Чтоб не вшел туда рогатый,
Леший страшный и косматый;

Чтоб не вшел туда упырь,
Ни проезжий богатырь.
Кто ж живет тут одиноко,
От жилья кругом далеко?..

Рыболов ли небогатый?
Иль разбойник бородатый?..
В нем спасается мольбой,
С сундуками и казной,

Лесной староста, с женою,
С третьей дочкой молодою.
Он живет здесь с давних пор,
Караулит царский бор.

И для ней старик седой
Замыкает домик свой, —
Чтобы в каменны палаты
Не увез купец богатый;

Чтоб боярин окружной
Не прильнул бы к молодой
Безотвязной повиликой, —
Чтоб не быть ей горемыкой.

1832

ИССТУПЛЕНИЕ

Духи неба, дайте мне
Крылья сокола скорей!
Я в полночной тишине
Полечу в объятья к ней!

Сладострастными руками
Кругом шеи обовьюсь,
Ее черными глазами
Залюбуюсь, загляжусь!

Беззаботно к груди полной,
Как пчела к цветку, прильну,
Сладострастьем усыпленный,
Беспробудно я засну.

1832

ПЕСНЯ

Ты не пой, соловей,
Под моим окном;
Улети в леса
Моей родины!

Полюби ты окно
Души-девицы...
Прощебечь нежно ей
Про мою тоску;

Ты скажи, как без ней
Сохну, вяну я,
Что трава на степи
Перед осенью.

Без нее ночью мне
Месяц сумрачен;
Среди дня без огня
Ходит солнышко.

Без нее кто меня
Примет ласково?
На чью грудь отдохнуть
Склоню голову?

Без нее на чью речь
Улыбнуся я?
Чья мне песнь, чей привет
Будет по сердцу?

Что ж поешь, соловей,
Под моим окном?
Улетай, улетай
К душе-девице!

1832

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЕЛЯНИНА

На восьмой десяток
Пять лет перегнулось;
Как одну я песню,
Песню молодую
Пою, запеваю
Старою погудкой;
Как одну я лямку
Тяну без подмоги!
Ровесникам детки
Давно помогают,
Только мне на свете
Перемены нету.

Сын пошел на службу,
А другой в могилу;
Две вдовы невестки;
У них детей кучи —
Все мал-мала меньше;
За́дной головою
Ничего не знают.
Где пахать, где сеять,
Позабыли думать.
Богу, знать, угодно
Наказать под старость
Меня, горемыку,
Такой тяготою.
Сбыть с двора невесток,
Пустить сирот в люди! —
Старики на сходке
Про Кузьму что́ скажут?
Нет, мой згад, уж лучше,
Доколь мочь и сила,
Доколь душа в теле,
Буду я трудиться;
Кто у бога просит
Да работать любит,
Тому невидимо
Господь посылает.
Посмотришь: один я
Батрак и хозяин;
А живу чем хуже
Людей семьянистых?
Лиха-беда в землю
Кормилицу-ржицу
Мужичку закинуть,
А там бог уродит,
Микола подсобит
Собрать хлебец с поля;
Так его достанет
Год семью пробавить,
Посбыть по́дать с шеи,
И нужды поправить,
И лишней копейкой
Божий праздник встретить.
1832

ПОЭТ И НЯНЯ

«Няня, няня! правда ль это,
Что здесь сказано поэтом?
Будто мне не век играть;
Что достанется узнать
Девушке девичье горе,
Своенравное, как море;
И, что мне теперь так мило,
Будет горестно, постыло;
Что привыкну тосковать
И украдкою вздыхать...
День ли весело проснется —
Дева дню не улыбнется,
Выйдет с грустью на крыльцо
Освежить свое лицо.
Поглядит ли на дубравы,
На невинные забавы,
На шелковые луга,
На зеленые брега —
Всё под твердью голубою
Дышит радостью земною;
Ей лишь скучно, и слеза
Оросит ее глаза...» —
«И! .. Не верь, мое дитя,
Они гуторят шутя;
Их ты сказкам не внимай,
Плюнь на книжку! пой, играй! ..»

1833

УДАЛЕЦ

Мне ли, молодцу
Разудалому,
Зиму-зимскую
Жить за печкою?

Мне ль поля пахать?
Мне ль траву косить?
Затоплять овин?
Молотить овес?

Мне поля — не друг,
Коса — мачеха,
Люди добрые —
Не соседи мне.

Если б молодцу
Ночь да добрый конь,
Да булатный нож,
Да темны леса!

Снаряжу коня,
Наточу булат,
Затяну чекмень,
Полечу в леса!

Стану в тех лесах
Вольной волей жить,
Удалой башкой
В околотке слыть.

С кем дорогою
Сойдусь, съедусь ли, —
Всякий молодцу
Шапку до земли!

Оберу купца,
Убью барина,
Мужика-глупца
За железный грош!

Но не грех ли мне
Будет от бога —
Обижать людей
За их доброе?

В церкви поп Иван
Миру гуторит,
Что душой за кровь
Злодей платится...

Лучше ж воином
За царев закон,
За крещеный мир
Сложить голову!..

1833

ВЕЛИКАЯ ТАЙНА

(Дума)

Тучи носят воду,
Вода поит землю,
Земля плод приносит;
Бездна звезд на небе,
Бездна жизни в мире;
То мрачна, то светла
Чудная природа...

Старeясь в сомненьях
О великих тайнах,
Идут невозвратно
Веки за веками;
У каждого века
Вечность вопрошает:
«Чем кончилось дело?» —
«Вопроси другова», —
Каждый отвечает.

Смелый ум с мольбою
Мчится к провиденью.
Ты поведай мыслям
Тайну сих созданий!
Шлют ответ, вновь тайный,
Чудеса природы,
Тишиной и бурей
Мысли изумляя...

Что же совершится
В будущем с природой?..

О, гори, лампада,
Ярче пред распятьем!
Тяжелы мне думы,
Сладостна молитва!

1833

НЕ ШУМИ ТЫ, РОЖЬ

Не шуми ты, рожь,
Спелым колосом!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мне не для чего
Собирать добро,
Мне не для чего
Богатеть теперь!

Прочил молодец,
Прочил доброе
Не своей душе —
Душе-девице.

Сладко было мне
Глядеть в очи ей,
В очи, полные
Полюбовных дум!

И те ясные
Очи стухнули,
Спит могильным сном
Красна девица!

Тяжелей горы,
Темней полночи
Легла на сердце
Дума черная!

1834

УРОЖАЙ

Красным полымем
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туман стелется;

Разгорелся день
Огнем солнечным,
Подобрал туман
Выше темя гор;

Нагустил его
В тучу черную;
Туча черная
Понахмурилась,

Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...

Понесут ее
Ветры буйные
Во все стороны
Света белого.

Ополчается
Громом-бурею,
Огнем-молнией,
Дугой-радугой;

Ополчилася
И расширилась,
И ударила,
И пролилася

Слезой крупною —
Проливным дождем
На земную грудь,
На широкую.

И с горы небес
Глядит солнышко,
Напилась воды
Земля до́сыта;

На поля, сады,
На зеленые
Люди сельские
Не насмотрятся.

Люди сельские
Божьей милости
Ждали с трепетом
И молитвою;

Заодно с весной
Пробуждаются
Их заветные
Думы мирные.

Дума первая:
Хлеб из за́крома
Насыпать в мешки,
Убирать воза;

А вторая их
Была думушка:
Из села гужом
В пору выехать.

Третью думушку
Как задумали, —
Богу-господу
Помолилися.

Чем свет по полю
Все разъехались —
И пошли гулять
Друг за дружкою,

Горстью полною
Хлеб раскидывать;

И давай пахать
Землю плугами,

Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьем
Порасчесывать.

Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что послал господь
За труды людям:

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремит колосом
Почти до́ земи,

Словно божий гость,
На все стороны
Дню веселому
Улыбается.

Ветерок по ней
Плывет, лоснится,
Золотой волной
Разбегается.

Люди семьями
Принялися жать,
Косить под корень
Рожь высокую.

В копны частые
Снопы сложены;
От возов всю ночь
Скрыпит музыка.

На гумнах везде,
Как князья, скирды
Широко сидят,
Подняв головы.

Видит солнышко —
Жатва кончена:
Холодней оно
Пошло к осени;

Но жарка свеча
Поселянина
Пред иконою
Божьей матери.

1835

ГЛАЗА

(Русская песня)

Погубили меня
Твои черны глаза,
В них огонь неземной
Жарче солнца горит!

Омрачитесь, глаза,
Охладейте ко мне!
Ваша радость, глаза,
Не моя, не моя!..

Не глядите же так!
О, не мучьте меня!
В вас страшнее грозы
Блещут искры любви.

Нет, проглянъте, глаза,
Загоритесь, глаза!
И огнем неземным
Сердце жгите мое!

Мучьте жаждой любви!
Я горю и в жару
Бесконечно хочу
Оживать, умирать,

Чтобы, черны глаза,
Вас с любовью встречать
И опять и опять
Горевать и страдать.

1835

ЧЕЛОВЕК

(Дума)

Все творенья в божьем мире
Так прекрасны, хороши!
Но прекрасней человека
Ничего нет на земле!

То себя он ненавидит;
То собой он дорожит;
То полюбит, то разлюбит;
За миг жизни век дрожит...

Даст желаньям ли свободу —
Землю кровью напоит;
Буйной воле даст ли волю —
Под ним море закипит.

Но изменятся стремленья,
Озарится светом ум —
И своей он красотою
Всё на свете помрачит...

15 июня 1836
Воронеж

ЖЕНИТЬБА ПАВЛА

Павел девушку любил,
Ей подарков надарил:
Два аршина касандрики,
Да платок, да черевики,

Да китаечки конец,
Да золоченый венец;
Она стала щеголиха,
Как богатая купчиха.

Плясать в улицу пойдет —
Распотешит весь народ;
Песни ль на голос заводит —
Словно зельями обводит.

Одаль мóлодцы стоят,
Меж собою говорят:
«Все мы ходим за тобою:
Чьей-то будешь ты женою?»

Говорите. Сам-третей,
Запряг Павел лошадей,
Везть товары подрядился,
Кой-где зиму волочился.

И, разгорившись казной,
К весне едет он домой;
В гости рóдных созывает,
Свахой тетку наряжает...

Большой выкуп дал отцу;
Клад достался молодцу.
Свадьбу весело играли:
Две недели пировали.

1836

МОЛОДАЯ ЖНИЦА

Высоко стоит
Солнце на небе,
Горячо печет
Землю-матушку.

Душно девице,
Грустно на поле,

Нет охоты жать
Колосистой ржи.

Всю сожгло ее
Поле жаркое,
Горит-горма всё
Лицо белое.

Голова со плеч
На грудь клонится,
Колос срезанный
Из рук валится...

Не с проста ума
Жница жнет не жнет,
Глядит в сторону —
Забывается.

Ох, болит у ней
Сердце бедное,
Заронилось в нем —
Небывалое!

Она шла вчера
Нерабочим днем,
Лесом шла себе
По малинушку.

Повстречался ей
Добрый молодец;
Уж не в первый раз
Повстречался он.

Разминется с ней
Будто нехотя
И стоит, глядит
Как-то жалобно.

Он вздохнул, запел
Песню грустную;
Далеко в лесу
Раздалась та песнь.

Глубоко в душе
Красной девицы
Озвалась она
И запала в ней...

Душно, жарко ей,
Грустно на поле,
Нет охоты жать
Колосистой ржи...

1836

КОСАРЬ

Не возьму я в толк...
Не придумаю...
Отчего же так —
Не возьму я в толк?
Ох, в несчастный день,
В бесталанный час,
Без сорочки я
Родился на свет.
У меня ль плечо —
Шире дедова,
Грудь высокая —
Моей матушки.
На лице моем
Кровь отцовская
В молоке зажгла
Зорю красную.
Кудри черные
Лежат скобкою;
Чтó работаю —
Всё мне спорится!
Да в несчастный день,
В бесталанный час,
Без сорочки я
Родился на свет!
Прошлой осенью
Я за Грунюшку,

Дочку старосты,
Долго сватался;
А он, старый хрен,
Заупрямился!
За кого же он
Выдаст Грунюшку?
Не возьму я в толк,
Не придумаю...
Я ль за тем гонюсь,
Что отец ее
Богачом слывет?
Пускай дом его —
Чаша полная!
Я ее хочу,
Я по ней крушусь:
Лицо белое —
Заря алая,
Щеки полные,
Глаза темные
Свели молодца
С ума-разума...
Ах, вчера по мне
Ты так плакала;
Наотрез старик
Отказал вчера...
Ох, не свыкнуться
С этой горестью...
Я куплю себе
Косу новую;
Отобью ее,
Наточу ее, —
И прости-прощай,
Село ро́дное!
Не плачь, Грунюшка,
Косой вострою
Не подрежусь я...
Ты прости, село,
Прости, староста, —
В края дальние
Пойдет молодец —
Что вниз по́ Дону,
По набе́режью,

Хороши стоят
Там слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокруг,
Широко лежит,
Ковылой-травой
Расстилается!..
Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!
В гости я к тебе
Не один пришел:
Я пришел сам-друг
С косой вострою;
Мне давно гулять
По траве степной
Вдоль и поперек
С ней хотелося...

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с пóлудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Как пчелиный рой!
Молоньёй, коса,
Засверкай кругом!
Зашуми, трава,
Подкошóная;
Поклонись, цветы,
Головой земле!
Наряду с травой
Вы засохните,
Как по Груне я
Сохну, молодец!
Нагребу копён,
Намечу стогов;

Даст казачка мне
Денег пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну;
Ворочусь в село —
Прямо к старосте;
Не разжалобил
Его бедностью —
Так разжалоблю
Золотой казной!..

1836
Москва

НЕРАЗГАДАННАЯ ИСТИНА

(Дума)

Целый век я рылся
В таинствах вселенной,
До седин учился
Мудрости священной.

Все века былые
С новыми поверил;
Чудеса земные
Опытом измерил.

Мелкие причины
Тешились людями;
Карлы-властелины
Двигали мирами.

Райские долины
Кровью обливались;
Карлы-властелины
В бездну низвергались.

Где пройдет коварство
С злобою людскою,
Там, в обломках, царство
Зарастет травою...

Племена другие
На них поселятся;
Города большие
Людьми разродятся.

Сторона пустая
Снова зацарюет,
И жизнь молодая
Шумно запирует!

Подсеку ж я крылья
Дерзкому сомненью,
Прокляну усилья
К тайнам провиденья!

Ум наш не шагает
Мира за границу;
Наобум мешает
С былью небылицу.

1836

УМОЛКШИЙ ПОЭТ

(Дума)

С душою пророка,
С печатью величья
На гордом челе,
Родился младенец
На диво земле.

Земные богини,
Как хитрые девы,
Манили младенца
Роскошной мечтой;
Притворною лаской
Любовь обманули,
Сожгли поцелуем
Румянец лица,

Сорвали улыбку —
Сиянье души.
Напрасно таил он,
Напрасно берег
Дары вдохновений
От горнего мира
Для жизни земной;
Напрасно он райской
И звучною песней
Родимые дебри,
Поля оглашал:
Пустыня молчала...
Толпа отступилась
От взоров пророка!
Высокое чувство,
И жар вдохновенья,
И творчества силу
Толпа не признала:
Смешны ей и радость
И горе поэта...
Сгори он в пожаре
Презренных страстей, —
Она, как вакханка,
Его зацелует
И бражским восторгом,
Нечистым, постыдным,
Навек заклеймит...

Очарованный утром,
Обманутый полднем,
Одетый вечерним
Туманом и тенью
Загадочной жизни —
Глядит равнодушно
Безмолвный поэт...
Ты думаешь: пал он?..
Нет, ты не заметил
Высокую думу,
Огонь благодатный
Во взоре его...

1836

ВЕЛИКОЕ СЛОВО

(Дума)

(В. А. Жуковскому)

Глубокая вечность
Огласилась словом.
То слово — «да будет!».
«Ничто» воплотилось
В тьму ночи и свет;
Могучие силы
Сомкнуло в миры,
И чудной, прекрасной
Повеяло жизнью.
Земля красовалась
Роскошным эдемом,
И дух воплощенный —
Владетель земли —
С челом вечно юным,
Высоким и стройным,
С отсветом свободы
И мысли во взоре,
На светлое небо
Как ангел глядел...

Свобода, свобода!..
Где ж рай твой веселый?
Следы твои страшны,
Отмечены кровью
На пестрой странице
Широкой земли!
И лютое горе
Ее залило,
Ту дивную землю,
Бесславную землю!..

Но слово «да будет!» —
То вечное слово
Не мимо идет:
В хаосе печали,
В полуночном мраке
Надземных судеб —
Божественной мыслью

На древе креста
Сияет и светит
Терновый венец...

И горькие слезы,
Раскаянья слезы,
На бледных ланитах
Земнова царя
Зажглись упованьем
Высоким и светлым,
И дух вдохновляет
Мятежную душу,
И сладко ей горе,
Понятно ей горе:
Оно — искупленье
Прекрасного рая...

«Да будет!» — и было,
И видим — и будет...
Всегда — без конца.
Кто ж он, всемогущий?
И где обитает?..
Нет богу вопроса,
Нет меры ему!..

1836
Степь гр. Орловой

МОЛИТВА

(Дума)

Спаситель, спаситель!
Чиста моя вера,
Как пламя молитвы!
Но, боже, и вере
Могила темна!
Что слух мой заменит?
Потухшие очи?
Глубокое чувство
Остывшего сердца?
Что будет жизнь духа
Без этого сердца?

На крест, на могилу,
На небо, на землю,
На точку начала
И цели творений
Творец всемогущий
Накинул завесу,
Наложил печать —
Печать та навеки,
Ее не расторгнут
Миры, разрушаясь,
Огонь не растопит,
Не смоет вода!..

Прости ж мне, спаситель!
Слезу моей грешной
Вечерней молитвы:
Во тьме она светит
Любовью к тебе...

1836
Степь гр. Орловой

МОГИЛА

(Дума)

Чья это могила
Тиха, одинока?
И крест тростниковый,
И насыпь свежа?
И чистое поле
Кругом без дорог?
Чья жизнь отжилася?
Чей кончился путь?
Татарин ли дикий
Свершил здесь убийство
В ночной темноте
И свежею кровью,
Горячею брызнул
На русскую быль?
Или молодая
Жница-поселянка,

Ангела-младенца
На руках лелея,
Оплакала горько
Кончину его?
И под ясным небом
В поле, на просторе,
В цветах васильковых,
Положен дитя.

Веет над могилой,
Веет буйный ветер,
Катит через ниву,
Мимо той могилы,
Сухую былинку,
Перекати-поле.
Будит вольный ветер,
Будит, не пробудит
Дикую пустыню,
Тихий сон могилы!..
И встают виденья
В душе одинокой...

1836
Воронеж

ЦВЕТОК

Природы милое творенье,
Цветок, долины украшенье,
На миг взлелеянный весной,
Безвестен ты в степи глухой!

Скажи: зачем же так алеешь,
Росой заискрясь, пламенеешь
И дышишь чем-то, как живым,
Благоуханным и святым?

Ты для кого в степи широкой,
Ты для кого от сел далеко?
Не для крылатых ли друзей,
Поющих в воздухе степей?

Для них ли, в роскоши, семьями,
Румяной ягодой, цветами
И обаяньем для души,
Вы, травы, зреете в тиши?

О, пой, косарь! зови певицу,
Подругу, красную девицу,
Пока еще, шумя косой,
Не тронул ты травы степной!

1836

ПЕРСТЕНЬ

Перстенечек золотой,
Ненаглядный, дорогой!
Светлой памятью любви
В очи черные гляди.

Если грустно будет ей,
Ты потускни, почерней;
Если радость — изменись,
Весь алмазом разгорись!

День забвенья ли придет,
Душа чувство проживет —
Тогда, перстень золотой,
Ты рассыпься сам собой!

1836

РАЗДУМЬЕ СЕЛЯНИНА

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

Нет у молодца
Молодой жены,
Нет у молодца
Друга вернова,

Золотой казны,
Угла теплова,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря;

Вместе с бедностью
Дал мне батюшка
Лишь один талан —
Силу крепкую;

Да и ту как раз
Нужда горькая
По чужим людям
Всю истратила.

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

9 апреля 1837
Москва

УРА!

Ходит оклик по горам,
По долинам, по морям:
Едет белый русский царь,
Православный государь
Вдоль по царству-государству...
Русь шумит ему: «Ура!»

Ходит оклик по горам,
По долинам, по морям:
Свет-царица в путь идет —
Лаской жаловать народ...
Ей навстречу, на дорогу,
Русь валит, шумит: «Ура!»

Ходит оклик по горам,
По долинам, по морям:
Князь наследный, сын царя,

Дня румяная заря,
Едет Русь святую видеть...
Русь кипит, шумит: «Ура!»

Мысль народа, звук души,
Всероссийское «ура!»
Ты — во всем царю ответ;
Лучшей песни в мире нет.
Исполин, царю послушный
Всё сомкнул в своем «ура!»

Это — пыл любви живой,
Сильной, вечной и святой
К коронованным главам;
Это — страх, гроза врагам;
Это — посвист богатырский —
Вот что русское «ура!»

Июль 1837

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ

Соловьем залетным
Юность пролетела,
Волной в непогоду
Радость прошумела.

Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
С телом износилась.

От кручины-думы
В сердце кровь застыла;
Что любил, как душу, —
И то изменило.

Как былинку, ветер
Молодца шатает;
Зима лицо знобит,
Солнце сожигает.

До поры, до время
Всем я весь изжился;
И кафтан мой синий
С плеч долой свалился!

Без любви, без счастья
По миру скитаюсь:
Разойдусь с бедою —
С горем повстречаюсь!

На крутой горе
Рос зеленый дуб,
Под горой теперь
Он лежит, гниет...

4 августа 1837

ДВА ПРОЩАНИЯ

«Так ты, моя
Красавица,
Лишилась вдруг
Двух мóлодцев.
Скажи же мне,
Как с первым ты
Рассталася —
Прощалася?» —
«Рассталась с ним
Я весело;
Прощалася —
Смеялася...
А он ко мне,
Бедняжечка,
Припал на грудь
Головушкой;
И долго так
Лежал, молчал;
Смочил платок
Горючими...

— Ну, бог с тобой, —
Промолвил мне.

Схватил коня,
Поехал в путь,
В чужих краях
Коротать век». —

«И ты над ним
Смеялася?
Его слезам
Не верила?
Скажи ж теперь,
Мудреная,
Как ты с другим
Прощалася?» —

«Другой не то...
Не плакал он,
Но и теперь
Всё плачу я.
Ах, обнял он
Так холодно;
Так сухо речь
Повел со мной:
— Я еду, вишь,
Ненадолго;
Еще с тобой
Увидимся
И доволи
Наплачемся. —
По сердцу ли
Такой привет?
Махнул рукой,
Не кланяясь,
В мое лицо
Не смотрючи,
Пустил коня —
И был таков». —

«Кто ж памятней
Останется
Душе твоей,
Красавица?» —

«Мне первого,
Конечно, жаль;
Но я люблю
Последнего».

18 сентября 1837

ВОПРОС

(Дума)

Как ты можешь
Кликнуть солнцу:
«Слушай, солнце!
Стань, ни с места!
Чтоб ты в небе
Не ходило,
Чтоб на землю
Не светило!»

Стань на берег,
Глянь на море:
Что ты можешь
Сделать морю,
Чтоб вода в нем
Охладела,
Чтобы камнем
Затвердела?
Какой силой
Богатырской
Шар вселенной
Остановишь,
Чтоб не шел он,
Не кружился?
Как же быть мне
В этом мире —
При движеньи —
Без желанья?
Что ж мне делать
С буйной волей,
С грешной мыслью,
С пылкой страстью?

В эту глыбу
Земляную
Сила неба
Жизнь вложила
И живет в ней,
Как царица!
С колыбели —
До могилы
Дух с землею
Ведут брани:
Земь не хочет
Быть рабою —
И нет мочи
Скинуть бремя;
Духу ж неба
Невозможно
С этой глыбой
Породниться...
Много ль время
Пролетело?
Много ль время
Есть вперéди?
Когда будет
Конец брани?
За кем поле?
Бог их знает!
В этой сказке
Цель сокрыта;
В моем толке
Смыслу нету,
Чтоб провидеть
Дела божьи...

За могилой
Речь безмолвна;
Вечной тьмою
Даль одета...
Буду ль жить я
В бездне моря?
Буду ль жить я
В дальнем небе?

Буду ль помнить,
Где был прежде?
Что я думал
Человеком?..

Иль за гробом
Всё забуду,
Смысл и память
Потеряю?..
Что ж со мною
Тогда будет,
Творец мира,
Царь природы?..

20 сентября 1837

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ МУДРОСТЬ

(Дума)

Что ты значишь в этом мире,
Дух премудрый человека?
Как ты можешь кликнуть солнцу:
«Слушай, солнце! Стань, ни с места!
Чтоб ты в небе не ходило!
Чтоб на землю не светило!»
Выдь на берег, глянь на море —
Что ты можешь сделать морю,
Чтоб вода в нем охладела,
Чтобы камнем затвердела?
Чем, какою тайной силой
Шар вселенной остановишь,
Чтоб не шел он, не кружился?..
Перестрой же всю природу!
Мир прекрасен... Ты не хочешь...
Нет, премудрый, ты не можешь!
Да, не можешь, раб пространства,
Лет и времени невольник.
Будь ты бездна сил, идей,
Сам собой наполни небо,
Будь ты *всё*, один и всюду,
Будь ты бог — и слово-дело!..
Но когда уж это *всё*,

Бесконечно и одно,
Есть пред нами в ризе света, —
То другой уж власти нет...
Всё, что есть, — всё это божье;
И премудрость наша — божья.

20 сентября 1837

БОЖИЙ МИР

(Дума)

Отец света — вечность;
Сын вечности — сила;
Дух силы есть жизнь;
Мир жизнью кипит.
Везде триединый,
Воззвавший всё к жизни!
Нет века ему,
Нет места ему!
С величества трона,
С престола чудес
Божий образ — солнце
К нам с неба глядит
И днем поверяет
Всемирную жизнь.
В другом месте неба
Оно отразилось —
И месяцем землю
Всю ночь сторожит.
Тьма, на лоне ночи
И живой прохлады,
Все стихии мира
Сном благословляет.
Свет дает им силу,
Возрождает душу.
В царстве божьей воли,
В переливах жизни —
Нет бессильной смерти,
Нет бездушной жизни!

1837
Воронеж

ПОРА ЛЮБВИ

Весною степь зеленая
Цветами вся разубрана,
Вся птичками летучими —
Певучими полным-полна;
Поют они и день и ночь.
То песенки чудесные!
Их слушает красавица
И смысла в них не ведает,
В душе своей не чувствует,
Что песни те волшебные:
В них сила есть любовная;
Любовь — огонь; с огня — пожар. . .
Не слушай их, красавица!
Пока твой сон — сон девичий —
Спокоен, тих до утра дня;
Как раз беду наслушаешь:
В цвету краса загубится,
Лицо твое румяное
Скорей платка износится.

Стоит она, задумалась,
Дыханьем чар овеяна;
Запала в грудь любовь-тоска,
Нейдет с души тяжелый вздох;
Грудь белая волнуется,
Что реченька глубокая —
Песку со дна не выкинет;
В лице огонь, в глазах туман. . .
Смеркает степь; горит заря. . .

Весной в реке, при месяце,
Поит коня детинушка;
Сам думает он думушку
Про девицу заветную:
«Четвертый год, как я люблю
Меньшую дочь соседскую. . .
Пойдешь за ней на улицу,
Затеешь речь сторонкою —
Так нет, куда! сидит, молчит. . .
Пошлешь к отцу посвататься —

Седой старик спесивится:
— Нельзя никак — жди череда.

Болит моя головушка,
Щемит в груди ретивое,
Печаль моя всесветная,
Пришла беда незваная;
Как с плеч свалить? — не знаю сам.
И сила есть — да воли нет;
Наружи клад — да взять нельзя,
Заклял его обычай наш;
Ходи, гляди, да мучайся,
Толкуй с башкой порожнею...

Возьму ж я ржи две четверти,
Поеду ж я на мельницу;
Про мельника слух носится,
Что мастер он присушивать.
Скажу ему: Иван Кузьмич!
К тебе нужда есть кровная:
Возьми с меня, что хочешь ты,
Лишь сделай мне по-своему».

В селе весной, при месяце,
Спокойно спит крещеный мир;
Вдоль улицы наш молодец
Идет сам-друг с соседкою,
Промеж себя ведут они
О чем-то речь хорошую.
Дает он ей с руки кольцо —
У ней берет себе в обмен;
А не был он на мельнице,
Иван Кузьмич не грешен тут.

Ах, степь ты, степь зеленая,
Вы, пташечки певучие,
Разнежили вы девицу,
Отбили хлеб у мельника.
У вас весной присуха есть
Сильней присух нашептанных...

1837

ЛЕС

Посвящено памяти А. С. Пушкина

Что, дремучий лес,
Призадумался,
Грустью темною
Затуманился?

Что, Бова-силач
Заколдованный,
С непокрытою
Головой в бою

Ты стоишь — поник,
И не ратуешь
С мимолетною
Тучей-бурею.

Густолиственный
Твой зеленый шлем
Буйный вихрь сорвал —
И развеял в прах.

Плащ упал к ногам
И рассыпался...
Ты стоишь — поник,
И не ратуешь.

Где ж девалася
Речь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя ль, было́,
В ночь безмолвную
Заливная песнь
Соловьиная...

У тебя ль, было́,
Дни — роскошество, —
Друг и недруг твой
Прохлаждаются...

У тебя ль, было́,
Поздно вечером
Грозно с бурею
Разговор пойдет;

Распахнет она
Тучу черную,
Обоймет тебя
Ветром-холодом.

И ты молвишь ей
Шумным голосом:
«Вороти назад!
Держи около!»

Закружит она,
Разыграется...
Дрогнет грудь твоя,
Зашатаешься;

Встрепенувшися,
Разбушуешься:
Только свист кругом,
Голоса и гул...

Буря всплачется
Лешим, ведьмою
И несет свои
Тучи за море.

Где ж теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернел ты весь,
Затуманился...

Одичал, замолк...
Только в непогодь
Воешь жалобу
На безвременье.

Так-то, темный лес,
Богатырь Бова!
Ты всю жизнь свою
Маял битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Так дорезала
Осень черная.

Знать, во время сна
К безоружному
Силы вражие
Понахлынули.

С богатырских плеч
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломинкой...

1837

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА

С радости-веселья
Хмелем кудри вьются;
Ни с какой заботы
Они не секутся.

Их не гребень чешет —
Золотая доля,
Завивает в кольцы
Молодецка удаль.

Не родись богатым,
А родись кудрявым:
По щучьему веленью
Всё тебе готово.

Чего душа хочет —
Из земли родится;
Со всех сторон прибыль
Ползет и валится.

Что шутя задумал —
Пошла шутка в дело;
А тряхнул кудрями —
В один миг поспело.

Не возьмут где лоском,
Возьмут кудри силой;
И что худо — смотришь,
По воде поплыло!

Любо жить на свете
Молодцу с кудрями,
Весело на белом
С черными бровями.

Вовремя да в пору
Медом речи льются;
И с утра до ночи
Песенки поются.

Про те речи-песни
Девушки все знают;
И о кудрях зиму
Ночь не спят, гадают.

Честь и слава кудрям!
Пусть их волос вьется;
С ними всё на свете
Ловко удается!

Не под шапку горе
Голове кудрявой!
Разливайтесь, песни!
Ходи, парень, браво!

1837

ВТОРАЯ ПЕСНЯ ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА

В золотое время
Хмелем кудри вьются;
С горести-печали
Русые секутся.

Ах, секутся кудри!
Любит их забота;
Полюбит забота —
Не чешет и гребень.

Не родись в сорочке,
Не родись таланлив —
Родись терпеливым
И на всё готовым.

Век прожить — не поле
Пройти за сохою;
Кручину, что тучу,
Не уносит ветром.

Зла беда — не буря —
Горами качает,
Ходит невидимкой,
Губит без разбору.

От ее напасти
Не уйти на лыжах;
В чистом поле найдет,
В темном лесе сыщет.

Чуешь только сердцем:
Придет, сядет рядом,
Об руку с тобою
Пойдет и поедет. . .

И щемит и ноет,
Болит ретивое —
Всё — из рук вон плохо,
Нет ни в чем удачи.

То — скосило градом,
То́ — сняло пожаром...
Чист кругом и легок;
Никому не нужен...

К старикам на сходку
Выйти приневолят, —
Старые лаптишки
Без онуч обуешь;

Кафтанишка рваный
На плечи натянешь;
Бороду вскосматишь,
Шапку нахлобучишь...

Тихомолком станешь
За чужие плечи...
Пусть не видят люди
Прожитова счастья.

1837

ДВЕ ЖИЗНИ

(Дума)

Две жизни в мире есть.
Одна светла, горит она, как солнце;
В ее очах небесный тихий день;
В сиянии — святая мысль и чувство;
Ее живая сила так роскошно
Звучит свободной и разумной речью.
И это — жизнь земнова духа;
Долга она, как божья вечность...

Другая жизнь темна;
В ее очах — земная грусть и ночь;
И спит она сном крепким и мятежным,
Таится мысль в ее цветистых формах,
Но не звучит свободной речью;
Наклоннее во тьме она к молчанью.
И это — жизнь земнова праха;
Кратка она, как блеск звезды падучей...

1837

ЦАРСТВО МЫСЛИ

(Дума)

Горит огнем и вечной мыслью солнце;
Осенены всё той же тайной думой,
Блистают звезды в беспредельном небе;
И одинокий, молчаливый месяц
Глядит на нашу землю светлым оком.
В тьме ночи возникает мысль созданья;
Во свете дня она уже одета,
И крепнет в веяньи живой прохлады,
И спеет в неге теплоты и зноя.
Повсюду мысль одна, одна идея,
Она живет и в пепле и в пожаре;
Она и там — в огне, в раскатах грома;
В сокрытой тьме бездонной глубины;
И там, в безмолвии лесов дремучих;
В прозрачном и пловучем царстве вод глубоких,
В их зеркале и в шумной битве волн;
И в тишине безмолвного кладбища;
На высях гор безлюдных и пустынных;
В печальном завываньи бурь и ветра;
В глубоком сне недвижимого камня;
В дыхании былинки молчаливой;
В полете к облаку орлиных крылий;
В судьбе народов, царств, ума и чувства, всюду —
Она одна, царица бытия!

1837

ИЗМЕНА СУЖЕНОЙ

(Русская песня)

Жарко в небе солнце летнее,
Да не греет меня, молодца;
Сердце замерло от холода,
От измены моей суженой.

Пала грусть-тоска тяжелая
На кручинную головушку;
Мучит душу мука смертная,
Вон из тела душа просится.

Я пошел к людям за помочью, —
Люди с смехом отвернулися;
На могилу к отцу, матери, —
Не встают они на голос мой.

Замутился свет в глазах моих,
Я упал в траву без памяти...
В ночь глухую буря страшная
На могиле подняла меня...

В ночь, под бурей, я коня седлал;
Без дороги в путь отправился —
Горе мыкать, жизнью тешиться,
С злою долей переведаться...

20 января 1838
Москва

К МИЛОЙ

Давно расстались мы с тобою.
Быть может, ты теперь не та;
Быть может, уж другой
Тебя от сладкого забвенья
Для но́вой жизни пробудил,
И в тех же снах другие сновиденья,
Роскошнее моих, твою лелеют душу.
Хорош ли он? Вполне ли заменил
Огонь любви моей могучей,
И силу страстного лобзанья,
И наслажденья без конца?
Что, если он своею волей
Сумел любовь пересоздать
И на разрушенных обломках
Построил мир другой —
Подобье дня под небесами?
И в этот мир волшебной силой
Прелестные мечты без образов собрал,
Кругом тебя рассыпал,
Преобразил в живые лица,
Святой любовью прояснил

И власть тебе он дал
Их бесконечно ощущать?..
Ах, если так, то ты счастлива!
Среди духов небесных
Нет духа счастливей тебя!..
Что ж я? — ненужное созданье?
Приди ко мне, моя богиня,
Во время сна, в покровах ночи,
Возьми к себе, в его прекрасный мир,
И с ним в одно созданье слей!

1 февраля 1838
Москва

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Ах, зачем меня
Силой выдали
За немилова —
Мужа старова.

Небось весело
Теперь матушке
Утирать мои
Слезы горькие;

Небось весело
Глядеть батюшке
На житье-бытье
Горемышное!

Небось сердце в них
Разрывается,
Как приду одна
На великий день;

От дружка дары
Принесу с собой:
На лице — печаль,
На душе — тоску.

Поздно, родные,
Обвинять судьбу,
Ворожить, гадать,
Сулить радости!

Пусть из-за моря
Корабли плывут;
Пущай золото
На пол сыпится;

Не расти траве
После осени;
Не цвести цветам
Зимой по снегу!

5 апреля 1838
Москва

ПОСЛЕДНИЙ ПОЦЕЛУЙ

Обойми, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз — поскорей —
Поцелуй горячей.
Что печально глядишь?
Что на сердце таишь?
Не тоскуй, не горюй,
Из очей слез не лей;
Мне не надобно их,
Мне не нужно тоски...
Не на смерть я иду,
Не хоронишь меня.
На полгода всего
Мы расстаться должны;
Есть за Волгой село
На крутом берегу:
Там отец мой живет,
Там родимая мать
Сына в гости зовет;
Я поеду к отцу,
Поклонюся родной

И согласье возьму
Обвенчаться с тобой.
Мучит душу мою
Твой печальный убор,
Для чего ты в него
Нарядила себя?
Разрядись: уберись
В свой наряд голубой
И на плечи накинь
Шаль с каймой расписной;
Пусть пылает лицо,
Как поутру заря,
Пусть сияет любовь
На устах у тебя;
Как мне мило теперь
Любоваться тобой!
Как весна, хороша
Ты, невеста моя!
Обойми ж, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз — поскорей —
Поцелуй горячей!

12 апреля 1838
Москва

ДЕРЕВЕНСКАЯ БЕДА

На селе своем жил молодец,
Ничего не знал, не ведывал,
Со друзьями гулял, бражничал,
По всему селу роскошничал.

В день воскресный, с утра до ночи,
В хороводе песни игрывал;
Вместе с девицей-красавицей
Пляски новые выдумывал.

Полюбил я эту девушку:
Что душою — больше разумом,
Больше поступью павлиною,
Да что речью соловьиною...

Как, бывало, летом с улицы
Мы пойдем с ней рука об руку
До двора ее богатова,
До крыльца ее высокова.

Да как гляну, против зорюшки,
На ее глаза — бровь черную,
На ее лицо — грудь белую,
Всю монистами покрытую, —

Альни пот с лица посыпится,
Альни в грудь душа застукает,
Месяц в облака закроется,
Звезды мелкие попрячутся...

На погибель мою староста
За сынка вперед посватался;
И его казна несметная
Повернула всё по-своему.

Тошно, грустно было на сердце,
Как из церкви мою милую
При народе взял он за руку,
С похвальбою поклонился мне.

Тошно, грустно было на сердце,
Как он с нею вдоль по улице
Что есть духу поскакал — злодей! —
К своему двору широкому.

Я стоял, глядел, задумался;
Снявши шапку, хватил об землю.
И пошел себе загуменьем —
Под его окошки красные.

Там огни горят; там девушки
Поют песни, там товарищи
Пьют, играют, забавляются,
С молодыми все целуются.

Вот приходит полночь мертвая,
Разошлися гости пьяные,
Добры молодцы разъехались,
И ворота затворилися...

В эту пору для приятеля
Заварил я брагу хмельную,
Заиграл я свадьбу новую,
Что беседу небывалую;

Аньни дым пошел под облаки,
Аньни пламя закрутилося,
По соседям — через улицу —
На мою избушку бросилось.

Где стоял его богатый дом,
Где была избушка бедная, —
Утром всё с землей сровнялося —
Только уголья чернелися...

С той поры я с горем-нуждою
По чужим углам скитаюся,
За дневной кусок работаю,
Кровным потом умываюся...

14 мая 1838
Москва

ПРИМИРЕНИЕ

На пир сердечных наслаждений,
На светлый пир любви младой
С судьбою грозной злые люди
Напали буйною толпой.
И я, в безумном исступленьи,
Из мира девственной любви
К моим врагам на праздник шумный
С челом открытым гордо вышел,
На злобу — злобой ополчился;
И на беду — с бедой пошел;
Против людей я грудью стал,
На смертный бой судьбу я вызвал!

И где ж она?.. где злые люди?..
Где сила их, оружье, власть?..
Их зло на них же обратилось;
И всё кругом меня безмолвно
В одно мгновенье покорилось;
А я стоял, глядел на небо —
И улыбнулось небо мне...
Не небо — нет! Ее прекрасный,
Приветный взор я встретил там...

Теперь, лукавый соблазнитель,
Ты, демон гибнущей души,
Оставь меня. Ни прелестью порока,
Ни буйной страстью грешных наслаждений
Не увлечешь меня ты больше;
Не для тебя — для ней одной
Я жизнью пламенной живу.
И вот уж нет пространства между нами;
И вот уж нет в пространстве пустоты;
Она и я — различные два мира —
В одну гармонию слились,
Одною жизнию живем!
Но что за грустные сомненья
Порой еще мою волнуют грудь?
Ужель, души моей надежды,
Есть за могилой вам конец?
Ужель все истины на свете —
Одна лишь выдумка ума?
Ужель и ты, святая вера чувств,
Людских страстей пустая тень?..
Нет, нет! не для того на небе солнце ходит,
Чтоб белый день покрылся тьмой...

20 июня 1838
Москва

МИР МУЗЫКИ

В стройных звуках льются песни
Гармонической волной;
По душе волшебно ходят
И проходят с быстротой.

Полечу я вслед за ними;
Погружуся в них душой;
В очарованном забвеньи
Позабуду мир земной.

Сколько звуков, сколько песен
Раздалося вновь во мне!
Сколько образов чудесных
Оживилось в вышине!

Между них она, младая,
Заблистала красотой!
Чистой пламенной любовью
Озарился мир земной...

Улетайте ж в небо звуки,
Сокрывайтеся вдали!
Здесь я с нею, здесь я счастлив,
Любо жить мне на земле!

20 июня 1838
Москва, вечер музыкальный у Боткина

РУССКАЯ ПЕСНЯ

В поле ветер веет,
Травку колыхает,
Путь, мою дорогу
Пылью покрывает.

Выходи ж ты, туча,
С страшною грозою,
Обойми свет белый,
Закрой темнотою.

Молодец удалый
Соловьем засвищет!
Без пути — без света
Свою долю сыщет.

Что ему дорога!
Тучи громовые!

Как придут по сердцу —
Очи голубые!

Что ему на свете
Доля нелюдская,
Когда его любит —
Она, молодая!

10 июля, утро, 12 часов, 1838
Москва

ПОСЛЕДНЯЯ БОРЬБА

Надо мною буря выла,
Гром по небу грохотал,
Слабый ум судьба страшила,
Холод в душу проникал.

Но не пал я от страданья,
Гордо выдержал удар,
Сохранил в душе желанья,
В теле — силу, в сердце — жар!

Что погибель! что спасенье!
Будь что будет — всё равно!
На святое провиденье
Положился я давно!

В этой вере нет сомненья,
Ею жизнь моя полна!
Бесконечно в ней стремленье!..
В ней покой и тишина...

Не грози ж ты мне бедою,
Не зови, судьба, на бой:
Готов биться я с тобою,
Но не сладишь ты со мной!

У меня в душе есть сила,
У меня есть в сердце кровь,
Под крестом — моя могила;
На кресте — моя любовь!

20 сентября 1838

СТЕНЬКА РАЗИН

(Памяти друга, А. П. Сребрянского)

Не страшна мне, добру молодцу,
Волга-матушка широкая,
Леса темные, дремучие,
Вьюги зимние — крещенские...

Уж как было: по темным лесам
Пировал я зимы круглые;
По чужим краям, на свой талан,
Погулял я, поохотился.

А по Волге, моей матушке,
По родимой, по кормилице,
Вместе с братьями за добычью
На край света летал соколом.

Но не Волга, леса темные,
Вьюги зимние — крещенские
Погубили мою голову,
Сокрушили мочь железную...

В некрещеном, славном городе,
На крутом, высоком острове
Живет девушка-красавица,
Дочка гостя новгородскова...

Она в тереме, что зорюшка,
Под окном сидит растворенным,
Поет песни задушевные,
Наши братские-отцовские.

«Ах, душа ль моя ты, душенька!
Что сидишь ты? Что ты думаешь?
Али речь моя не по сердцу?
Али батюшка спесивится?..

Не сиди, не плачь; ты кинь отца;
Ты беги ко мне из терема;
Мы с тобою, птицы вольные,
Жить поедем в Москву красную».

Отвечает ему девица:
«За любовь твою, мой милой друг,
Рада кинуть отца с матерью;
Но боюсь суда я страшнова!»

Забушуй же, непогодушка,
Разгуляйся, Волга-матушка!
Ты возьми мою кручинушку,
Размечи волной по бережку...

15 октября 1838

БЕДНЫЙ ПРИЗРАК

Убил я жизнь, искавши счастья,
Сгубил себя — а счастья нет;
Пойду к друзьям на пир старинный,
И заживу я с ними вновь.
«Против меня восстали люди;
Судьба карает день и ночь;
На свете жить несносно, горько;
Страдальцу дайте отдохнуть».
Ответа нет. Друзья-счастливцы
На бедность холодно глядят;
Со мною встречи избегают
И «нету дома» говорят.
Как будто я, недобрый гость,
Пришел богатство их присвоить;
Печалью радость отравить;
Свое им горе навязать.
И вот дожил на старость лет,
Что не с кем слова перемолвить;
Сердечной скуки разделить,
Кому б «ночь добрую» сказать.
О ночь! приди хоть ты... Но с этой мыслью
Вся повесть прежних дней
Из глубины души выходит
И тенью страшною стоит.
И грустно мне смотреть
Весной на луг зеленый,
На плод любимых яблонь
И на пожатый колос нив...

20 октября 1838

БЕГСТВО

Уж как гляну я на поле —
Поле чистое дрогнёт,
Нагустит свои туманы,
В них оденется на ночь.

Я из поля в лес дремучий:
Леший по лесу шумит;
Про любовь свою к русалке
С быстрой речкой говорит.

Крикну лесу, топну в берег —
Леший за горы уйдет;
С тихим трепетом русалка
В берегах своих уснет.

Я чрез реку, огородом,
Всю слободку обойду,
С темной полночью глухою
К дому барскому приду.

Свистну... в тереме высоком
Вмиг растворится окно;
Под окном душа-девица
Дожидается давно.

«Скучно в тереме весною
Одинокой горевать;
То ли дело на просторе
Друга к сердцу прижимать!»

Поднимайся, туча-буря
С полуночною грозой!
Зашатайся, лес дремучий,
Страшным голосом завой —

Чтоб погони злой боярин
Вслед за нами не послал;
Чтоб я с милою до света
На Украйну прискакал.

Там всего у нас довольно;
Есть где будет отдохнуть.
От боярина сокроют,
Хату славную дадут.

Будем жить с тобой по-пански...
Эти люди — нам друзья;
Что душе твоей угодно,
Всё добуду с ними я!

Будут платья дорогие,
Ожерелья с жемчугом!
Наряжайся, одевайся
Хоть парчою с серебром!

31 декабря 1838

ТОВАРИЩУ

Что ты ходишь с нуждой
По чужим по людям;
Веруй силам души
Да могучим плечам.

На заботы ж свои
Чуть заря поднимись,
И один во весь день
Что есть мочи трудись.

Неудача, беда? —
С грустью дома сиди;
А с зарею опять
К новым нуждам иди.

И так бейся, пока
Случай счастье найдет
И на славу твою
Жить с тобою начнет.

Та же сила тогда
Другой голос возьмет:
И чудно и смешно,
Всех к тебе прикует.

И те ж люди-враги,
Что чуждались тебя,
Бог уж ведает как,
Назовутся в друзья.

Ты не сердись на них;
Но спокойно, в тиши,
Жизнь горою пируй
По желаньям души.

1838 (?)

Я ДОМА

Опять в глуши, опять досуг
Страдать и телом и душою,
И одиночества недуг
Кормить привязчивой тоскою.
Ох, этот корм! Как горек он!
С него душа не пополнеет,
Не вспыхнет кровь, а смертный сон
Скорей крылом на жизнь повеет!
Но я, в укор моей судьбе,
Судьбе, враждующей со мною,
Томясь с злосчастием в борьбе,
Не отравлен еще тоскою.
Еще я верю, что минет
Година горьких испытаний
И снова солнышко взойдет
И сгонит с сердца мглу страданий!
Что нужды, если срок уйдет, —
Жизнь на закате рассветлеет;
Нас в полдень солнце очень жжет,
А под вечер отрадно греет.

5 января 1839

ПЕРЕД ОБРАЗОМ СПАСИТЕЛЯ

Пред тобою, мой бог,
Я свечу погасил,
Премудрую книгу
Пред тобою закрыл.

Твой небесный огонь
Негасимо горит;
Бесконечный твой мир
Пред очами раскрыт;

Я с любовью к тебе
Погружаюся в нем;
Со слезами стою
Перед светлым лицом.

И напрасно весь мир
На тебя восставал,
И напрасно на смерть
Он тебя осуждал:

На кресте, под венцом,
И спокоен, и тих,
До конца ты молил
За злодеев своих.

20 февраля 1839

ПУТЬ

Путь широкий давно
Предо мною лежит;
Да нельзя мне по нем
Ни летать, ни ходить...

Кто же держит меня?
И что кинуть мне жаль?
И зачем до сих пор
Не стремлюся я в даль?

Или доля моя
Сиротой родилась!
Иль со счастьем слепым
Без ума разошлась!

По летам и кудрям
Не старик еще я:
Много дум в голове,
Много в сердце огня!

Много слуг и казны
Под замками лежит;
И лихой вороной
Уж оседлан стоит.

Да на путь — по душе —
Крепкой воли мне нет,
Чтоб в чужой стороне
На людей поглядеть;

Чтоб порой пред бедой
За себя постоять;
Под грозой роковой
Назад шагу не дать;

И чтоб с горем в пиру
Быть с веселым лицом;
На погибель идти —
Песни петь соловьем!

10 марта 1839

ГОРЕ

Ах ты, горе, горе,
Горе горькое!
Где ты сеяно,
Да где выросло?
Во сыпучих ли
Песках,
Во дремучих ли
Лесах Муромских?
Кто тебя вспоил,
Да кто выкормил,
Да кто в свет пустил
Тебя, горюшко
Горемышное,
Ко чужим людям
Горе мыкати?
И зачем ты к нам
В гости, горюшко,
Появляешься,

Нежеланное
И незваное?
Отравишь стопу
Пировую всю
И уйдешь опять,
Как ночная тать,
Невидимкою,
И весь пир — не в пир,
И вся жизнь — не в жизнь...
Пропадало б ты,
Горе горькое,
Где родилося
Да где выросло;

Зачем по свету
Бродить целому
И быть гостьею
Всем нерадостной?

4 мая 1839
Воронеж

ПЕСНЯ

В непогоду ветер
Воет, завывает;
Буйную головку
Злая грусть терзает.

Горемышной доле
Нет нигде привета:
До седых волос любовью
Душа не согрета.

Нету сил; устал я
С этим горем биться,
А на свет посмотришь —
Жалко с ним проститься!

Доля ж, моя доля!
Где ты запропала?
До поры до время
Камнем в воду пала?

Поднимись — что силы
Размахни крылами:
Может, наша радость
Живет за горами.

Если нет, у моря
Сядем да дождемся;
Без любви и с горем
Жизнью наживемся!

5 августа 1839

ТОСКА ПО ВОЛЕ

Загрустила, запечалилась
Моя буйная головушка;
Ясны очи — соколиные —
Не хотят смотреть на белый свет.

Тяжело жить дома с бедностью;
Даром хлеб сбирать под окнами;
Тяжелей того в чужих людях
Быть в неволе — в одиночестве.

Дни проходят здесь без солнушка;
Ночи темные — без месяца;
Бури страшные, громовые,
Удалой души не радуют.

Где ж друзья мои — товарищи?
Куда делись? разлетелися?
Иль не хочут дать мне помочи?
Или голос мой разносит ветр?

Знать, забыли время прежнее —
Как, бывало, в полночь мертвую
Крикну, свистну им из-за леса:
Альни темный лес шелохнется...

И они, мои товарищи,
Соколья, орлы могучие,
Все в один круг собираются,
Погулять ночь — пороскошничать.

А теперь, как крылья быстрые
Судьба злая мне подрезала,
И друзья, мои товарищи,
Одного меня все кинули...

Гой ты, сила пододонная!
От тебя я службы требую —
Дай мне волю, волю прежнюю!
А душой тебе я кланяюсь...

2 сентября 1839

ХУТОРОК

За рекой, на горе,
Лес зеленый шумит;
Под горой, за рекой,
Хуторочек стоит.

В том лесу соловей
Громко песни поет;
Молодая вдова
В хуторочке живет.

В эту ночь-полуночь
Удалой молодец
Хотел быть, навестить
Молодую вдову...

На реке рыболов
Поздно рыбу ловил;
Погулять, ночевать
В хуторочек приплыл.

«Рыболов мой, душа!
Не ночуй у меня:
Свекор дома сидит, —
Он не любит тебя...

Не сердися, плыви
В свой рыбачий курень;
Завтра ж, друг мой, с тобой
Гулять рада весь день». —

напечатано въ Отечественныхъ Запискахъ (изданiи Краевскаго) № 11. ноября 1840.

Хуторокъ.

~~(русская баллада)~~

=

За рѣкой, на горѣ,
лѣсъ зеленый шумитъ;
подъ горой, за рѣкой,
хуторочекъ стоитъ,

въ томъ лѣсу соловей
громко пѣсни поетъ;
молодая вдова
въ хуторочкѣ живетъ.

въ эту ночь въ полуночь,
удалой молодецъ,
хотѣлъ быть, навѣстить
молодую вдову... п

На рѣкѣ рыболовъ
поздно рыбу ловилъ:
погулять, ночевать
въ хуторочекъ приплылъ.

«Сильный ветер подул...
А ночь будет темна!..
Лучше здесь, на реке,
Я просплю до утра».

Опознился купец
На дороге большой;
Он свернул ночевать
Ко вдове молодой.

«Милый купчик-душа!
Чем тебя мне принять...
Не топила избы,
Нету сена, овса.

Лучше к куму в село
Поскорее ступай;
Только завтра, смотри,
Погостить заезжай!» —

«До села далеко;
Конь устал мой совсем;
Есть свой корм у меня, —
Не печалься о нем.

Я вчера в городке
Долго был — всё купил;
Вот подарок тебе,
Что давно посулил». —

«Не хочу я его!..
Боль головушку всю
Разломила насмерть;
Ступай к куму в село». —

«Эта боль — пустяки!..
Средство есть у меня:
Слова два — заживет
Вся головка твоя».

Засветился огонь,
Закурилась изба;

Для гостей дорогих
Стол готовит вдова.

За столом с рыбаком
Уж гуляет купец...
(А в окошко глядит
Удалой молодец)...

«Ты, рыбак, пей вино!
Мне с сестрой наливай!
Если мастер плясать —
Петь мы песни давай!

Я с людями люблю
По-приятельски жить;
Ваше дело — поймать,
Наше дело — купить...

Так со мною, прошу,
Без чинов — по рукам;
Одну басню твержу
Я всем добрым людям:

Горе есть — не горюй,
Дело есть — работа́й;
А под случай попал —
На здоровье гуляй!»

И пошел с рыбаком
Купец песни играть,
Молодую вдову
Обнимать, целовать.

Не стерпел удалой,
Загорелась душа!
И — как глазом моргнуть —
Растворилась изба...

И с тех пор в хуторке
Никого не живет;
Лишь один соловей
Громко песню поет...

5 сентября 1839

К***

Ты в путь иной отправилась одна,
И для преступных наслаждений,
Для сладострастья без любви
Других любимцев избрала...
Ну что ж — далеко ль этот путь пройден?

Какие впечатленья
В твоей душе оставил он?
Из всей толпы избранников твоих
С тобой остался ль хоть один,
И для спасенья твоего
Готов ли жертвовать собой?
Где ж он? Дай мне его обнять,
Обоих вас благословить
На бесконечный жизни путь!
Но ты одна, — над страшной бездной
Одна, несчастная, стоишь!
В безумном исступленьи
Врагов на помощь ты зовешь
И с безнадежною тоскою
На гибель верную идешь.
Дай руку мне: еще есть время
Тебя от гибели спасти...
Как холодна твоя рука!
Как тяжело нам проходить
Перед язвительной толпой!
Но я решился, я пойду,
И до конца тебя не брошу,
И вновь я выведу тебя
Из бездны страшного греха...
И вновь ты будешь у меня
На прежнем небе ликовать
И трудный путь судьбы моей
Звездою светлой озарять!..

10 сентября 1839

* * *

Не разливай волшебных звуков!
Не уноси ты в свой прекрасный мир!
Твоя душа — как божий ангел!
Вся жизнь твоя — как светлый день!

Ты можешь силой дивной песни
Созвать невидимых духо́в:
Они всю прелесть чудной жизни
В твоих виденьях разольют;

Мятежный мир в мечтах сокроют,
С печалью радость съединят;
Коснется ль грусть — на душу снидет
Всесильной жизни благодать!

А предо мной — лишь прошлых дней
Все образы страстей безумных
Из глубины души поднимут
Во всей их страшной наготе.

И если ты, мой милый друг,
Не озаришь меня своим сияньем,
Не дашь руки, «люблю» не скажешь,
Со мною вместе не пойдешь, —

Тогда погиб я навсегда!
Тогда, страдалец одинокий,
Ни для земли, ни для небес
Я не воскресну никогда!

15 сентября 1839

* * *

Что ты спишь, мужичок?
Ведь весна на дворе;
Ведь соседи твои
Работа́ют давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:

Что́ ты был? и что́ стал?
И что́ есть у тебя?

На гумне — ни снопа;
В закромах — ни зерна;
На дворе, по траве —
Хоть шаром покати.

Из клетей домовой
Сор метлою посмел;
И лошадок за долг
По соседям развел.

И под лавкой сундук
Опрокинут лежит;
И, погнувшись, изба,
Как старушка, стоит.

Вспомни время свое:
Как катилось оно
По полям и лугам
Золотою рекой!

Со двора и гумна
По дорожке большой
По селам, городам,
По торговым людям!

И как двери ему
Растворяли везде,
И в почетном угле
Было место твое!

А теперь под окном
Ты с нуждою сидишь
И весь день на печи
Без просыпу лежишь.

А в полях сиротой
Хлеб нескошен стоит.
Ветер точит зерно!
Птица клю́ет его!

Что ты спишь, мужичок?
Ведь уж лето прошло,
Ведь уж осень на двор
Через прясло глядит.

Вслед за нею зима
В теплой шубе идет,
Путь снежком порошит,
Под санями хрустит.

Все соседи на них
Хлеб везут, продают,
Собирают казну —
Бражку ковшиком пьют.

25 сентября 1839

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Говорил мне друг, прощаючись:
«Не грусти, не плачь ты попусту,
Не печаль лица ты белова,
Не гаси румянца алова.

Ты ведь знаешь, моя милая,
Что иду я не охотою:
Но судьба велит, нужда несет, —
Отец силой просит дома жить.

Я пойду, скажу: «Вот, батюшка,
Мой избыток весь — возьми себе;
Но в твоем дому родительском
Не жилец я, не кормилец твой!

Не держи ж, пусти, дай волюшку
Там опять мне жить, где хочется,
Без талана — где таланится,
Молодым кудрям счастливится...»

Говорил так друг, прощаючись,
А в душе его был замысел:
Не к отцу идти — в ином селе
Замуж взять вдову богатую...

Ну, господь с тобой, мой милый друг,
Я за твой обман не сержуся...
Хоть и женишься — раскаешься,
Ко мне, может быть, воротишься.

2 ноября 1839

ЛЕС

(Дума)

О чем шумит сосновый лес?
Какие в нем сокрыты думы?
Ужель в его холодном царстве
Затаена живая мысль?..

Коня скорей! Как сокол быстрый,
На нем весь лес изъезжу я.
Везде глубокий сон, шум ветра,
И дикая краса угрюмо спит...

Когда-нибудь его стихия
Рвалася землю всю покрыть,
Но, в сон невольно погрузившись,
В одном движении стоит.

Порой, во тьме пустынной ночи,
Былых веков живые тени
Из глубины его выходят —
И на людей наводят страх.

С приходом дня уходят тени,
Следов их нет; лишь на вершинах
Один туман, да в темной грусти
Ночь безрассветная лежит...

Какая ж тайна в диком лесе
Так безотчетно нас влечет,
В забвенье погружает душу
И мысли новые рождает в ней?..

Ужели в нас дух вечной жизни
Так бессознательно живет,
Что может лишь в пределах смерти
Свое величье сознавать?..

10 ноября 1839

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Без ума, без разума
Меня замуж выдали,
Золотой век девичий
Силой укоротали.

Для того ли молодость
Соблюдали, нежили,
За стеклом от солнушка
Красоту лелеяли,

Чтоб я век свой замужем
Горевала, плакала,
Без любви, без радости
Сокрушалась, мучилась?

Говорят родимые:
«Поживется — слюбится;
И по сердцу выберешь —
Да горчее придется».

Хорошо, состарившись,
Рассуждать, советывать
И с собою молодость
Без расчета сравнивать!

15 ноября 1839

ПОСЛАНИЕ

(В. Г. Белинскому)

Будь человек, терпи!
Тебе даны все силы,
Какими жизнь живет
И мир вселенной движет.

Не так природа-мать,
Но по закону воли
Свои дары здесь раздает
Для царства бытия!
Когда ж над ней есть воля, —
Без воли — миг — и что она? —
Так как же могут люди
Твоей душою управлять?..

Пущай они восстанут,
Против тебя пойдут,
В твою главу ударят
Всей силою земной, —
Не пяться, друг! стой прямо!
Главы пред ними не склоняй!
Но смело в бой неравный —
На битву божию ступай!
Не уничтожить им
Твоей могучей воли;

Пока в грудях дыханье —
До тех пор бейся с ними ты...
Громада гор земля —
Земля песчинка лишь одна;
И океан безбрежных вод —
Что капля утренней росы.
У духа жизни веса нет,
У воли духа нет границ,
Везде одна святая сила,
И часть ее есть сила та ж.
Одним лучом огонь небес
Осветит тьму, согреет лед,
Но тьма и холод в небе
Другова солнца не зажжет.

Зачем же долго медлить?
Другую мочь откуда ждать?
Когда с презреньем люди
Зовут тебя на брань,
Ступай во имя бога,
Воюй за правду, честь,
Умри на поле брани;

Но не беги с него назад,
И где война — там дело
Великой жизни бытия!
В ее борьбе — паденье смерти
И новой мысли торжество!

16 ноября 1839

ДУМА СОКОЛА

(В. П. Боткину)

Долго ль буду я
Сиднем дома жить,
Мою молодость
Ни за что губить?

Долго ль буду я
Под окном сидеть,
По дорожке вдаль
День и ночь глядеть?

Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Все заказаны?

Иль боится он
В чужих людях быть,
С судьбой-мачехой
Сам-собою жить?

Для чего ж на свет
Глядеть хочется,
Облететь его
Душа просится?

Иль зачем она,
Моя милая,
Здесь сидит со мной,
Слезы льет рекой;

От меня летит,
Песню мне поет;
Всё рукой манит!
Всё с собой зовет!

Нет, уж полно мне
Дома век сидеть,
По дорожке вдаль
День и ночь глядеть!

Со двора пойду,
Куда путь лежит,
А жить стану там,
Где уж бог велит!

15 января 1840

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Греет солнышко —
Да осенью;
Цветут цветики —
Да не в пору;

А весной была
Степь желтая,
Тучки плавали
Без дождика.

По ночам роса
Где падала,
Поутру трава
Там сохнула.

И всё пташечки,
Касаточки,
Пели грустно так
И жалобно, —

Что, их слушая,
Кровь стынула,
По душе лилась
Боль смертная.

Так прошла моя
Вся молодость —
Без любви-души,
Без радости.

12 февраля 1840

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Не скажу никому,
Отчего я весной
По полям и лугам
Не сбираю цветов.

Та весна далеко,
Те завяли цветы,
Из которых я с ним
Завивала венки!

И тех нет уж и дней,
Что летели стрелой,
Что любовью нас жгли,
Что палили огнем!

Всё прошло уж давно...
Не воротишь назад!
Для чего ж без него
Цветы стану я рвать?

Не скажу никому,
Отчего у меня
Тяжело на груди
Злая грусть налегла...

26 февраля 1840

ВОПЛЬ СТРАДАНИЙ

Напрасно я молю святое провиденье
Отвесть удар карающей судьбы,
Укрыть меня от бурь мятежной жизни
И облегчить тяжелый жребий мой;

Иль, слабому, ничтожному твореныо,
Дать силу мне, терпенье, веру,
Чтоб мог я равнодушно пережить
Земных страстей безумное волненье.

Пощады нет! Душевную молитву
Разносит ветр во тьме пустынной,
И вопли смертного страданья
Без отзыва в дали глубокой тонут.

Ужель во цвете лет, под тяжестью лишений,
Я должен пасть, не насладившись днем
Прекрасной жизни, досыта не упившись
Очаровательным дыханием весны?

6 марта 1840

БЛАГОДЕТЕЛЮ МОЕЙ РОДИНЫ

(Д. Н. Бегичеву)

Есть люди: меж людей они
Стоят на ступенях высоких,
Кругом их блеск, и слава
Далеко свой бросает свет;
Они ж с ходулей недоступных
С безумной глупостью глядят,
В страстях, пороках утопают,
И глупо так проводят век.
И люди мимо их смиренно
С лицом боязненным проходят,
Взглянуть на них боятся,
Колена гнут, целуют платья;
А в глубине души своей безмолвно
Плюют и презирают их.

Другие люди есть: они от бога
Поставлены на тех же ступенях;
И так же блеск, величье, слава
Кругом их свет бросают свой.
Но люди те — всю жизнь свою
Делам народа посвятили
И искренно, для пользы государства,

И день и ночь работают свой век...
Кругом же их с почтеньем люди
Колена гнут, снимают шапки,
Молитвы чистые творят...

О, много раз — несчастных, бедных
Вас окружала пестрая толпа.
Когда вы всем, по силе-мочи,
С любовью помогали им,
Тогда, с благоговеньем тайным,
Любил глядеть я молча,
Как чудно благодатным светом
Сияло ваше светлое лицо.

14 марта 1840

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Так и рвется душа
Из груди молодой!
Хочет воли она,
Просит жизни другой!

То ли дело — вдвоем
Над рекою сидеть,
На зеленую степь,
На цветочки глядеть!

То ли дело — вдвоем
Зимню ночь коротать,
Друга жаркой рукой
Ко груди прижимать;

Поутру, на заре,
Обнимать-провожать,
Вечерком у ворот
Его вновь поджидать!

1 апреля 1840

РАЗЛУКА

На заре туманной юности
Всей душой любил я милую;
Был у ней в глазах небесный свет,
На лице горел любви огонь.

Что пред ней ты, утро майское,
Ты, дубрава-мать зеленая,
Степь-трава — парча шелковая,
Заря-вечер, ночь-волшебница!

Хороши вы — когда нет ее,
Когда с ва́ми делишь грусть свою,
А при ней вас — хоть бы не было;
С ней зима — весна, ночь — ясный день!

Не забыть мне, как в последний раз
Я сказал ей: «Прости, милая!
Так, знать, бог велел — расстанемся,
Но когда-нибудь увидимся...»

Вмиг огнем лицо всё вспыхнуло,
Белым снегом перекрылося, —
И, рыдая, как безумная,
На груди моей повиснула.

«Не ходи, постой! дай время мне
Задушить грусть, печаль выплакать,
На тебя, на ясна сокола...»
Занялся дух — слово замерло...

21 мая 1840

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Не на радость, не на счастие,
Знать, с тобой мы, друг мой, встретились;
Знать, на горе горемычное
Так сжились мы, так слюбилися.

Жил один я, в одиночестве —
Холостая жизнь наскучила;
Полюбил тебя, безродную,
Полюбивши — весь измучился.

Где ты, время, где ты, времечко,
Как одно я только думывал:
Где ты, как с тобой увидеться,
Одним словом перемолвиться.

Тогда было — иду, еду ли,
Ты всегда со мной, с ума нейдешь;
На грудь полную ручкой белою
Ты во сне меня всю ночь зовешь...

А теперь другая думушка
Грызет сердце, крушит голову:
Как в чужом угле с тобой нам жить,
Как свою казну трудом нажить?

Но куда умом ни кинуся —
Мои мысли врозь расходятся,
Без следа вдали теряются,
Черной тучей покрываются...

Погубить себя? — не хочется!
Разойтиться? — нету волюшки!
Обмануть, своею бедностью
Красоту сгубить? — жаль до смерти!

12 июня 1840
Бобров

ПЕРЕПУТЬЕ

До чего ты, моя молодость,
Довела меня, домыкала,
Что уж шагу ступить некуда,
В свете белом стало тесно мне!

Что ж теперь с тобой, удалая,
Пригадаем мы, придумаем?

В чужих людях век домаять ли?
Сидя дома ли, состариться?

По людям ходить, за море плыть —
Надо кровь опять горячую,
Надо силу, силу прежнюю,
Надо волю безотменную.

А у нас с тобой давно их нет;
Мы, гуляя, всё потратили,
Молодую жизнь до времени
Как попало — так и прожили!

Сидеть дома, ботеть, стариться,
С стариком отцом вновь ссориться,
Работáть, с женой хозяйничать,
Ребятишкам сказки сказывать...

Хоть не так оно — не выгодно,
Но, положим, делать нечего:
В непогоду — не до плаванья,
За большим в нужде не гонятся...

Но вот тут скажи, как придется
По душе спросить, по совести:
Кто пойдет за нас? где будем жить?
Где избыток мой зарыт лежит?..

Куда глянешь — всюду наша степь;
На горах — леса, сады, дома;
На дне моря — груды золота;
Облака идут — наряд несут!..

11 июля 1840
Бобров

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Дуют ветры,
Ветры буйные,
Ходят тучи,
Тучи темные.

Не видать в них
Света белова;
Не видать в них
Солнца краснова.

Во сырой мгле,
За туманами,
Только ночка
Лишь чернеется...

В эту пору
Непогожую
Одному жить —
Сердцу холодно.

Грудь другую
Ему надобно:
Огонь-душу —
Красну девицу!

С ней зимою —
Лето теплое;
При бездольи —
Горе — нé горе!

14 августа 1840

ВОЕННАЯ ПЕСНЯ

(Посвящена князю П. А. Вяземскому)

Затрубили трубы бранные,
Собралася рать могучая,
Стала грудью против недруга —
За царя, за кров, за родину.

Ты прости теперь, отец и мать,
Ты прости теперь, мой милый друг,
Ты прости теперь, и степь и лес,
Дорогая жизнь, весь белый свет!

Гей, товарищ мой, железный штык!
Послужи ж ты мне по-старому:

Как служил ты при Суворове
Силачу-отцу, деду-воину.

Гей, сестра, ты сабля острая!
Попируем мы у недруга,
Погуляем, с ним потешимся,
Выпьем браги бусурманския!..

Уж когда мне, добру молодцу,
Присудил бог сложить голову, —
Не на землю ж я сложу ее!
А сложить сложу — на груду тел...

Труба бранная, военная!
Что молчишь? Труби, дай волю мне:
В груди сердце богатырское
Закипело, расходилося!

22 августа 1840

ВСЯКОМУ СВОЙ ТАЛАН

Как женился я, раскаялся;
Да уж поздно, делать нечего:
Обвенчавшись — не разженишься;
Наказал господь, так мучайся.

Хоть бы взял ее я силою,
Иль обманут был злой хитростью;
А то волей своей доброю,
Где задумал, там сосватался.

Было кроме много девушек,
И хороших и таланливых;
Да ни с чем взять — видишь, совестно
От своей родни, товарищей.

Вот и выбрал по их разуму,
По обычаю — как водится:
И с роднею, и с породою,
Именитую — почетную.

И живем с ней — только ссоримся,
Да роднею похваляемся;
Да проживши всё добро свое,
В долги стали неоплатные...

«Теперь придет время тесное:
Что нам делать, жена, надобно?» —
«Как, скажите, люди добрые,
Научу я мужа глупова?» —

«Ах, жена моя, боярыня!
Когда умной ты родилася,
Так зачем же мою голову
Ты сгубила, змея лютая?

Придет время, время грозное,
Кто поможет? куда денемся?» —
«Сам прожился мой безумный муж,
Да у бабы ума требует».

28 августа 1840

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Где вы, дни мои,
Дни весенние,
Ночи летние,
Благодатные?

Где ты, жизнь моя,
Радость милая!
Пылкой юности
Заря красная?

С какой гордостью
Я смотрел тогда
На туманную
Даль волшебную!

Там светился свет
Голубых очей;
Там мечтам моим
Конца не было!

Но, среди весны,
В цвете юности,
Я сгубил твою
Душу чистую...

Без тебя, один,
Я с тоской гляжу,
Как ночная тьма
Покрывает день...

3 декабря 1840
Москва

ПОЭТ

(Дума)

В душе человека
Возникают мысли,
Как в дали туманной
Небесные звезды...

Мир есть тайна бога,
Бог есть тайна жизни;
Целая природа —
В душе человека.

Проникнуты чувством,
Согреты любовью,
Из нее все силы
В образах выходят...

Властелин-художник
Создает картину —
Великую драму,
Историю царства.

В них дух вечной жизни,
Сам себя сознавши,
В видах бесконечных
Себя проявляет.

И живет столетья,
Ум наш поражая,
Над бездушной смертью
Вечно торжествуя.

Дивные созданья
Мысли всемогущей!
Весь мир перед вами
Со мной исчезает...

7 декабря 1840
Москва

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Много есть у меня
Теремов и садов,
И раздольных полей,
И дремучих лесов.

Много есть у меня
Деревень и людей,
И знакомых бояр,
И надежных друзей.

Много есть у меня
Жемчугов и мехов,
Драгоценных одежд,
Разноцветных ковров.

Много есть у меня
Для пиров — серебра,
Для бесед — красных слов,
Для веселья — вина!

Но я знаю, на что
Трав волшебных ищу;
Но я знаю, о чем
Сам с собою грущу...

8 декабря 1840
Москва

РАСЧЕТ С ЖИЗНЬЮ

(Посвящено В. Г. Белинскому)

Жизнь! зачем ты собой
Обольщаешь меня?
Почти век я прожил,
Никого не любя.

В душе страсти огонь
Разгорался не раз,
Но в бесплодной тоске
Он сгорел и погас.

Моя юность цвела
Под туманом густым —
И, что ждало меня,
Я не видел за ним.

Только тешилась мной
Злая ведьма-судьба;
Только силу мою
Сокрушила борьба;

Только зимней порой
Меня холод знобил;
Только волос седой
Мои кудри развил;

Да румянец лица
Печаль рано сожгла,
Да морщины на нем
Ядом слез провела.

Жизнь! зачем же собой
Обольщаешь меня?
Если б силу бог дал —
Я разбил бы тебя!..

9 декабря 1840
Москва

ГРУСТЬ ДЕВУШКИ

Отчего, скажи,
Мой любимый серп,
Почернел ты весь —
Что коса моя?

Иль обрызган ты
В скуке-горести
По милу дружку
Слезой девичьей?

В широких степях
Дона тихова
Зелена трава
Давно скошена;

На селе косцы
Давно женятся;
Только нет его,
Ясна сокола!

Иль он бросил дом,
Разлюбил меня,
И не придет уж
К своей девице? ..

Не к добру ж тоска
Давит белу грудь,
Нет, не к радости
Плакать хочется.

10 декабря 1840
Москва

НОЧЬ

(Посвящена князю
Владимиру Федоровичу Одоевскому)

Не смотря в лицо,
Она пела мне,
Как ревнивый муж
Бил жену свою.

А в окно луна
Тихо свет лила,
Сладострастных снов
Была ночь полна!

Лишь зеленый сад
Под горой чернел;
Мрачный образ к нам
Из него глядел.

Улыбаясь, он
Зуб о зуб стучал;
Жгучей искрою
Его глаз сверкал.

Вот он к нам идет,
Словно дуб большой...
И тот призрак был —
Ее муж лихой...

По костям моим
Пробежал мороз;
Сам не знаю как,
К полу я прирос.

Но лишь только он
Рукой за дверь взял,
Я схватился с ним —
И он мертвый пал.

«Что ж ты, милая,
Вся как лист дрожишь?
С детским ужасом
На него глядишь?

Уж не будет он
Караулить нас;
Не придет теперь
В полуночный час!..» —

«Ах, не то, чтоб я...
Ум мешается...
Всё два мужа мне
Представляются:

На полу один
Весь в крови лежит;
А другой — смотри —
Вон в саду стоит!..»

11 декабря 1840
Москва

ПОМИНКИ

Николаю Владимировичу Станкевичу

Под тенью роскошной
Кудрявых берез
Гуляют, пируют
Младые друзья!

Могучая сила
В душе их кипит;
На бледных ланитах
Румянец горит.

Их очи, как звезды
По небу, блестят;
Их думы — как тучи;
Их речи — горят.

Давайте веселья!
Давайте печаль!
Давно их не манит
Волшебница даль!

И с мира и с время
Покровы сняты;
Загадочной жизни
Прожиты мечты.

Шумна их беседа,
Разумно идет;
Роскошная младость
Здоровьем цветет.

Но вот к ним приходит
Неведомый гость
И молча садится,
Как темная ночь.

Лицо его мрачно,
И взгляды — что яд.
И весь на нем странен
Печальный наряд.

И лучшему другу
Он руку пожал;
И глаз его черный
Огнем засверкал.

Вмиг юноша вздрогнул,
И очи закрыл,
И темные кудри
На грудь опустил.

Прозрачно как мрамор
Застыло лицо, —
Уснул он надолго!
Уснул глубоко!..

Под тенью роскошной
Кудрявых берез
Гуляют, пируют
Младые друзья!

Их так же, как прежде,
Беседа шумна;
Но часто невольно
Печаль в ней видна.

12 декабря 1840
Москва

Доля бѣдняка.

У чужихъ людей
\+ ~~у чужихъ людей~~, ~~люди вѣчного~~
~~жить придется подъ вѣкъ~~ —
\+ горекъ, бѣлъ и хлѣбъ,
брага хмѣльная —
не ~~разборчива~~ разборчива.

\+ рѣчи вольные,
все какъ ~~связаны~~, связаны,
чувства ~~тайные~~ жаркіе,
мрутъ безъ отзыва...

3 изъ души, порой,
радость вырвется —
злой насмѣшкою
вмигъ отравится...

4 бѣды
и подъѣзда, горѣть,
подъ низами полъ; —
и дами — въ глаза,
искры съ пятковъ.

ДУМА ДВЕНАДЦАТАЯ

Не может быть, чтобы мои идеи
Влиянья не имели на природу.
Волнение страстей, волнение ума,
Волненье чувств в народе —
Всё той же проявленье мысли.
Небесный свет перерождает воздух,
Организует и живит элементы
И движет всем — по произволу духа.

1840

ДОЛЯ БЕДНЯКА

У чужих людей
Горек белый хлеб,
Брага хмельная —
Неразборчива!

Речи вольные —
Все как связаны;
Чувства жаркие
Мрут без отзыва...

Из души ль порой
Радость вырвется —
Злой насмешкою
Вмиг отравится.

И бел-ясен день
Затуманится;
Грустью черною
Мир оденется.

И сидишь, глядишь,
Улыбаючись;
А в душе клянешь
Долю горькую!

1 апреля 1841
Воронеж

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Ты прости-прощай,
Сыр-дремучий бор,
С летней волею,
С зимней вьюгою!

Одному с тобой
Надоело жить,
Под дорогою
До зари хо́дить!

Поднимусь, пойду
В свою хижину,
На житье-бытье
На домашнее.

Там возьму себе
Молоду жену;
И начну с ней жить —
Припеваючи...

25 апреля 1841

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Не весна тогда
Жизнью веяла,
Не трава в полях
Зеленелася;

Не заря с небес
Красовалася,
Не луна на нас
Любовалася!

Нет! под холодом,
Под туманами,
Ты в объятьях жгла —
Поцелуями!

Ночи темные,
Ночи бурные
Шли, как облачки,
Мимо солнушка.

Вьюги зимние,
Вьюги шумные
Напевали нам
Песни чудные;

Наводили сны,
Сны волшебные, —
Уносили в край
Заколдованный!

2 мая 1841

ЗВЕЗДА

Где б ни был я, — всегда,
До утренней зари, алмазная звезда
Против меня стоит
И в очи мне язвительно глядит..

При ней когда-то час разлуки был...
Но я давно ее и час тот позабыл!
Один лишь этот луч неотразим,
И я никак не свыкнусь с ним!

Порою он приводит в умиленье,
Порой в восторг и исступленье,
Порою в горькую печаль...
И мне ее, погибшую, всё жаль!

5 мая 1841

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Расступитесь, леса темные;
Разойдитесь, реки быстрые;
Запылись ты, путь-дороженька;
Дай мне вестку, моя пташечка!

Я рекой пойду по бережку,
Полечу горой за облаком,
На край света, на край белова —
Искать стану друга милова...

Я найду его, где б ни был он,
Я скажу ему: «Стыдно, совестно
Бросить дом свой, отца старова
Да бог весть куда завихриться».

Как завьет он кудри черные,
Как наденет кафтан бархатный,
Подпояшет кушак шелковый,
Поцелует, скажет ласково:

«Нет, душа моя, ошиблась ты,
Я не в поле вихрем веялся;
По людям ходил, деньгу копил,
В свое время счастье пробовал».

Ах вы, душеньки-подруженьки!
Не от горя плачу — с радости;
На душе она огнем горит,
А нет силы, слов души открыть!..

10 мая 1841

СЕЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Как здоров да молод,
Без веселья — весел;
Без призыва — счастье
Идет отовсюду.

В непогоду ветер —
Шапка на макушке;
Проходи, поп, барин, —
Волоска не тронем!

Только дум, заботы
У царя-головки:
Погулять по свету,
Пожить нараспашке;

Свою удаль-силку
Попытать на людях, —
Чтоб не стыдно вспомнить
Молодое время! ..

15 мая 1841

РУССКАЯ ПЕСНЯ

*(Посвящаю
Василию Петровичу Боткину)*

В Александровской слободке
Пьют, гуляют молодцы,
Всё опричники лихие,
Молодые чернецы.
Посреди их царь-святоша
В рясе бархатной сидит;
Тихо псальмы распевает,
В пол жезлом своим стучит.
Сам из кубка золотова
Вина, меду много пьет;
Поднимается, как туча,
На всю слободу ревет:
«Враги царские не дремлют;
Я ж, как соня, здесь живу...
На коней скорей садитесь,
Да поедемте в Москву!
Что за мед здесь? что за брага?
Опротивел хлеб сухой;
На московской на площадке
Мы сготовим пир другой!
Наедимся там досыта
Человечины сырой,
Перепьемся мы допьяна
Крови женской и мужской!
Бедный раб, я — царь наследный
Над моими над людьми:
На кого сурово взглянем —
Того скушаем с детьми!»

Царь-ханжа летит, как вихорь,
С саранчою удальцов
Москву-матушку пилатить —
Кушать мясо и пить кровь!

16 октября 1841

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Из лесов дремучих, северных
Поднялась не тучка темная;
А рать сильная, могучая —
Царя грознова, Московскова.

Словно птица быстролетная
Пролетела море синее...
Перешла так сила русская
Степь пустую, непроходную.

И пришла она, незваная,
К царству славному, Казанскому,
К бусурману — хану лютому,
К свому недругу заклятому.

И куда еще — спит зорюшка,
А уж бьется Русь с татарином, —
Стены крепкие разрушила —
И пошла гулять по городу;

Воеводы, рати храбрые
Ездят, бьют татар по улицам;
А на башне с русским знаменем
Юный-царь стоит — как солнышко!

17 октября 1841

ИВАНУ ГОРДЕЕВИЧУ КОЗЛОВУ

Он жил — и был здесь всем чужой;
Но все душой его любили
И добросердечною слезой,
Прощаясь, прах его почтили.

18 октября 1841

ЖИЗНЬ

(Дума)

Умом легко нам свет обнять;
В нем мыслью вольной мы летаем:
Что не дано нам понимать —
Мы всё как будто понимаем.

И резко судим обо всем,
С веков покрова не снимая;
Дошло — что людям нипочем
Сказать: вот тайна мировая!

Как свет стоит, до этих пор
Всего мы много пережили:
Страстей мы видели напор;
За царством царство схоронили.

Живя, проникли глубоко
В тайник природы чудотворной;
Одни познанья взяли мы легко,
Другие — силою упорной...

Но всё ж успех наш невелик.
Чтó до преданий? — мы не знаем.
Вперед чтó будет — кто проник?
Чтó мы теперь? — не разгадаем.

Один лишь опыт говорит,
Что прежде нас здесь люди жили —
И мы живем — и будут жить.
Вот каковы все наши были!..

18 октября 1841

ИЗ ГОРАЦИЯ

Не время ль нам оставить
Про небеса мечтать,
Земную жизнь бесславить,
Что есть — иль нет, желать?

Легко, конечно, строить
Воздушные миры,
И уверять, и спорить:
Как в них-то важны мы!

Но от души ль порою
В нас чувство говорит,
Что жизнию земною
Нет нужды дорожить?..

Всему конец — могила;
За далью — мрак густой;
Ни вести, ни отзыва
На вопль наш роковой!

А тут дары земные,
Дыхание цветов,
Дни, ночи золотые,
Разгульный шум лесов;

И сердца жизнь живая,
И чувства огнь святой,
И дева молодая
Блистает красотой!

18 декабря 1841

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Я любила его
Жарче дня и огня,
Как другие любить
Не смогу́т никогда!

Только с ним лишь одним
Я на свете жила;
Ему душу мою,
Ему жизнь отдала!

Что за ночь, за луна,
Когда друга я жду!
И бледна, холодна,
Замираю, дрожу!

Вот он идет, поет:
«Где ты, зорька моя?»
Вот он руку берет,
Вот целует меня!

«Милый друг, погаси
Поцелуи твои!
И без них при тебе
Огнь пылает в крови;

И без них при тебе
Жжет румянец лицо,
И волнуется грудь
И кипит горячо!

И блистают глаза
Лучезарной звездой!»
Я жила для него —
Я любила душой!

20 декабря 1841

НА НОВЫЙ 1842 ГОД

Прожитый год, тебя я встретил шумно,
В кругу знакомых и друзей;
Широко, вольно и безумно,
При звуках бешеных речей.

Тогда, забывшись на мгновенье,
Вперед всяк дерзостно глядел,
Своих страстей невольное стремленье
Истолковать пророчески хотел.

В ком сила есть на радость, на страданье,
В том дух огнем восторженным горит,
Тот о своем загадочном призваньи
Свободно, смело говорит.

Так, до зари беседа наша
Была торжественно-шумна!
Веселья круговая чаша
Всю ночь неисчерпаема была!

Но год прошел: одним звездою ясной,
Другим он молоньей мелькнул;
Меня ж год, встреченный прекрасно, —
Как друг, как демон, — обманул!

Он за таинственным покровом
Мученья горькие скрывал;
И в этом свете бестолковом
Меня вполне рок грозный испытал.

Тяжелый год, тебя уж нет, а я еще живу,
И новый тихо, без друзей, один встречаю,
Один в его заманчивую тьму
Свои я взоры потопляю...

Что в ней таится для меня?
Ужели новые страданья?
Ужель безвременно из мира выйду я,
Не совершив и задушевного желанья?

1 января 1842, полночь

ПЕСНЯ

Что он ходит за мной,
Всюду ищет меня
И, встречаясь, глядит
Так лукаво всегда?

Что смешнова во мне —
Я понять не могу;
И за мною ходить —
Кто дал право ему?

Помню, как-то давно
У знакомых был бал;
Как безумный, всю ночь
Он со мной танцевал!

Слова нет — он хорош:
Брови, нос и лицо,
Но глаза — за глаза —
Ненавижу его!

Голубые они...
И как жарко горят!
Будто яда полны,
Будто съесть вас хотят!

Нет, отстаньте, прошу,
Не следите меня;
Ваших дьявольских глаз
Я боюсь как огня!..

8 февраля 1842

* * *

Когда есть жизнь другая там,
Прощай! Счастливый путь!
А нет — скорее к нам,
Пока жить можно тут.

Февраль (?) 1842

ПЕСНЯ

Нынче ночью к себе
В гости друга я жду.
«Без знакомых, один, —
Сказал, — радость! приду.

Месяц будь иль не будь —
Конь дорогу найдет;
Сам лукавый впотьмах
С ней его не собьет.

И до ночи метель
Снегом путь весь закрой —
Без дороги, чутьем,
Сыщет домик он твой!»

Нынче ночью к себе
В гости друга я жду;
Он, прощаясь, сказал:
«Хоть умру, а приду.

Что замок и отец,
Караул, ворота? —
Воеводская дверь
Мне всегда расперта.

Не любивши тебя,
В селах слыл молодцом;
А с тобою, мой друг,
Города нипочем!»

5 марта 1842

* * *

Ночка темная,
Время позднее, —
Скучно девице
Без товарища.

Полюби меня,
Душа-девица,
Меня, молодца
Разудалого.

Ночка темная
Не протянется,
Веселей тебе
Будет на сердце.

Кровь горячая
Разыграется,
Обольет огнем
Груди белые.

Припаду я к ним
С негой страстною,
С жаждой пылкою
Наслаждения.

Обовью рукой
Шейку стройную,
Шейку белую,
Лебединую.

Я вопьюсь в твои
Уста сладкие,
Я с любовию
Страстной, пламенной...

Мы тогда с тобой
Весь забудем мир,
И наплачемся,
И натешимся.

ЮНОШЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ПЕСНЬ УТРУ

С зарею красною восходит
Солнце яркое с восток,
Из-за леса, гор выходит
И шумит живой поток.
Осветило дол росистый,
Озлатило зыби вод,
Потрясся и бор ветвистый.
Вдруг поднялся хоровод
Нежных пташек, пенье
И свирели пастухов.
Всю радость и веселье
Среди долины и лугов.
Всех пленяло, веселило
Милый взор среди природ!
О, как нежно, о, как мило
Утро встретить и восход!

10 октября 1826

ПЕРВЫЙ ШАГ ЛЮБВИ

Извините, я невольно
Вас увидел, полюбил;
Это сердцу уж прискорбно,
Если б пламень я убил.
Если можно, изъяснитесь...

Вы, я знаю, возгордитесь
Со мной дружбу завести.
Отказ милой я забуду,
Но любить вовеки буду.
Ангел, да иль нет? прости!

6 января 1827

ПЬЯНЮГИНУ

Козьма, говорят, хвор,
Ай, вздор!
Так разве с пуншу заболел;
И вправду, как не околел!

1827 (?) 8 января

ПРОСТОДУШИЕ СОСЕДА

Сосед мой пьет арак;
Так, видно, не дурак.

1827 (?) 12 января

ИРИСЕ

«Не верю, чтоб Ириса
Чужой красой сияла».
Хоть как ты ни божися,
Но всё ж не угадала:
У ней фальшивы волоса,
Всегда поддельная краса.

1827 (?) 15 января

СЕМИНАРИСТУ, ПИСАВШЕМУ ЭПИГРАММУ

Вралев, писавший эпиграмму,
Теперь, признаться, докончал;
Но что ж он ею укорял? —
И не мужчину и не даму.

1827 (?) 28 января

ОТЦВЕТШАЯ КРАСА

Жизнь моя несется,
Как пылиночка весной;
Пламень страстный льется
И уносит мой покой.
Милы где предметы:
Поле, рощи и луга,
И младые лета,
И приютные брега?
Где твоя награда —
Воля страсти молодой?
Где твоя услада,
Незаметная тоской?
Где цветочек лживый —
Светлоокие глаза,
Блеск в лице игривый
И приятная краса?
Рано ты сокрылась,
Милой юности черта,
Мне же бедной мнилась...
Сон, игривая мечта!
Старость не отрада
Для поблекшего лица,
Мне ж одна отрада —
Терпеливо ждать конца.

1827 (?) 1 февраля

СОН

В бурной жизни сновиденья
Я люблю один мечтать,
Посреди ж уединенья
Я готов стихи кропать.
Но когда мой тихий гений
С музой стройной улетит,
Я ношусь между селений,
Там, где милым должно жить.
Если скучный посетитель
Мне явится одному,

То надежда-утешитель
Собеседует ему.
Одинокий, я скучаю
И утех везде ищу,
И томлюся, и вздыхаю,
Сам не знаю, чем грущу.

1827 (?) 12 марта

ПОСЛАНИЕ К Е. Г. О.

(Акростих)

Если, Лизанька милая,
Любишь нежно ты меня,
И, любовию сгорая,
С тобой счастлив вечно я, —
Ах, любезная, жестоко
В немой страсти слезы лить!
Если ж скуке одинокой
Терпеливость положить, —
Есть ли что лютее в свете,
Грустней, тяжче черных бед?
Разлучает страсть в предмете
И велит любя терпеть.
Горячее любовь станет,
Образ милой сохраня,
Раз, ах! тень ее летает
Этой милой вкруг меня.
В верном сердце сохраняю
Непреложную любовь,
От любови согреваю
И сердце, грудь, и кровь.
Ангел милый, я неложно
Горжусь чувством и тобой!
Ах, красавицы, возможно ль
Разлучить меня с драгой?
Колько ж, Лиза дорогая,
Отягченному страдать,
Верно сердце предлагая,
От любови увядать
И в любви надежд искать?

1827 (?) 16 марта

АКРОСТИХ

Красавице любезной
Отдал последний час.
Любовь, твой дар чудесный
Царями ставит нас.
О любовь, твой милый дар
Везде ставит нам алтарь,
К удовольствию надежный,
Тихий, мирный, безмятежный.

1827 (?) 16 марта

ТОСКА О МИЛОЙ

В чужой стране далеко,
С тобою разлучен,
Скитаюсь одинокий,
Лишь милой оживлен.
Тобою только в страсти
Питаю скорбь мою,
Вздыхаю, в лютой части
Кончаю жизнь свою.
Я вяну повсечасно
И сердцем и душой!
В разлуке жить ужасно,
О милая, с тобой!

1827 (?) 25 марта

ТОСКА О МИЛОМ

По лютой, друг, разлуке
Страдаю день и ночь,
Но чем я в лютой скуке
Могу душе помочь?
Всё тщетно! Я тоскую,
Утех везде ищу,
Кляну судьбу лихую
И — более грущу.
Без друга — жить жестоко,
Всечасно тосковать,
Лишь в скуке одинокой

Драгова вспоминать.
Спеши скорей, о нежный,
И тем утешь меня.
Узрев тебя, бесценный,
Скажу: «Навек твоя».
О, нас тогда рок лютый
Ничем не разлучит...
Хоть — ах! спеши — минутой
Драгую оживить.

25 марта 1827

ПРЯМОЕ СЧАСТИЕ

(Стансы)

Лишь тот один счастливый,
Кто истину почтил,
Блеск света и порывы
Лишь долгу посвятил;
Реками ливший слезы,
Томился и вздыхал, —
За все мечты и грезы
Достоин тот похвал.
И в жизни кто волнистой
Под тихим кровом жил
Всегда с душою чистой, —
Тот долгу заплатил;
Кто в чувствиях сердечных
Злой страстию томим,
В печали, в скуке вечной, —
Любовь в союзе с ним.
. . . .
Лишь честь свою хранил,
Стезей прямой идущий, —
Тот долгу заплатил;
И в роскоши богатства —
В пороки не впадал,
Но честно, без препятства,
Их храбро отражал.
Кто, бедностью гонимый,
От бурей защитил
И, участью томимый,

Себя лишь охранил;
Сирых под кров собравший,
От бурей-непогод
Приют им давший, —
Вечно счастлив тот...

25 марта 1827

ПОСЛАНИЕ ЯКОВУ ЯКОВЛЕВИЧУ ПЕРЕСЛАВЦЕВУ

Любя тебя, о брат двоюродный,
Посвящаю сей досуг,
Ты для братства, в час ненужный,
Утешь, прими, будь брат, будь друг.

Я на лире вдохновенной
С Аполлоном петь хочу
И душе невознесенной
Ложной славы не ищу.

Слава — блеск пустой на свете,
В ней отрады прямой нет:
Хоть в тиши мила, в предмете, —
В буре скоро пропадет.

За ней горести в награду
Несомненно потекут...
Тогда редко нам в усладу
И улыбку подадут.

Вмиг увидишь: пересуды
Волной всюду зашумят...
Без надежды в жизни трудной
Будет тяжко умирать.

Я, поверь, узнал довольно
Гордых тысячи людей,
И от их-то власти злобной
Ныне сделался грустней.

Жизнь всегда течет в премене,
И всё всякий испытал;

Кто избег людской измены,
Тот утехи не видал!

Мы подобны иноземной
Птичке: если залетит,
Испытает, что изменно,
И на родину летит.

Все идем по нити срочной,
Все мы гости на земле:
Проживем — бьет час урочный,
И мы сокрыты во земле.

Наш прах гордый обратится
Только в малу персть земли,
Взор погаснет, лик затмится,
По телу черви поползли.

Ты себя храни, любезный,
Жизни — бури берегись!
Помни: всюду тут измена,
Хоть куда ни повернись...

2 апреля 1827

РЫЦАРЬ

(Баллада)

Плывет рыцарь одинокий
В полночь быстро по реке,
В путь собравшися далекий,
Темно-бледен, в челноке.
И в руках весло сияет;
Величав и мил гребец;
Ветер парусом играет.
Полон страха, но пловец
Устремляет взор смущенный,
Где чернеет быстрина.
Видит он: в дали пременно
Колыхается волна;
Вмиг из волн Днепра глубоких
Появилися в цветах —

То три девы чернооких,
Знать, резвятся на водах!
Ближе к рыцарю подходят,
Рыцарь мчится в челноке;
Взяв челнок, его уводят
Быстро дале по реке.
Все три девы молодые
Влекут рыцаря и челн
Через пурпуры седые,
Не страшатся бурных волн.
Рыцарь, в думу погруженный,
Руки тянет к небесам;
Но, вдруг сил и чувств лишенный,
Не противится красам.
А прелестницы игривы
Прямо к рыцарю в челнок.
Страх! — но тщетные порывы:
Сил лишается седок.
Он творца молить не может
И рук к небу не взнесет,
Пуще страх его тревожит,
Пот с чела холодный льет.
Видит берег обнаженный
И туман вокруг седой,
По лазури месяц бледный
Путь свершает тихо свой.
Девы к рыцарю прильнули
И невольно все вздохнули;
Слышен милой голос сей:
«Рыцарь, рыцарь, бежишь бури,
Но избег ли ты сетей?»
И, склоняся головами,
Они тихими шагами
Влекут рыцаря с собой —
И, разлившися струями,
Очутились под водой.
Рыцарь сделался добычей
Обитательниц Днепра,
А челнок его летучий
Очутился близ шатра.

1827 (?)

СВИДАНИЕ

Вчера — как ночи мгла
В покое залегла,
И только одинокий
Я в тишине глубокой
На ложе сна прилег, —
И деву зрю: восторг
Вскипел в груди моей.
«Проснись, мой друг!» Я к ней
Бегу... во тьме пугливой
Рукой нетерпеливой
Волшебницу схватил!
. . . .
Волнуя кровь... уж я
В объятиях ея
Лежу, но час забвенья
С минутой упоенья,
Как гений, пролетел.
Зову... Мой друг ушел!..

1827 (?)

К НЕВЕРНОЙ

Не уверяй! Твоим словам,
Твоим обманчивым речам,
Как прежде, верить не желаю
И данным клятвам изменяю.
Но ты, я вижу, хочешь знать
Вину сердечного раздора?
Она ясна! Но без укора,
Ей-ей, не в силах рассказать;
Зачем вседневно ты к себе
Других тихонько принимаешь,
И так же, как меня, ласкаешь
В непробудимой тишине?
Люби ж других — других всегда
Насквозь обманывать старайся;
Меня ж отнынь ты никогда
Ничем уверить не ласкайся...

Между 1828 и 1830

ДОВОЛЬНЫЙ ПАСТУХ

Овечки родные,
Овечки мои,
Радушен мне с вами
Пастушеский быт;
Хоть, правда, я беден,
Хоть стадо мое
Не может сравняться
С стадами других,
Зато я счастливей
Богатых селян,
Зато я спокойней
Всех наших селян.
Что мне в них за нужда,
В городах я не жил
Да знатности их
Слугою не был.
И вкуса не знаю
В пище дорогой,
Хлеб черный мне слаще
Приправ дорогих;
И лучше всего,
Вода мне приятней
Чужого вина;
С прихотью затеи
Невкусны живут,
А сыр и молоко —
Пастушья еда.
Весь день по долинам
Овечек пасу,
Близ тока под тенью
От зноя лежу.
Негожею ночью
Как в вёдро я сплю.
Мой пес отгоняет
Несытых зверей.
Хоть сроду не делал
Вреда никому,
Хоть совесть с упреком
Не скажет: ты зол, —
Но бывает в жизни

Нерадостный час,
Сижу я задумчив
И весь как не свой!
Без горя — есть горе,
Без грусти — печаль.
Пастух в низкой доле
Есть тож человек.
Я чувствовать умею,
И жизнь мне мила.
В городах же, может,
Богатым легко
Раздумье деньгами
Из мыслей прогнать;
У меня же есть слезы,
Со мною свирель.
Поплачу ль! Где горе?
Спою ль что? Где грусть?
Вновь весел — смеюся,
Вновь радости рад.
Долины прохладней,
Трава зеленей,
И стадо то лучше,
И сердцу вольней,
И будто светлее
Самый божий мир!
Овечки родные,
Овечки мои,
Вы мне так любезны,
Как детки отцу;
Я с вами счастливей
Богатых селян.

1829 (?)

ОПЫТ МАЛОРОССИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

1

ПОСЛАНИЕ К ДРУГУ ИЗ МАЛОРОССИИ

Друженку, друженку!
Як я коли зайду
Часочком празненким
До тебе у хату;
Тоде висилийше
З тобой посидимо
И дружба кохае
И ніже, и гріе
Сердечки юненки.
Ни туча, ни зрада,
Ни видкиль ни зойде;
Закиль ростованья
Минудочка прійде.
Як з трубок завіе
Дымочок над челом,
Клубится и вьется
И в воздухе гине.
Так наша и радость
И время празненко,
Несется швыденко
У братцкой биседи.
Час вдаре!.. мы выйдем
Обои из хаты:
И сядимо вмести
На тисном крылечку...
Бачь? Хмары човненки[1]
Щось пид небом ийдут;

[1] Черненьки.

И месець чуть сяе
И зиркы в тумане
Мутненькіи ближжут.
Чи вже да ненастье
З утром до нас прийде?
Ой ни!.. ще у серця
Молодость не стихла;
И юность гукае:
«Хлопци! не журитесь,
Бой ще в поли травка
Не жовто завяла».
Бачь?.. Хмары човненки.
Щось пид нибом стали:
Все небо смутилось,
И зирки и месец,
Як прежде, не сяе,
Устань, гляни ще ты
Очимо на небо,
Чи чого не вбачиш:
«Не мае ничого,
Толко що туманы
Сідіе, густіе,
И воздух чорніе».
— Ось, буде!.. ось буде
Година страшная:
И нас, молоденьких,
Хлопота и горе
Нагоне, настигне!
А в тую годину
И витер грознійше.
Задуе — завые;
И мы, як цветочки,
Як жовты листочки,
В широкому поле
Склонимось додолу.
Тоде позабудмо,
Мій брате, мій друже
По корчмах гуляти
И гарных, чорнявых
За гроши за впиво
Бажати, кохати,
На ночь замовляти.

Не стануть московски
Белявы красавки
З нами гартовати,
Як нынче гартуют.
Тоде позабудмо
И стихи и бросы,
По взгилу чортати;
И жвидкія мечты,
Довгенкіи думы
Пійдут на пидруку;
Вкрашеная ж муза
С бандурой, с сопилкой
В комору ни зайде...
Докиль сонце сяе
Закиль мы не стары;
Горилки, мій друже?
Горилки пьяненькой
Уточи з барильця
Да выпьемо по дной
За Галю, за Катрю,
Вони нам издавна
Близенки, родненки.

1829 (?)

2

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗАПОРОЗЦОВ С КАВКАЗА

Видкиль запорозци,
Видкиль се ийдут?
Чи от туркив, ляхив?
Чи из Питенбурха?
Иль чи за Кубанью
Рубались дня со три,
Со чиркесом у горах?
Здоров, пане, хлопцы,
Здоров пробували;
А де ж вы казакив
Ще иншых девали,
Як ѝхали з дому
Було вас багацко:
А теперь щось трошки.

Один з запорозцив
Одтак промовляе:
«Ой, знайте ль вы, братци,
Де Кубань мутная
Геть к морю несется;
Де лесы и горы,
Де дики черкисы
Свои сакли мают;
Там то ти козаки:
Там то вси удалы,
Порубани, мертвы,
Навеки застались...

1829 (?) 25 декабря

МАЛОРОССИЙСКАЯ ПЕСНЯ

Голубонько, доню!
Чому ты не любиш
Мене, козаченка,
Мене молодого?
Хиба ж ты иного
Вже парубка маеш;
Хиба ж ты другого,
Серденько, бажаеш?
Иль чим, мое серце,
Тебе не влюбився?
Хиба моя бедность
Тебе так лякае?
Голубонько, доню!
Я бажав, кохав бы
Тебе душче того,
Шо в золоти ходит.

1830 (?) 9 января

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ КОЛЬЦОВУ

ПЕСНЯ

Не булатный нож режет грудь мою,
Не змея грызет ретивое в ней:
Забралась туда лиходейка-грусть,
Сосет белу грудь, рвет сердечушко.
Не колдун-злодей наговорами
В грудь загнал ко мне ненасытную.
Занеслась она с злою весточкой,
Что дружочек мой разлюбил меня —
И кольцом моим с другой девицей
Во чужом краю обручился он!
Сохни, бела грудь, рвись, сердечушко,
Отпади, коса моя черная!
Не могиле ты в дар достанешься:
Завещаю я родной матушке
Отослать к дружку на пир свадебный,
Как подарок мой, косу черную.

<1839>

ПЕСНЯ РУССКАЯ

Эх, не вовремя тучи мрачные
По поднебесью разостлалися,
Солнца ясного лучи красные
Потонули в них среди бела дня.
Не в пору завыл ветер по бору:
Петь бы, петь теперь соловью в лесу!
Эх, не вовремя вспало горюшко
В молодую грудь добра молодца,

Иссосало в ней ретиво сердце,
Загубило в нем жизнь цветущую.
Что ж за горюшко, за кручинушка
Рано с молодцем подружилася?
«Други милые! со мной девица
Золотым кольцом поменялася
И любить по век слово молвила, —
А теперь с другим обвенчалася.
Вы отдайте ж ей золото кольцо;
Слово ж данное пусть ей бог отдаст,
Без меня она пусть в добре живет,
Без нее же я — лягу в тесный гроб».

<1839>

* * *

Когда моей подруги взор
Мне явно высказал презренье,
Другого счастья, мой позор
И клятв святейших нарушенье, —
Тогда кольцо ее рассек
Булатом горского кинжала,
И жизнь свою на месть обрек,
И злоба мне подругой стала!
Я всё к себе на помощь звал:
Свинец, и яд, и ухищренья,
И сердце силой заставлял
Одеться в броню озлобленья —
Чтоб сожаленье и любовь
К нему уж не были доступны,
Чтоб ему пищей были — кровь
И пагуба клятвопреступной!
Молил я солнце, чтоб оно
Свои лучи на грудь неверной,
Как лаву жгучую, лило
И выжгло б сердце лицемерной.
Молил я ночь, чтобы она
К ее очам не допускала
Отрады сладостного сна
И горьких слез с них не стирала.
Неслись ли тучи, — их молил,

Чтоб мраком жизнь ее покрыли;
Гремели ль громы, — их просил,
Чтобы изменницу сразили.
Но с той поры, как весть пришла,
Что на земле ее не стало, —
Как дуновенье от стекла,
От сердца жажда мстить отстала.

* * *

Дюканж! ты чародей и милый и ужасный.
Твой Жорж, игрок несчастный,
Твоя Амалия, твой Варнер — стоят слез!
Но неужель артистам в честь ни слова?
Я был обворожен игрою Соколова:
Я видел Жоржа в нем — и жал меня мороз,
И сердце обмирало.
Я б сплел для той венок из роз...
Ах, нет! для ней и двух лавровых мало,
Кто не Амалией, а ангелом там был.
Но кто, но кто изобразил
Злодея Варнера — он, он меня смутил.
Я верить не хотел, что это лишь притворство:
Такие мины, вид, ехидность и проворство...
Неподражаемый, ты всех взбесил.
Я в ярости на Варнера забыл,
Что ты Канищев сам!
Ты перешел границы похвалам —
И, наконец, тебя бранили!
Но я люблю сей блеск таланта.
Назло злодеев ты играй
И омерзение к злодейству всем внушай,
Лишь сам противу зла будь тверже адаманта.

* * *

Поднимись, удалец!
Полно дома сидеть!
Стариком из окна
На дорогу глядеть...

Вишь, как ветер лихой
В поле воет-гудит,
По дорожке снежок
Разметает, клубит!
Поднимись, отряхнись!
Али вьюга страшна?
Али удали нет?
Али кровь холодна?
«Не страшна мне метель,
Ни мороз, ни гроза —
Я на гибель пойду,
Не закрою глаза...
А не волею я
Дома зиму сижу
И на волю, как зверь,
Из окошка гляжу...»
. . . .
. . . .

В СТЕПИ

В небе зоринька
Занимается,
Золотой рекой
Разливается, —
А кругом лежит
Степь широкая,
И стоит по ней
Тишь глубокая...
Ковылем густым
Степь белеется,
Травкой шелковой
Зеленеется.
Ты цветешь красой,
Степь привольная,
Пока нет еще
Лета знойного:
Всю сожжет тогда
Тебя солнышко,
Попалит твою
Травку-цветики!

Пока нет еще
Время тяжкого —
Темной осени,
Ветра буйного:
Разнесет тогда
Он по воздуху
Всю красу твою —
Ковыль белую!

РАННИЕ РЕДАКЦИИ

СИРОТКА

<*Редакция стихотворения «Сирота», ВТ 2*[1]>

К стр. 45

Не прельщайте, не маните
Прошлой юности мечты;
Скройтесь, скройтесь, улетите
От несчастной сироты.

Что вы, злые, что вы вьетесь
Над невинной сиротой;
Что вы вихрем не несетесь
В край неведомый, чужой.

Я мечтала, я хотела
Счастье встретить на земле:
Но судьба моя велела
Знать его — и знать во сне.

Наяву же в облегченье
Только слезы проливать;
И не верить в наслажденье
И покоя не вкушать.

Не прельщайте ж, не маните
Прошлой юности мечты;
Улетите, улетите
От несчастной сироты.

15 ноября 1829

---

[1] Список принятых сокращений см. на стр. 262—264.

РОВЕСНИКУ

<Редакция стихотворения «Ровеснику», ВТ 2 и ВТ 3>

К стр. 46

Клянусь, когда-нибудь ты, друг,
Волшебнице коварной
Открыл души своей недуг
С неразделимой тайной.
И, верно, верно, думал ты
С той девой съединиться
И с ней в объятьях красоты
Любовию упиться.
Она ж, неверная, тебя
Любила... но коварно;
Обман и прелести любя,
Забыла своенравно.
Отмсти ж и ты! Забудь ее,
Когда она не любит,
Пусть сердце юное твое
Изменницу забудет...
Смотри, мой друг, как всё кругом
И весело и мило;
Тебе ж в несчастии твоем
Всё мертво и уныло.
Внимай, как юноши поют
И девы веселятся,
Как радости сердечны пьют
И как они резвятся.
Лишь ты суров, угрюм и тих
Меж юными друзьями;
Лишь ты один глядишь на них
Несветлыми очами...
Невольник горести своей,
Алкатель сладострастий!
Забудь любовь, и плен сетей,
И огненные страсти.
Резвись; друзей в кругу простом
Вновь вкусишь наслажденье
И в сем бокале круговом
Потопишь огорченье!

Поверь, замена всех утрат —
Вино: ты им целися.
О наш ровесник, друг и брат,
Будь счастлив, веселися!

11 января 1829

ПЕСНЯ

<Редакция «Песни» («Если встречусь с тобой. . .»), ГПБ>

К стр. 46

13—20 Как обнимешь меня,
Забываюся я,
Как дитя на груди
У родимой своей,
А с лобзаньем твоим,
А в восторге с тобой
Я, как дух неземной,
Забываю сей мир.

19 сентября 1830

ПРИВЕТНЫЙ ОГОНЕК

<Редакция стихотворения «Путник», ВТ 2>

К стр. 48

Сгустились тучи, ветер веет,
Дубрава темная шумит;
За вихрем вихрь крутясь летит,
И даль пространная чернеет.
Лишь там, в дали степи обширной,
Как тайный луч звезды призывной,
Зажженный тайною рукой,
Горит огонь во тьме ночной.
Усталый странник, запоздалый,
Один среди родных степей
Спешит к ночлегу поскорей,
И мчится конь под ним удалый.
Пред ним и блещет и горит
Огонь вдали сквозь полог черный.
Быть может, он его манит
Под кров родных уединенный.

Ему настанет счастья час,
Там встретит он свою отраду;
Родимый, дружелюбный глас,
Там всё его. . Но мне погас,
Тот огнь, что мне сулил награду;
К нему стремлюся я душой,
Я с ним хотел здесь счастье встретить;
Но он мне на земле не светит!
И я, как огнь во тьме ночной,
Горюю в мире сиротой.

4 августа 1828

ОСЕНЬ

<Редакция стихотворения «Осень», ВТ 2>

К стр. 49

Настала осень, непогоды
Помчались с юга на восток.
Затмилася краса природы,
Уныл, осиротел лужок.
Поля, леса оделись тьмою,
Туман гуляет над землею,
И ветр порывный с быстротой
Свистит, летит на край земной.
Пространство дали почернело,
Дожди как ливни, день и ночь;
Всё будто в горе, помертвело,
Забавы улетели прочь;
К людям в соседки поселились
Тоска, печаль, досуг и лень;
Длиннее ночь, короче день,
И солнце и луна затмились.
Но долго ль осени туманной
Веселый край опустошать?
И долго ль ветер непрестанный
Уныло будет завывать?
Придет весна, придет веселье,
К людям забавы придут вновь,
Лишь невозвратны наслажденье
И прошлой юности любовь.

23 ноября 1828

РАЗМОЛВКА

<Редакция стихотворения «Размолвка», ВТ 2>

К стр. 50

6—15 Бывало, ты —
Мне друг и брат;
А нынче — грех
И вымолвить,
Как ты ко мне
Суров, угрюм!
Молчанье, взор,
Движенье, вид
Как бы твердят:
Незваный гость.

28 марта 1829

НОЧЛЕГ ЧУМАКОВ

<Редакция стихотворения «Ночлег чумаков», ЖВЗ и БЧ>

К стр. 52

8—13 Вся степь роскошно почивает.
Лишь у проезжих чумаков
Огонь горит между возов.
Старик раздетый, бородатый,
Готовя ужин небогатый,
Поджавшись, на ногах сидит.

32—37 С какой-то радостью невольной...
Кто б ныне с горя петь начал?
Вот разлилась игра свирели,
Вот тихо под свирель запели
Они про жизнь своих дедов,
Украйны доблестной сынов.

После 40 Но что, украинцы, они
Все отзываются печалью?
Давным-давно прошли те дни,
Когда у вас, блистая сталью,
Шумел раздора буйный глас
И кровь потоками лилась.

Давно прошли те времена;
Везде царюет тишина
Под скиптром русского правленья,
И край ваш — край теперь веселья.
Любимый, самородный труд
Неужли давит вашу грудь?
Вы чумакуете по воле:
Чего ж еще желать вам боле?

Я познакомился со светом...
И если бы... да в добрый час!..
Готов остаться я у вас!
Готов чумаковать всё лето.
Там, други, не живет веселье,
Где роскошь, золото, безделье.
Где много слов про наслажденье,
Там для него душа мертва,
Как на сухой степи трава.
Живал в больших я городах;
Бывал на ваших хуторах;
И замечал, где как живут,
Что горем, что добром зовут;
С какою целью век трудятся,
К чему и те и те стремятся;
Узнал, вздохнул... и для меня
Приятно в дождик обсушиться
У вас под буркой, близ огня,
Под возом от грозы укрыться;
Приятно кашу есть сухую,
Украйны слушать речь простую,
Беспечно время проводить.
На воле любо, братцы, жить!
В степях я город забываю,
Душой и сердцем отдыхаю.
У вас всё братски; хороша
Беседа ваша, беспритворна.
Где ты, прекрасная душа,
Своей природе так покорна?..
Что слободской ваш атаман,
Что шитый шелковый кафтан,
Каморы, полные без счету
Снарядов разных, серебра, —

Когда в них искры нет добра?
Покиньте, братцы, вы охоту
Меняться счастием своим,
Меняться степию широкой
И продовольствием простым:
Блистает солнышко — далеко!

Тут речь уныла прервана
Готовой кашею простой;
Они в кружок; шумит страна;
Уселись на траве густой.
Луна из облак выплывает,
Спокойный табор озаряет,
И светлых звезд — не миллион —
На них глядит со всех сторон.

УНЫНИЕ

<Редакция стихотворения «Плач», ВТ 3>

К стр. 54

На что мне, боже сильный,
Дал жизнь и бытие,
Когда в стране изгнанья
Прямого счастья нет?
Когда в ней вихри, бури
И веют и шумят,
И серые туманы
Скрывают солнца свет?
Я мнил, что в мире люди
Как ангелы живут
И дружбою прямою
Крепят сердец союз;
Я мнил, что в сердце, в мыслях
Один у них закон:
К тебе, отец небесный,
Любовью пламенеть
И ближним неимущим
С веселием души,
Чем можешь, чем богат,
При крайности помочь.

Но нет, — не то мне опыт
В стране сей показал:
Все люди, будто звери,
Друг друга не щадят,
Друг друга уязвляют
Нетрепетной рукой!..
Надменность, гордость, слава —
Молебный их кумир,
Сокровища ж и злато —
Владыка их и бог!
А истина святая
Забыта навсегда,
Любовь и добродетель
Чужда понятью их.
И ты, отец небесный,
Создавший сих людей,
Не престаешь с улыбкой
Щедроты лить на них!..
Итак, внемли ж молитву
Мою, всезрящий царь!
Прерви печальной жизни
Печально бытие
И в мир иной, чудесный
Пересели мой дух.

26 января 1829

НА ОТЪЕЗД Д. А. КАШКИНА В ОДЕССУ

<Редакция стихотворения «На отъезд Д. А. Кашкина в Одессу», ВТ 4>

К стр. 59

После 6 Бывало, я в бурю,
В осеннюю ночь
Один среди поля —
Как сродник в гостях;
А нынче, а нынче
Едва я узрел
Знакомые церкви
Сияющий крест,
Вдруг чем-то, не знаю,
Сдавилася грудь

И в трепетном сердце
То пламень, то дрожь.
О чем же, о чем же
Пророчит душа?
Ах, это не просто,
Нет, это не так!
Домой подъезжая,
Я в думах судил...
Надвинувши шляпу,
Нагайкой махнул,
И конь мой пустился,
Как быстрый сайгак.
Вот прибыл — и вижу:
Родная семья
По-прежнему в тихом
Весельи. Но где
Мой благодетель,
Бесценный мой друг?
Он отбыл — надолго
В далеки края.
Недаром же конь мой
Споткнулся не раз,
Недаром же сердце
Вещало печаль...
Но долго ли вчуже
Ты будешь гостить?
Когда возвратишься
В родную страну?
Дождусь ли в уныньи
Тебя я назад?
Не знаю... Но верю,
И там меж чужих
Друзей не забудешь
Ты вечно своих.
Но может... кто знает...
Боюсь говорить...
Небесная сила,
Помилуй, спаси!

2 августа 1829

ГРУСТЬ

<Редакция «Песни» (Очи, очи голубые...»), ВТ 2>

К стр. 62

13—16 Мне ль, несчастному, ласкаться,
С хладным сердцем мне ль любить,
Мне ль мечтами восхищаться, —
Милый друг в могиле спит.

12 ноября 1829

ТЕРЕМ

<Редакция стихотворения «Терем», ВТ 2>

К стр. 63

После 12 Раз я летом сшелся с ней:
Полюбил с тех пор душой,
Но она еще не знает,
Как любовь в душе пылает.

И узнает, да не я
Буду суженым ея:
Тот богатый; я ж без хаты,
Целый мир мои палаты!

Сердце-вещун мне твердит:
Жить тебе, детинке, жить
Не с женою молодою —
Одиноким сиротою...

16 ноября 1829

ЛЮДИ ДОБРЫЕ, СКАЖИТЕ

<Редакция стихотворения «Люди добрые, скажите» без поправок А. П. Сребрянского, ВТ 3>

К стр. 64

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Где он, жив ли, вы молчите!
Иль сказать мне не хотите?

За далекими горами
Иль за рощею дремучей,
За степями ль, за горами —
Иль меж чуждыми людями.

Средь мирской ли непогоды
Он живет один, тоскуя?
Без неволи, без свободы
В наслажденьях тратит годы.

Вспоминает ли порою
Ту, которую он любит,
Иль забыл меня; с другою
Связан клятвой вековою?

Иль уж ранняя могила
Приняла его в объятья
И неверная чужбина
Без рыданий схоронила.

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Верен, жив ли, вы молчите!
Где? .. сказать мне не хотите?

Долго ль, долго ль, друг любезный,
Быть еще с тобой в разлуке,
Брось чужбину и в край прежний
Возвратись к подруге нежной.

Нам тогда с тобою ярче,
Милый, солнышко засветит,
И луна взойдет пышнее,
Звезды мутные светлее.

21 ноября 1829

ПРИВЕТСТВИЕ БРАТУ

<Редакция стихотворения «Маленькому брату», ВТ 2>

К стр. 65

Тебе, мой брат новорожденный,
С улыбкой строю лирный глас,
С тобой, малютка мой любезный,

Для всех блеснул веселья час.
Расти счастливо, брат мой милый,
Под кровом вышнего творца,
На груди маменьки родимой,
В объятьях нежного отца.
Будь добр, чувствителен душою,
Велик и знатен простотою;
Когда же опытной ногою
На сцену света ты взойдешь,
Любимцем ли слепой фортуны
Или, как я, полюбишь струны? —
Иль (и) [1] посох бедный понесешь?
В чинах, советую, пред бедным
Богатством, славой не гордись,
Но с ним что есть (чем бог послал) последним,
Как с братом рóдным, поделись.
Когда ж, униженный судьбою (унижен будучи судьбою),
Ты будешь с посохом одним
(Довольствуйся куском одним),
Будь терпелив и тверд душою
И в горе, с детской простотою,
Пой песни бедствиям своим,
Пой песни, скуку разгоняя,
Добро и мудрость прославляя,
Люби творца, своих владык
И будь в ничтожестве велик.

23 ноября 1828

ПОСВЯЩЕНИЕ ДМИТРИЮ АНТОНОВИЧУ КАШКИНУ

<Редакция стихотворения «А. П. Сребрянскому», ВТ 3>

К стр. 68

Тебе — бесценный, милый друг —
Я посвящаю свой досуг!
Но признаюсь: в нем ум твой строгий
Найдет ошибок много, много;

---

[1] В скобках — поправки А. П. Сребрянского.

Здесь каждый стих — чай, грешный бред;
Зато — я сам собой поэт!..
Итак!.. Щади ты недостатки,
Заметь, что требует поправки,
Когда б мне время, должность, чин!
Когда б, примерно, господин
Я был такой... чтоб только с трубкой
Сидеть беспечно и дремать;
Пить кофе, водку, есть и спать, —
Тогда?.. Поверь, мой друг... не шуткой
Я б вышел в люди, вышел в свет.
Быть может, был бы я поэт,
Быть может, гений... но довольно —
Смолчу покамест, только, друг,
Жить в неизвестности мне больно,
Я чувствую, какой-то дух
Владеет мною не напрасно.
Недаром я люблю так сладострастно
Уединенье и мечты.

3 марта 1829

РАЗУВЕРЕНИЕ

<Редакция стихотворения «Разуверение», ВТ 3>

К стр. 70

Сквозь тучи черные сияла
Когда-то мне моя звезда!
Когда-то юность уверяла:
С тобой не встретится беда.
Когда-то, полный упований,
Я, помню, в жизни ликовал;
Не жаждал многих я стяжаний,
Но точно счастие вкушал.
Но точно им я наслаждаясь,
Как цвет между цветов родных,
Я жил, любовью упиваясь
В толпе красавиц молодых.
И как на лоне сладострастья
Часы мгновенные текли!

И как богини самовластья
К мечтам прелестнейшим влекли.
Ко всем беспечный, откровенный,
Всегда незнаньем обольщенный,
Любил родных, любил друзей
И был дитя между детей!..
Но всё прошло и миновалось!
Исчезнул сон: моим очам,
Моим разрушенным мечтам
Совсем иное показалось.
И сердце юное спозналось
С угрюмой опытностью той,
Что всех знакомит здесь с тоской...
Открылась новая дорога
Разочарованным глазам,
И жизни новая тревога
Насильно повлекла к бедам!
Напрасно с мудростью надменной
Я им хотел противустать,
Напрасно я в душе смиренной
Их мнил слезами отогнать;
Напрасно в каменных людях
Искал защиты и спасенья, —
Сердца их сталь, а грудь в бронях, —
Не им внимать мои моленья;
Презренны просьба и мольба!
Ах, где ж искать защиты мне
В неумолимой стороне,
Когда и люди и судьба
Вдвойне хотят меня карать!
Так буду ль жить когда в покое?
. . . .
Знать, так и быть, там вдалеке
Забуду их я в уголке,
Забуду счастие былое
И буду ей завет хранить:
Что было, будет — всё сносить!

23 ноября 1828

ВСТРЕЧА С ОПЫТОМ

<Редакция стихотворения «Разуверение», ГПБ>

К стр. 70

1—11 Дитя беспечный и свободный,
С улыбкой кроткой, благородной,
С живой и пламенной душой,
Пленялся жизнию земной
И, доли приторной людской
В мечтах завидовать дерзая,
Добро и зло благословляя,
Я в мире всё благословлял!
Но я младенец был, не знал
Измен непостоянных счастья
И смутных перемен ненастья.

29—32 Умолкли грешные порывы
И буйство грешное страстей,
Как молкнет ручеек игривый
В оковах льдяных хрусталей.

17 апреля 1830

ПОСЛАНИЕ С. . . З. . .

<Редакция стихотворения «О, не кажи улыбки страстной. . .», ГПБ>

К стр. 76

Когда в груди твоей булатной
Хранится вместо сердца лед,
Когда в нем искры чувства нет,
Когда душе твоей приятно
Так жалко надо мной шутить,
Так много равнодушной быть, —
То не кажи улыбки страстной,
Не мучь надеждою напрасной
И чувств моих не горячи:
Прошу, молю! при мне молчи;
Будь больше мною недовольна,
Будь больше, больше хладнокровна;
Прошу! так нежно не гляди,
Со мной речей не заводи;
В беседах с злобою немою,

Как недруга, пренебрегай,
Меня порочь, меня ругай.
И ты холодностью такою
Меня, быть может, охладишь
И все надежды истребишь.

8 апреля 1830

СОВЕТ

<Редакция стихотворения «Совет старца», ВТ 2>

К стр. 82

Наслаждайтесь, юноши,
Упивайтесь жизнию,
Отпируйте в радости
Праздник вашей юности.
Много ль раз роскошная
В год весна является?
Много ль раз долинушку
Убирает зеленью?
Не одно ль мгновение
Как весне — и юности?
Счастлив, кто с подругою
Вдоволь погостил у ней.
Счастлив, кто и лишний час
Провел в полной радости.
Поспешайте ж, юноши,
Наслаждаться жизнию.
Отпируйте в радости
Праздник вашей юности.
Редко светит на небе
Солнушко без облаков,
Реже после юности
Дни бывают веселы,
Скучно жизнью старческой,
Скучно, други, в мире жить,
Грустно и средь пиршества
О могиле взгадывать
И с седою мудростью
К ней, наморщась, двигаться.

1 августа 1830

ЛЮБОВЬ ДУШИ

<Редакция стихотворения «Первая любовь», ГПБ>

К стр. 85

8—11 Сулю ему я розы, рай,
Красы заоблачного края, —
И, к ним любовию сгорая,
Лишь их желал бы я любить.

16—17 Знать, то, что в юности любил я в первый раз,
Вовек не разлюбить душою.

21 августа 1830

СЕЛЬСКАЯ ПИРУШКА

<Редакция стихотворения «Сельская пирушка», ГПБ>

К стр. 89

После 34 Гости пьют и едят,
Речи гуторят:
Про хлеба, про покос,
Про старинушку:
«Каков впредки господь
Хлеб урóдит нам?
Как зимой о святках
Долго иней был;
Уберутся ль в степи
Сенá зелены», —
Говорил Пантелей
Свату Якову.
Гости пьют и едят,
Забавляются
От вечерней зари
До полуночи.
По селу петухи
Перекликнулись;
Призахнул говор, шум
В темной горенке;
На дворе же саней
Въезжих не было,
От ворот тесовых
След яснеется.

21 сентября 1830

ПОСЛАНИЕ К * * *

<*Редакция стихотворения «Мой друг, мой ангел милый. . .», «Листок»*>

К стр. 96

Мой друг, мой ангел милый,
Тебя ль я в тишине унылой
Так страстно, пламенно лобзал,
С таким восторгом руку жал?
Иль был то сон, иль в исступленьи
Я обнимал одну мечту,
В жару сердечного забвенья
В своей душе рисуя красоту?
Твой вид, твой взор смущенный,
Твой пламенный, горячий поцелуй
Так упоительны душе влюбленной,
Как изнуренному кристалл холодных струй.
Ах! миг один я был с тобою —
И миг с тобой я счастлив был;
И этот миг с твоею красотою
Навек я в сердце затаил. . .
Тобой любимым быть — прекрасно;
Прекрасней же — тебя любить.
Что муки мне? Душою страстной
О милой мило мне грустить,
С тобою чувствами меняться
И на приветливый твой взгляд
Ответным взором отвечать;
С тобою плакать, забываться —
Прекрасно, милая моя!
Счастлив, счастлив тобою я! . .
Пускай, пускай огнем тяжелым
Лежит в груди моей любовь;
Пусть сердце с чувством онемелым
Мою иссушит кровь, —
Как ворона о смерти предвещанье,
Она не возмутит мне грудь:
Любви мне сладостно страданье,
Мне сладко о тебе вздохнуть!
Пусть безнадежна страсть моя;
Пусть гроб — любви моей награда!
Но, милый друг мой! за тебя
Снесу я муки ада.

Что до меня?.. лишь ты спокойна будь
И горе забывать старайся;
Живи и жизнью наслаждайся —
И бедного страдальца не забудь...

ПОЭТ И НЯНЯ

<Редакция стихотворения «Поэт и няня», ДС>

К стр. 103

11—14 Не прельстит меня природа,
С скукой смолвится свобода,
Улетит от ложа сон,
Иль взволнует сердце он.

МОЛОДАЯ ЖНИЦА

<Редакция стихотворения «Молодая жница», ДС>

К стр. 112

Рано в белый день
Вышло солнушко,
Горячо печет
Землю-матушку.

Что-то грустно мне
Одной на поле,
Нет охоты жать
Колосистой ржи.

Всю сожгло меня
Поле жаркое,
Горит гормо всё
Лицо белое.

Как седой туман,
Роса — на землю,
Пала на сердце
Грусть тяжелая.

Отчего, скажи,
Мой любимый серп,
Не играешь ты
Красным солнушком?

Не блистаешь ты
Чистым золотом,
Иглой аглицкой
Не щетинишься?

Отчего, скажи,
Почернел ты весь,
Что коса моя,
Коса черная?

Отчего, мой серп,
Черна бровь моя,
В один жаркий день
Изогнулся ты?

Али солнушко
Горячей огня
Разожгло тебя
И расправило?

Али милый друг
На чужой степи
Косой вострою
Вырыл гроб себе?

С Дона тихова
Не воротится,
С края дальнева
Не придет ко мне?

Часто матушка
Замечала мне:
«Когда выглянет
Солнце из тучи, —

То за ним как раз
Либо буре быть,

Либо дожжичку
Целый день иттить».

Иль ко мне, младой,
Как к земле сырой,
Того жди, придет
Непогодушка.

УМОЛКШИЙ ПОЭТ

<Редакция стихотворения «Умолкший поэт», ДС>

К стр. 118

48—57 Тебе уступил
Раб случая? — Да,
Жди, будет от скуки
Он брататься с чернью
И тешить ее!
Жди этого, жди!
Тебе незаметна
Высокая дума,
Огонь благодатный
Во взоре его...

МОГИЛА

<Редакция стихотворения «Могила», ДС>

К стр. 122

После 36 Заветные думы,
Смутные мечты,
Свяжите тот ветер!
Окуйте неволей
Тревожную душу!
Напрасно! Блуждая
По долам и горам, —
Она в поднебесье
От уз улетит...

Не так ли, младенец,
Свободною мыслью
Уходишь ты в небо,
Родное тебе...

ЦВЕТОК

<Редакция стихотворения «Цветок», ВТ 2>

К стр. 123

4—22 Чудесный, милый! Красотой —
Как ты цветешь, как ты алеешь,
Росой заискрясь, пламенеешь
И дышишь чем-то неземным!
Но для кого — в степи широкой?..
Конечно, девам молодым
Здесь не найти тебя далеко;
Быть может, мой же конь ногой
Потопчет здесь тебя с травой!
И я, с душою нежной, страстной,
Сюда, вздыхая о прекрасной,
В прохладе утренней приду —
И уж тебя здесь не найду.
О дева, цвет моей души;
Так безмятежна ты в тиши
Растешь, цветешь красой небесной,
Но, милый друг, мой друг прелестный,
Я ль, с верной, пламенной душой,
Путь жизни разделю с тобой?..

21 декабря 1829

РУССКАЯ ПЕСНЯ

<Редакция «Русской песни» («Ах, зачем меня...»), ТД 2>

К стр. 143

9—16 Хорошо глядеть
На цветистый сад,
Хорошо гулять
Летом по полю;
Каково ж смотреть
На немилова,
Целый век с ним жить,
Мукой мучиться?

5 апреля 1838

ПРИМИРЕНИЕ

<Редакция стихотворения «Примирение», МН>

К стр. 147

11—17 На смертный бой судьбу я вызвал,
Против гиганта грудью стал.
Схватил его в объятьях мощных,
И этот страшный призрак
Упал, — и всё кругом меня
Склонилося безмолвно ниц.
А я стоял, смотрел на небо.

1838

ЧТО ТЫ СПИШЬ, МУЖИЧОК?

<Редакция стихотворения «Что ты спишь, мужичок? . .», ТЦ 5>

К стр. 165

21—28 Что ты спишь, мужичок?
Что ты дурь напустил?
Чем твой век коротать,
Знать, совсем позабыл.
Или руки твои
Работáть не могýт?
Иль в пустой голове
Нет ума ни на грош?

25 сентября 1839

ПЕСНЯ

<Редакция «Песни» («Греет солнышко. . .»), ТД 3>

К стр. 172

25—32 И пришла она
К седым кудрям,
А седым кудрям
Что надобно?
Меж людей сижу
(На добро гляжу),
Друзей ищу,
По людям хожу,
Душой грущу.

12 февраля 1840

РУССКАЯ ПЕСНЯ

<Редакция «Русской песни» («Так и рвется душа. . .»), ТД 2>

К стр. 175

После 16 То ли дело — по нем
В хороводе грустить,
То ли дело — душой
Мила друга любить.

1 апреля 1840

НОЧЬ

<Редакция стихотворения «Ночь», ТД 4>

К стр. 185

17—20 Из пригорка дуб
Он схватил рукой,
Бросил вверх его —
Словно прут какой.

25—28 Сам не помню, что
Мне старик сказал.
Только долго труп
Я в ногах топтал.

После 36 Ее нет давно...
И мой кончен путь...
Но ее слова
Все с ума нейдут:

«Не любила я
Старика душой...
Но мне стало жаль
Головы седой.

Прости ж, мирный сон,
Прости, старый муж!..
Прежде всех прощай
Ты, мой милый друг!

На полу один
Он убит лежит,
За тобой — другой
Весь в крови стоит. . .»

11 декабря 1840

РУССКАЯ ПЕСНЯ

<Редакция «Русской песни» («Не весна тогда. . .»), ТД 5>

К стр. 191

25—36 Но и где ж они —
Вьюги, ночи, сны?
Иль в другой — с тобой
Не придут они?

Не придут — придут, —
Но я помню их. . .
Та пора с души,
Из ума нейдет.

Как тогда, теперь
На меня всю ночь
Ты сидишь-глядишь,
Глаз не сводючи.

2 мая 1841

ПРИМЕЧАНИЯ

При жизни Кольцова стихотворения его были изданы отдельным сборником всего лишь один раз. В 1835 г. в Москве вышел сборник «Стихотворения Алексея Кольцова», подготовленный к печати Н. В. Станкевичем.[1]

Первое относительно полное собрание стихотворений поэта вышло уже после его смерти, в 1846 г. под редакцией и со вступительной статьей Белинского. Критик проделал большую работу по собиранию и систематизации кольцовского поэтического наследия. Благодаря его энергии читатель впервые получил возможность ознакомиться с произведениями Кольцова, рассеянными в разных журналах, альманахах, сборниках и рукописных тетрадях. Значение издания 1846 г. в этом смысле исключительно велико.

Перед своим изданием Белинский ставил совершенно определенную задачу: максимально популяризировать творчество Кольцова. Этой цели были подчинены не только его вступительная статья, но и принципы издания и редактирования текста. Он расположил 124 стихотворения Кольцова по трем разделам. В первый раздел он включил лучшие, избранные стихи, бесспорной, с его точки зрения, эстетической ценности, во второй — думы, произведения, имеющие значение главным образом для характеристики личности и взглядов поэта, а в третий, в виде приложения, — стихи, которые он считал сравнительно слабыми.

При всей исторической ценности издания 1846 г., текст его не может считаться полностью авторизованным. Во-первых, в текстах Кольцова имеется ряд изменений, вызванных цензурным давлением. Так, в стихотворении «Удалец» Белинский вынужден был выпустить три строфы, в которых имелись такие строки: «Оберу купца, Убью барина» и другие, которые могли вызвать сопротивление цензуры. В стихотворении «Из Горация» строки: «Не время ль нам оставить Про небеса мечтать» были исправлены: «Не время ль нам оставить Про высоты мечтать». Цензурный характер подобных изменений не вызывает сомнения.

---

[1] Полные библиографические данные всех упоминаемых здесь изданий см. в списке условных сокращений, стр. 262—264.

С другой стороны, изучение рукописей показывает, что иногда Белинский уже после смерти поэта вносил в его стихотворения свои поправки, главным образом стилистического порядка. Известно, что в тех случаях, когда Белинский устно или письменно указывал на необходимость исправления отдельных неудачных, с его точки зрения, строк, поэт сам переделывал свои стихотворения. Такого рода исправления были внесены им в стихотворения «Стенька Разин», «Всякому свой талан», «Бедный призрак». Кольцов полностью доверял Белинскому и всегда учитывал его указания. Нередко свои стихотворения поэт отправлял критику с вариантами отдельных строк, предоставляя ему право выбрать наиболее удачные из них. Все подобные исправления, несомненно, являются авторизованными и должны быть воспроизведены в изданиях стихотворений Кольцова.

Но рукописи поэта свидетельствуют и о том, что Белинский правил тексты Кольцова уже после окончательной авторской обработки. Та же задача — стремление ввести поэзию Кольцова в культурный обиход русского читателя — стояла перед Белинским, когда он работал над текстами поэта. Исправления критика в основном имели своей целью приблизить язык Кольцова к литературной норме, очистить его от диалектизмов, архаизмов и т. д. Так, слово «огнь» Белинский заменяет на «огонь» («Песня» «Если встречусь с тобой...», «Размолвка»), «ковылой-травой» он заменяет на «ковылем-травой» («Косарь»), строки: «Увидимся И доволи Наплачемся...» исправляет: «Увидимся И вволюшку Наплачемся» («Два прощания»). Некоторые поправки, напротив, должны были сообщить тексту Кольцова фольклорный оттенок. Следует отметить, что в целом к текстам поэта Белинский подходил очень осторожно. Резкое различие в почерках Кольцова и Белинского позволяет коррективы последнего установить безошибочно. Предположение А. И. Лященко (см. изд. 1911 г., стр. 315) о том, что Белинский, вероятно, только обводил чернилами карандашные поправки Кольцова, ни на чем не основано. Там, где имеются карандашные поправки поэта, они сохранились очень отчетливо. В чернильной же правке никаких следов карандаша нет.

В стихи Кольцова вносили поправки также и А. П. Сребрянский, В. Сухачев, Н. А. Полевой, а в стихотворении «На новый 1842 год» имеются следы карандашной правки неизвестной руки. Поскольку некоторые из этих поправок были одобрены Кольцовым, они также могут считаться авторизованными. В особенности это относится к исправлениям Сребрянского. Но последний иногда вносил такие поправки, которые резко нарушали своеобразие кольцовского творчества. Так, в стихотворении «К Ж...» у Кольцова речь шла о трагическом разрыве с любимой:

Жестокая! прощальный час
Порадуй ласкою ответа!
Скажи, скажи! Но — дикий взор!..

Сребрянский исправляет:

Скажи, скажи! пусть тихий взор
Мне даст желанный приговор.

Серьезные поправки внесены Сребрянским в стихотворение «Люди добрые, скажите...», но здесь наличествует факт несомненной

авторизации: в исправленном виде Кольцов сам переписал это стихотворение в тетрадь.

В настоящем издании полностью снимаются все неавторизованные исправления текстов Кольцова, кому бы они ни принадлежали. В основу его положен текст изд. 1846 г., в котором стихи сборника 1835 г. вошли почти без всяких изменений.[1] Стихотворения, не вошедшие в эти сборники, публикуются по первопечатным текстам. Стихотворения, в которых снимаются все неавторизованные исправления, печатаются по изд. 1939 г., где они были опубликованы по автографам.

Отступления от текста изд. 1846 г., в соответствии с вышеизложенным, допускаются в двух случаях. Если автограф, по которому стихотворение было опубликовано в этом издании, имеет неавторизованную правку, то стихотворение печатается по изд. 1939 г., где опубликован текст автографа без чужой правки. Если между изд. 1846 г. и первопечатным текстом, совпадающим с автографом, имеются расхождения, то стихотворение печатается по первой публикации. Расхождения между изд. 1846 г. и текстом первой публикации, совпадающей с автографом, свидетельствуют о том, что либо стихотворение подверглось редакторской правке, либо в изд. 1846 г. дана не последняя редакция (если нет оснований думать, что первопечатный текст был исправлен Кольцовым). Этим мотивируется предпочтение в отдельных случаях первых публикаций тексту изд. 1846 г. Все эти отступления оговорены в примечаниях.

Если стихотворение впервые появилось в печати до 1847 г., а в примечании отсутствует специальное указание на источник, по которому оно публикуется, то следует иметь в виду, что текст его дается по изд. 1846 г. Если же в примечании указана только одна первая публикация (до 1847 г.), то это означает, что текст ее совпадает с изд. 1846 г. Стихотворения, не вошедшие в это издание, оговариваются. В тех случаях, когда стихотворение впервые было опубликовано после 1847 г., а в примечании нет специального указания на источник, по которому оно публикуется, следует считать, что текст его дается по первой публикации.

В примечаниях оговорены наиболее значительные смысловые расхождения между автографами и печатными текстами. Ранние редакции выделены в особый раздел.

Большие трудности возникают при датировке стихотворений Кольцова. Здесь у поэта никакой твердой системы не было. Иногда под текстом стихотворения он указывал даты написания, иногда дату последующей переделки или переписки набело. Нередко Кольцов указывал дату по памяти и при этом часто ошибался. Так, стихотворение «Маленькому брату» в письме к А. А. Краевскому, по сообщению М. Ф. де Пуле, датировано Кольцовым 1829 г., а во второй воронежской тетради, где стихи записаны в хронологической последовательности, это стихотворение (под заглавием: «Приветствие брату») имеет дату: «1828 г.» и находится перед стихотворением, помеченным декабрем 1829 г. По-видимому, Кольцов здесь просто ошибся. Стихотворения: «Сирота», «Ровеснику», «Размолвка» и др., датирован-

[1] Изменения имеются лишь в названиях нескольких стихотворений.

ные 1826 и 1827 гг., переписаны в других редакциях в воронежских тетрадях с датами 1829 г. Но эти же стихи, с датами 1826 и 1827 гг., записаны в более поздних тетрадях из собрания автографов П. Я. Дашкова (1836). Таким образом, иногда Кольцов либо ошибочно датировал свои стихи, либо санкционировал ранние редакции в качестве окончательных. Ввиду этого в определении хронологического соотношения редакций вопрос приходится решать особо в каждом отдельном случае. То же относится и к датировке. Дата принимается та, которая зафиксирована на автографе, воспроизводимом в основном тексте стихотворения. В тех случаях, когда время написания установить не удалось, даются предположительные даты, сопровождаемые знаком: (?), или даты первых прижизненных публикаций, заключенные в угловые скобки.

Рукописи подавляющего большинства стихотворений Кольцова сохранились. Они состоят из отдельных листов и сшитых тетрадей. Основная масса этих рукописей сосредоточена в двух собраниях: это так называемое Дашковское собрание автографов и собрание воронежских рукописей. В последнем отсутствует первая воронежская тетрадь с юношескими стихами Кольцова, которая до сих пор не разыскана и, вероятно, утрачена. Однако стихи из этой тетради в свое время были опубликованы П. В. Малыхиным и А. И. Лященко. Оба собрания хранятся в рукописном отделе Института Русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом). Наконец, несколько автографов кольцовских стихотворений хранится в рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Подробное описание рукописей стихотворного наследия поэта дано М. И. Маловой в «Бюллетенях рукописного отдела Пушкинского дома» (№ IV, отдельный оттиск. М.—Л., 1953). В примечаниях перечислены все дошедшие до нас автографы поэта.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Белинский	В. Белинский. О жизни и сочинениях Кольцова. Полное собрание сочинений, т. 9. М., 1956.
БЧ	«Библиотека для чтения».
ВТ 2, 3, 4	Воронежские тетради рукописей Кольцова (хранятся в Институте Русской литературы Академии наук СССР).
ГПБ	Автографы стихотворений Кольцова, хранящиеся в рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ДС	Автографы стихотворений Кольцова из Дашковского собрания, на отдельных листах (хранятся в Институте Русской литературы Академии наук СССР).
ЖВЗ	«Журнал военно-учебных заведений».

изд. 1846 г.	Стихотворения Кольцова. С портретом автора, его факсимиле и статьею о его жизни и сочинениях, писанною В. Белинским. Издание Н. Некрасова и Н. Прокоповича. СПб., 1846.
изд. 1895 г.	Стихотворения и письма А. В. Кольцова. Полное собрание. Под ред. А. И. Введенского. Изд. 2-е. СПб., 1895.
изд. 1901 г.	А. В. Кольцов. Стихотворения и письма. Под ред. А. И. Введенского. СПб., 1901.
изд. 1909 г.	Полное собрание сочинений А. В. Кольцова. Под ред. и с примечаниями А. И. Лященко. <Изд. 1-е>. СПб., 1909.
изд. 1911 г.	Полное собрание сочинений А. В. Кольцова. Под ред. и с примечаниями А. И. Лященко. <Изд. 3-е>. СПб., 1911.
изд. 1936 г.	А. В. Кольцов. Избранные сочинения. Редакция, вступительная статья и примечания Л. А. Плоткина, предисловие Н. К. Пиксанова. Воронеж, 1936.
изд. 1939 г.	А. В. Кольцов. Полное собрание стихотворений. Вступительная статья, редакция и примечания Л. Плоткина. Большая серия «Библиотеки поэта». Л., 1939.
изд. 1955 г.	А. В. Кольцов. Сочинения. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Ю. Л. Акимова. М., 1955.
«Листки»	«Листки из записной книжки Василия Сухачева». М., 1830.
ЛГ	«Литературная газета».
ЛП	«Литературные прибавления к „Русскому инвалиду"».
МН	«Московский наблюдатель».
«Нива»	А. Введенский. Новая тетрадь стихотворений А. В. Кольцова. — «Нива. Ежемесячные литературные приложения», 1895, № 6.
ОЗ	«Отечественные записки».
РА	«Русский архив».

сб. 1835 г.	Стихотворения Алексея Кольцова. М., 1835.
СО	«Сын отечества».
СПВ	«Санкт-Петербургские ведомости».
ТД 1, 2, 3, 4, 5	Тетради рукописей Кольцова из Дашковского собрания (хранятся в Институте Русской литературы Академии наук СССР).
УЗ	Альманах «Утренняя заря». СПб.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Сирота («Не прельщайте, не маните...») (стр. 45). Впервые — изд. 1846 г., стр. III. Печ. по изд. 1939 г., стр. 3. В изд. 1846 г. 15-й стих читается: «И не верить в облегченье». Это явная ошибка; в изд. 1939 г. она исправлена по рукописи ТД 1. Другой автограф — ГПБ. В ВТ 2 имеется ранняя редакция этого стихотворения, датированная 15 ноября 1829 г. (см. раздел «Ранние редакции», стр. 231). В рукописи ГПБ дата: «1827 г.», в ТД 1: «1825 г.». Вероятно, переписывая в 1836 г. в ТД 1 это стихотворение, Кольцов ошибся, поставив дату: «1825 г.». Дата «1827 г.» фигурирует и в списке стихотворений, приложенном Кольцовым к письму к А. А. Краевскому (см. изд. 1909 г., стр. 371). В техническом отношении стихотворение стоит выше опытов 1825 г.

Ровеснику (стр. 46). Впервые — изд. 1846 г., стр. IV, с датой: «1827 г.» Автографы — ТД 1 (дата: «1826 г.») и с разночтениями — ВТ 2 и ВТ 3 (дата: «1829 г.») (см. раздел «Ранние редакции», стр. 232). Белинский высказал предположение, что это стихотворение посвящено другу юности поэта Варгину, сыну одного воронежского купца (см. Белинский, стр. 502). Однако Варгин умер в 1824 г., а Кольцов говорит в своем стихотворении о живом человеке, потому предположение Белинского мало вероятно.

Песня («Если встречусь с тобой...») (стр. 46). Впервые — МН, 1839, № 3, стр. 6. Печ. по тексту МН. В изд. 1846 г. исправления Белинского: 3—4-я строки: «Что за трепет — Огонь разольется в душе»; 14-я строка: «А восторгом твоим»; 16-я строка: «Выраженья им нет». Раннюю редакцию ГПБ см. в разделе «Ранние редакции», стр. 233. Два автографа — ТД 1; второй из них полностью совпадает с текстом МН.

Путник (стр. 48). Впервые — сб. 1835 г., стр. 20. Автографы ВТ 2 и ВТ 3 представляют собой раннюю редакцию под заглавием: «Приветный огонек» (см. раздел «Ранние редакции», стр. 233). Окончательная редакция с правкой Сребрянского в ВТ 2 совпадает с текстом сб. 1835 г.

Осень (стр. 49). Впервые — изд. 1846 г., стр. V. Автографы — ГПБ (с незначительными разночтениями) и ВТ 2 (см. раздел «Ранние редакции», стр. 234).

Послание молодой вдове (стр. 49). Впервые — ОЗ, 1867, № 52, стр. 812. Автограф — ВТ 2.

Размолвка (стр. 50). Впервые — изд. 1846 г., стр. 3. Печ. по изд. 1939 г., стр. 8, где опубликовано по автографам ТД 1 и ГПБ (дата: «1828 г.»). Белинским были внесены следующие изменения: 3-я строка: «Что огонь любви»; после 5-й строки опущены два стиха. Автограф с разночтениями — ВТ 2 (дата: «28 марта 1829 г.»); (см. раздел «Ранние редакции», стр. 235). В стихотворениях, подобных «Размолвке», Белинский видел переход «от подражательных опытов к. . .русской песне» (Белинский, стр. 526).

Спящий юноша (стр. 51). Впервые — ЛГ, 1841, № 9, 21 января. Печ. по изд. 1939 г., стр. 8. Заглавие изменено Белинским: вместо «Спящий юноша» — «Спящему младенцу». Автограф — ТД 1.

Прекрасной поселянке (стр. 51). Впервые — «Пантеон», 1840, № 11, стр. 25. Печ. по изд. 1939 г., стр. 9, где опубликовано по автографу ТД 1. В изд. 1846 г. Белинским внесены следующие поправки: изменено заглавие: вместо «Прекрасной поселянке» — «Красавице»; в 1-й строке: «Ах, кто ты, дева-красота»; в 9-й строке: «Под белой дымкой покрывала»; в 20-й строке: «В немом и сладостном забвеньи» (последние две поправки сделаны Белинским по карандашу). *Как дева Пушкина* — имеется в виду стихотворение Пушкина «Буря» («Ты видел деву на скале. . .»).

Ночлег чумаков (стр. 52). Впервые — БЧ, 1836, № 5, стр. 9 (вместе со стихотворением «Домик лесника» под общим заглавием: «Сельские картины»), и в ЖВЗ, 1839, № 69, стр. 5. В изд. 1846 г., стр. VIII, стихотворение опубликовано по неизвестному источнику. Разночтения и конец стихотворения, имеющийся в журналах, см. в разделе «Ранние редакции», стр. 235. В стихотворении заметно влияние поэмы Пушкина «Цыганы».

Я был у ней (стр. 53). Впервые — изд. 1846 г., стр. XIX, где опубликовано по автографу ВТ 2. Автограф имеет варианты следующих строк: 2-я строка: «Живи со мною, милый друг»; 4-я строка: «Хранить мне строго приказала»; 5-я строка: «Я был у ней; на кучи злата»; 9-я строка: «Я был у ней; устами пил»; 10-я строка: «Забвенье с уст ее прелестных»; 11-я строка: «И на грудях ее чудесных»; 12-я строка: «Я все земное позабыл»; 13-я строка: «Я был у ней и вечно буду»; 14-я строка: «К ней в терем мыслию летать»; 15-я строка: «И если буду смертью взят»; 16-я строка: «Ее и там не позабуду».

Плач (стр. 54). Впервые — ОЗ, 1867, № 2, стр. 815, под заглавием: «Уныние», где опубликовано по автографу ВТ 3. Печ. по изд. 1939 г., стр. 11, где дан текст автографа ДС. Последний, по всем признакам, является более поздним: он стилистически завершенней.

Редакцию ВТ 3 см. в разделе «Ранние редакции», стр. 237. Под заглавием «Плач» стихотворение значится в списке, приложенном в письме к А. А. Краевскому, с датой: «1836 г.». Датировку, сообщенную М. Ф. де Пуле, однако, едва ли можно принять (см. изд. 1909 г., стр 237).

Ответ на вопрос о моей жизни (стр. 55). Впервые — ОЗ, 1867, № 2, стр. 816. Автограф — ВТ 2.

Исступление («Увижу ль, увижу ль...») (стр. 55). Впервые — изд. 1936 г., стр. 190. Автограф — ВТ 2. По начальным строкам «Исступление» близко к «Песне» («Увижу ль я девушку...»). Разработка темы, однако, в этих стихотворениях совершенно различная. Мотив бескорыстной любви, предпочитающей красоту «раззолоченным палатам», в «Исступлении» отсутствует. Нет, стало быть, оснований думать, будто «Исступление» является редакцией «Песни». Первоначальный вариант строки 2-й: «На груди снеговой, полярной».

«Ничто, ничто на свете...» (стр. 56). Впервые — изд. 1936 г., стр. 191. Автографы — ВТ 2 и ВТ 3. Можно предполагать, что Кольцов имеет здесь в виду свою возлюбленную Дуняшу, которая в 1828 г. была продана донскому помещику.

Послание В. Г. О. (стр. 57). Впервые — изд. 1936 г., стр. 191. Автограф — ВТ 2. В автографе заглавие: «Послание В. Г. А.». «Послание» посвящено Варваре Григорьевне Огарковой (Агарковой), по мужу Лебедевой. В эти годы Кольцов был знаком с ней. Об отношении Кольцова к Лебедевой в последние годы см. во вступительной статье, стр. 14. *Лиза* — Елизавета Григорьевна Огаркова, сестра Варвары Григорьевны. Ей посвящено стихотворение «К...» («Опять тоску, опять любовь...»).

Престарелый казак (стр. 58). Впервые — «Воронежские губернские ведомости», 1891, № 58, 3 августа, под заглавием: «Старый казак». Печ. по изд. 1911 г., стр. 309, где дан текст автографа ВТ 2, несколько расходящийся с газетной публикацией. В издания Кольцова включалось в раздел стихотворений, приписываемых поэту. Однако то, что автограф стихотворения находится в ВТ 2, на обороте которой рукой Кольцова написано: «Мои стихи с 1825 года по 1831 год», с несомненностью устанавливает авторство Кольцова и позволяет включить стихотворение в основной раздел.

На отъезд Д. А. Кашкина в Одессу (стр. 59). Впервые — ОЗ, 1867, № 2, стр. 817. Автографы — ВТ 2 и ВТ 4. Печ. по тексту ОЗ, совпадающему с автографом ВТ 2. Варианты рукописи ВТ 4 см. в разделе «Ранние редакции», стр. 238. *Кашкин* Дмитрий Антонович (1793—1862) — воронежский книгопродавец, оказавший помощь Кольцову в его первых литературных начинаниях. См. о нем во вступительной статье, стр. 7—9.

К М... («Вы милы всем, вы очень скромны...») (стр. 60). Впервые — ОЗ, 1867, № 2, стр. 818. Автограф — ВТ 2.

А. Д. Вельяминову (стр. 60). Впервые — ОЗ, 1867, № 2, стр. 500. Об отношении Кольцова к *Вельяминову* Александру Дмитриевичу — профессору философии и физико-математических наук воронежской семинарии — рассказывает дочь Вельяминова: «Познакомиться с отцом пламенно желал в то время еще безвестный мещанин Алексей Васильевич Кольцов, но по врожденной робости долго не решался представиться ему. Неожиданный случай помог Кольцову. Отец мой в августе 1829 г., возвращаясь из Павловска в Воронеж, в селе Можайском, на постоялом дворе встретил Кольцова. Кольцов представился ему. Отец мой с первого же знакомства полюбил его и просил прийти к нему в Воронеже. Кольцов часто приходил к моему отцу, приносил ему тетради своих стихотворений, просил у него советов и наставлений... Через посредство моего отца, а также по его выбору, некоторые из стихотворений Кольцова были напечатаны в журналах того времени» (П. Малыхин. Кольцов и его неизданные стихотворения. ОЗ, 1867, № 1, стр. 500—501). *Торквата милое творенье* — имеется в виду, вероятно, «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо (1544—1595), знаменитого итальянского поэта, произведения которого пользовались в России широкой известностью.

К М... («Подобных Маше очень мало...») (стр. 61). Впервые — ОЗ, 1867, № 2, стр. 818. Автограф — ВТ 2.

К подруге моей юности (стр. 61). Впервые — там же. Автограф — ВТ 2.

Песня («Очи, очи голубые...») (стр. 62). Впервые — изд. 1846 г., стр. VII, с датой: «1828 г.». Автографы ВТ 2 и ВТ 3 (с датой: «12 ноября 1829 г.») не совпадают с текстом изд. 1846 г. Возможно, в изд. 1846 г. стихотворение было датировано неверно. Разночтения автографов см. в разделе «Ранние редакции», стр. 240. Критика сближала стихотворение с песней Дельвига «Наяву и в сладком сне...»

Песня («Увижу ль я девушку...») (стр. 62). Впервые — ОЗ, 1867, № 2, стр. 821. Автограф — ВТ 3.

Терем (стр. 63). Впервые — изд. 1846 г., стр. XIII. Автограф ВТ 2 отличается от первопечатного текста. Разночтения приведены в разделе «Ранние редакции», стр. 240.

Люди добрые, скажите (стр. 64). Впервые — сб. 1835 г., стр. 12. Автограф ВТ 3 свидетельствует о том, что Сребрянский внес в стихотворение исправления. Второй автограф ВТ 2 совпадает с печатным текстом. Первоначальная кольцовская редакция приводится в разделе «Ранние редакции», стр. 240.

Маленькому брату (стр. 65). Впервые — сб. 1835 г., стр. 29. В ВТ 2 — другая редакция, под заглавием: «Приветствие брату» (см. раздел «Ранние редакции», стр. 241). Посвящено младшему брату Кольцова, Владимиру, умершему в детстве.

Письмо к Д. А. Кашкину (стр. 65). Впервые — ОЗ, 1867, № 2, стр. 822. Печ. по ОЗ, с исправлением опечаток по автографу ВТ 3.

Сестре при посылке стихов (стр. 66). Впервые — сб. 1835 г., стр. 7. Автограф — ВТ 2. Посвящено сестре поэта Анне Васильевне.

«Пишу не для мгновенной славы...» (стр. 67). Впервые — ОЗ, 1867, № 2, стр. 810, с заглавием: «Эпиграф» и с ошибочной датой: «1827 г.». Автограф — ВТ 2 (с датой: «14 декабря 1829»), где четверостишие использовано как эпиграф к тетради. Однако делать его эпиграфом ко всему собранию стихотворений поэта, как это было принято во многих изданиях, разумеется, нельзя.

Мещанская любовь (стр. 67). Впервые — ОЗ, 1867, № 2, стр. 823. Автограф — ВТ 2.

А. П. Сребрянскому (стр. 68). Впервые — изд. 1846 г., стр. XV; под заглавием: «А. П. Сребрянскому». В автографе ВТ 3 — другая редакция под заглавием «Посвящение Д. А. Кашкину» (см. раздел «Ранние редакции», стр. 242). Трудно точно установить, на основании каких данных Белинский переадресовал стихотворение Сребрянскому. То обстоятельство, что в 1829 г. Кольцов посвятил Кашкину, кроме этого, еще два стихотворения, сходных по манере и по смыслу, подчеркивает, что заголовок не мог быть случайным. Не исключена возможность, что Белинский ошибся, адресовав стихотворение Сребрянскому. *Сребрянский* Андрей Порфирьевич (1808—1838) — воспитанник воронежской семинарии, а затем студент Медико-хирургической академии, друг Кольцова (см. о нем во вступительной статье, стр. 8).

Приди ко мне (стр. 68). Впервые — «Листки», стр. 12.

«По-над Доном сад цветет...» (стр. 69). Впервые — изд. 1846 г., стр. XVI. В переделанном виде песня поется как народная. В Казани записана следующая переделка стихотворения:

Супротив дома сад цветет, в том саду дорожка;
На нее бы всё смотрел в зале из окошка.
Со цветами, со венками Маша проходила
И, забывши про венок, с головки сронила.
И, потупив томный взор, с милым говорила.
Молвил, молвил Маше я: «Будь моя сестрица!
Сплю и вижу я тебя в голубыим платье.
И злато твое кольцо лентой первитое!
Ты умрешь — я умру, милая, с тобою!
Я любовь докажу — три раз поцелую».

(А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. 5. СПб., 1899, № 130.) Стихотворение положено на музыку М. П. Мусоргским.

Разуверение (стр. 70). Впервые — «Листки», стр. 5, по автографу ВТ 3 с многочисленными исправлениями В. Сухачева и А. Сребрянского (см. раздел «Ранние редакции», стр. 243, где приводится текст Кольцова; последние 5 строк недавно прочтены

М. И. Маловой и воспроизводятся впервые). В другой редакции — ЛГ, 1841, № 5, 11 января. С исправлениями — изд. 1846 г., стр. XII. Печ. по изд. 1939 г., стр. 26, где опубликовано по автографу ТД 1. Поправки Белинского: 12-я строка: «Но уже не то, что прежде снилось»; 20-я строка: «В невинном взгляде — хитрый взор». Третью редакцию дает автограф ГПБ под названием: «Встреча с опытом» (см. раздел «Ранние редакции», стр. 245). Четвертую редакцию (заглавие: «Отшельник» и дата: «Воронеж, 1837») дает другой автограф ГПБ, опубликованный в «Отчете Императорской Публичной библиотеки за 1867 год». СПб., 1868, стр. 143.

«Не мне внимать напев волшебный...» (стр. 71). Впервые — «Листки», стр. 13. Автограф — ВТ 3.

Мщение (стр. 72). Впервые — «Листки», стр. 15. В стихотворении можно обнаружить отзвуки романтических традиций поэзии 20-х гг.

Песнь русалки (стр. 73). Впервые — ОЗ, 1867, № 2, стр. 821.

Повесть моей любви (стр. 73). Впервые — ОЗ, 1867, № 2, стр. 820.

Молодой чете (стр. 75). Впервые — ОЗ, 1867, № 2, стр. 824. Автограф — ВТ 2. Написано в связи с выходом замуж сестры поэта Анны Васильевны, по мужу Золотаревой.

Последние стихи (стр. 76). Впервые — изд. 1936 г., стр. 192. В автографе ВТ 2 заглавие и дата зачеркнуты А. П. Сребрянским.

«О, не кажи улыбки страстной!..» (стр. 76). Впервые — изд. 1846 г., стр. XXI. В рукописи ГПБ — другая редакция, под заглавием: «Послание С... З...», с датой: «8 апреля 1830 г.» (см. раздел «Ранние редакции», стр. 245).

Песня («Утратив то, что было мило...») (стр. 76). Впервые — СПВ, 1864, № 141, 26 июня, и с разночтениями — ОЗ, 1867, № 2, стр. 824. Печ. по тексту СПВ, совпадающему с автографом ВТ 2. В ОЗ варианты: 1-я строка: «Утратив то, что прежде было»; 6-я строка: «Какой ценою я б купил»; 8-я строка: «Своей бы жизнью заплатил».

Триолет (стр. 77). Впервые — изд. 1936 г., стр. 194. Автограф — ВТ 2.

К другу (стр. 77). Впервые — сб. 1835, стр. 35. Автограф — ГПБ.

К N... («Опять тоску, опять любовь...») (стр. 78). Впервые — «Листок», 1831, № 42—43, 3 июня, под заглавием: «Послание к А—ой». В изд. 1835 г., стр. 31, вошло под заглавием: «К N...»

В изд. 1846 г., стр. 7 — под заглавием: «К ней». Печ. по изд. 1835 г. Посвящено воронежской знакомой поэта Елизавете Григорьевне Огарковой. М. Е. Салтыков-Щедрин писал по поводу произведений, подобных «К ней»: «Все эти стихотворения явно говорят о подражании и даже фактурой своей напоминают фактуру сентиментальных романсов времен Дельвига и Мерзлякова» (Полн. собр. соч., т. 5. М., 1937, стр. 37).

В альбом NN (стр. 79). Впервые — изд. 1936 г., стр. 194. Автограф — ВТ 2. Варианты: 5-я строка: «Притом, с чего начать, о чем»; 9-я строка: «То что пред ней моя хвала».

Послание Н... П... (стр. 79). Впервые — «Нива», стр. 201. Автограф — ГПБ.

Неизменимость (стр. 80). Впервые — изд. 1936 г., стр. 194. Автограф — ВТ 2.

Элегия (стр. 81). Впервые — ОЗ, 1867, № 2, стр. 825. Автограф — ВТ 2.

Совет старца (стр. 82). Впервые — сб. 1835 г., стр. 40. Автограф ранней редакции — ВТ 2 (см. раздел «Ранние редакции», стр. 246). Белинский относил это стихотворение к числу лучших, свидетельствующих о неподдельном таланте Кольцова.

К Ж... (стр. 82). Впервые — «Нива», стр. 198. Автограф — ГПБ.

Вечер (стр. 83). Впервые — «Нива», стр. 196. Автограф — ГПБ.

Земное счастие (стр. 84). Впервые — «Нива», стр. 205. Автограф — ГПБ.

Первая любовь (стр. 85). Впервые — сб. 1835 г., стр. 17. Автограф ГПБ имеет варианты (см. раздел «Ранние редакции», стр. 247). Посвящено Дуняше.

Мука (стр. 86). Впервые — «Нива», стр. 206. Автограф — ГПБ.

Сирота («Когда мне шел двадцатый год...») (стр. 86). Впервые — «Нива», стр. 209. Автограф — ГПБ; в нем после 6-й строки имеется приписка неизвестной руки: «Обширен был наш круг полей».

Песня («На что ты, сердце нежное...») (стр. 87). Впервые — «Нива», стр. 207. Автограф — ГПБ; 15-я строка имеет первоначальный вариант: «Зачем же ты собою всех».

Кольцо (стр. 88). Впервые — ЛГ, 1831, № 34, стр. 277, под заглавием: «Перстень», с примечанием Н. В. Станкевича (см. стр. 9). В другой редакции — УЗ, 1839, стр. 32. Автограф ТД 2 совпадает

с текстом УЗ и изд. 1846 г., второй — с редакцией ЛГ. В критико-биографическом очерке А. Моисеевой «А. В. Кольцов» (М., 1956, стр. 16) указывается на то, что стихотворение восходит к народной поэзии, где мотив гадания по кольцу широко представлен. Она приводит в подтверждение своих слов две народные песни. В одной из них мы читаем:

Как бы я знала, млада, ведала
Неприятство друга милого,
Нелюбовь друга сердечного,
Не сидела бы поздно вечером,
Я не жгла бы свечи воску ярого,
Не ждала бы я друга милого,
Не топила бы красного золота,
Не лила бы я золота перстня.

Сельская пирушка (стр. 89). Впервые — сб. 1835, стр. 26, под заголовком: «Пирушка русских поселян». В изд. 1846 г., стр. 14, озаглавлено: «Крестьянская пирушка». Автограф ГПБ с заглавием: «Сельская пирушка» показывает, что изменения были внесены в стихотворение Сребрянским. Ему принадлежит не только измененная концовка, как это отмечал в своих комментариях А. И. Лященко (изд. 1909 г., стр. 347), но и все поправки. Поскольку, однако, стихотворение вошло в сб. 1835 г., эти поправки могут считаться авторизованными (см. раздел «Ранние редакции», стр. 247).

Песня старика (стр. 90). Впервые — «Молва», 1835, № 11, стр. 170. Автограф — ГПБ с датой, принятой нами, и заглавием: «К молодости. Песня». Вошло в сб. 1835 г.

Вздох на могиле Веневитинова (стр. 91). Впервые — «Листок», 1831, № 22, 25 марта. Вошло в сб. 1835 г. *Веневитинов* Дмитрий Владимирович (1805—1827) — талантливый поэт, один из основателей первого русского философского кружка «любомудров», пропагандировавшего шеллингианскую философию.

Веселый час (стр. 91). Впервые — изд. 1846 г., стр. XVIII. Автограф — ГПБ.

Что значу я? (стр. 92). Впервые — изд. 1846 г., стр. XIX, где опубликовано по автографу ТД 1. Автографы ВТ 2 и ГПБ имеют разночтения. Сопоставляя стихотворение с думой «Из Горация», Добролюбов отмечал, что в нем у Кольцова заметна еще «некоторая уклончивость» и «пренебрежение вообще к философскому мышлению» (Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 1. М., 1934, стр. 158).

Утешение («Как жаль, что счастия звезда...») (стр. 93). Впервые — изд. 1846 г., стр. XX.

К реке Гайдари (стр. 93). Впервые — изд. 1846 г., стр. XVIII. *Гайдарь* — небольшая река неподалеку от Воронежа.

Утешение («Внимай, мой друг, как здесь прелестно...») (стр. 94). Впервые — «Нива», 1895, стр. 197. Автограф — ГПБ.

Песня пахаря (стр. 95). Впервые — «Молва», 1835, № 11, стр. 171. Вошло в сб. 1835 г. «Песня пахаря» — одна из самых популярных вещей Кольцова. Стихотворение высоко оценивали критики революционно-демократического лагеря. Добролюбов причислял его к «лучшим пьесам» в сб. 1835 г. Стихотворение знаменовало собой в творчестве Кольцова поворот к песне. С 1831 г. песня действительно начинает занимать у него главенствующее место.

«Мой друг, мой ангел милый...» (стр. 96). Впервые — «Листок», 1831, № 39, 20 мая, под заглавием: «Послание к ***» (см. раздел «Ранние редакции», стр. 248); в другой редакции — изд. 1846 г., стр. XXIII.

Соловей (стр. 97). Впервые — изд. 1846 г., стр. XXIV. Написано по мотивам стихотворения А. С. Пушкина «Соловей и роза». Положено на музыку рядом композиторов, в том числе А. Глазуновым, А. Рубинштейном, Н. Римским-Корсаковым.

Видение наяды (стр. 97). Впервые — сб. 1835 г., стр. 22. В изд. 1846 г., стр. XXI — заглавие: «Наяда».

Домик лесника (стр. 99). Впервые — БЧ, 1836, № 1, стр. 8, вместе с «Ночлегом чумаков», под общим заглавием: «Сельские картины». Автограф — ГПБ. В изд. 1846 г., стр. XXV, заглавие: «Дом лесника», хотя в оглавлении оставлено заглавие, имеющееся в автографе.

Исступление («Духи неба, дайте мне...») (стр. 100). Впервые — БЧ, 1836, № 1, стр. 9, где ошибочно напечатано в качестве продолжения стихотворения «Домик лесника».

Песня («Ты не пой, соловей...») (стр. 100). Впервые — сб. 1835 г., стр. 15. Белинский относил «Песню» к тем произведениям, которые составляют «цвет и венец поэзии Кольцова». Стихотворение положено на музыку рядом композиторов, в том числе А. Рубинштейном.

Размышления поселянина (стр. 101). Впервые — сб. 1835 г., стр. 32.

Поэт и няня (стр. 103). Впервые — изд. 1846 г., стр. XXIX. Автограф ДС имеет разночтения (см. раздел «Ранние редакции», стр. 249).

Удалец (стр. 103). Впервые — сб. 1835 г., стр. 8, где напечатано с пропуском трех строф. Полностью приведено в статье Я. М. Неверова (СО, 1836, № 13, стр. 319). Печ. по тексту СО. Белинский причислял стихотворение «Удалец» к тем ранним произведениям Кольцова, в которых поэту удалось выразить «всю оригинальность своего таланта». Стихотворениям типа «Удалец», по мнению критика, «недостает только зрелости мысли, чтобы быть образцовыми в своем роде произведениями» (Белинский, стр. 526). Добролюбов относил стихотворение к числу «лучших пьес» в сб. 1835 г.

Великая тайна (стр. 105). Впервые — «Телескоп», 1835, № 8, стр. 495, и в сб. 1835 г., стр. 10. «Великая тайна» принадлежит к «думам» Кольцова. «Думы» занимают у поэта весьма значительное место. Под влиянием философских споров в кружке Станкевича Кольцов пытается в «думах» передать «свои сомнения, свои вопросы, которые рождались в его уме при взгляде на мир» (Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 1. М., 1934, стр. 153). А. Моисеева в кн. «А. В. Кольцов» (М., 1957, стр. 45) отмечает, что в «думах» поэта и, в частности, в «Великой тайне» явственно ощутимо влияние философских стихотворений Станкевича, в особенности его стихотворения «Два пути». Представители революционной и демократической критики — Белинский, В. Майков, Добролюбов, Салтыков-Щедрин — ставили «думы» ниже песен Кольцова. Добролюбов писал, что «думы имеют один важный недостаток: поэт говорит в них о том, чего сам ясно не понимает» (Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153). В. Майков считал «думы» «неудачными попытками самоучки заменить истину, к которой стремился, призраками, которые для самого его имели силу кратковременно действующего дурмана» (В. Майков. Критические опыты. СПб., 1889, стр. 61). Идеалистическая критика (А. Волынский и др.), напротив, всячески поднимала «думы» на щит. Для нас несомненно, что по своей художественной ценности «думы» не могут идти в сравнение с песнями Кольцова. Совершенно прав был Белинский, когда писал: «Эти пьесы <думы> слишком тесно слиты с личностью Кольцова и интересны более как факты его внутренней жизни, нежели как поэтические произведения, хотя некоторые из них прекрасны и с этой точки зрения, как, например: «Великая тайна», «Могила», «Не время ль нам оставить...» (Белинский, стр. 541). «Великая тайна» еще при жизни Кольцова была переведена на немецкий язык К. Люцероде.

Не шуми ты, рожь (стр. 106). Впервые — сб. 1835 г., стр. 18. Возможно, что стихотворение связано со смертью Дуняши. Белинский относил его к тем произведениям, которые составляют «цвет и венец поэзии Кольцова». Положено на музыку многими композиторами.

Урожай (стр. 107). Впервые — «Современник», 1836, № 2, стр. 189. С двумя поправками — изд. 1846 г., стр. 16. Единственное стихотворение Кольцова, напечатанное при жизни Пушкина в его журнале. Это стихотворение одно из лучших в ряду кольцовских произведений, посвященных крестьянскому труду. Высоко оценивали его Белинский, Салтыков-Щедрин и Глеб Успенский. «Все стихотворения Кольцова, — писал Салтыков-Щедрин, — для которых предметом послужил упорный труд поселянина, дышат грустною симпатией к трудящемуся, тою же любовью к природе». (Полн. собр. соч., т. 5. М., 1937, стр. 30.)

Глаза (стр. 110). Впервые — «Сборник на 1838 год», СПб., стр. 273. Автограф — ГПБ (бумаги В. Ф. Одоевского). Положено на музыку 17 композиторами, в том числе Варламовым и Рахманиновым.

Человек (стр. 111). Впервые — ЛГ, 1841, № 3, 7 января. Автографы — ТД 1 и ТД 3.

Женитьба Павла (стр. 111). Впервые — изд. 1846 г., стр. XXXI. *Касандрика* и *китайка* — бумажные ткани. *Разгоривишись* — разбогатевши, разжившись.

Молодая жница (стр. 112). Впервые — изд. 1846 г., стр. 21. Печ. по изд. 1939 г., стр. 69, где опубликовано по автографу ГПБ. 33-я строка исправлена Белинским: «Повстречается». Автограф ДС дает другую редакцию (см. раздел «Ранние редакции», стр. 249). Белинский причислял «Молодую жницу» к тем произведениям, которые «громко говорят сами за себя» и свидетельствуют об огромном таланте Кольцова. А. И. Некрасов, утверждая, что это стихотворение не имеет соответствий в русской устной лирике, усматривает в украинском фольклоре схожие мотивы («Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1911, т. 16, кн. 2, стр. 124).

Косарь (стр. 114). Впервые — «Телескоп», 1835, № 3, стр. 295. Печ. по изд. 1939 г., стр. 71, где опубликовано по автографу ТД 1. Белинским внесены следующие исправления: 74-я строка: «Ковылем-травой»; 112-я строка: «Ворочусь в село»; строки 97—98-я опущены.

Неразгаданная истина (стр. 117). Впервые — ЛП, 1838, № 15, стр. 289. Печ. по тексту ЛП с восстановлением 31-й строки по автографу при письме Кольцова к Белинскому от 11 сентября 1836 г. (архив Бакуниных в Институте Русской литературы Акад. наук СССР). Другой автограф ДС имеет разночтения.

Умолкший поэт (стр. 118). Впервые — ОЗ, 1840, № 2, стр. 142. Печ. по изд. 1939 г., где опубликовано по автографу ТД 1. В строке 38-й принята конъектура Б. В. Томашевского: «бражским восторгом» (от слова «брага») вместо «братским». Три автографа — ДС (см. раздел «Ранние редакции», стр. 251).

Великое слово (стр. 120). Впервые — «Современник», 1838, т. 11, стр. 197. Автографы — ТД 5, ГПБ (бумаги В. Ф. Одоевского), ДС и ГПБ (бумаги А. А. Краевского). В последних двух рукописях заглавие: «Великая истина», а в четвертой имеется вариант одной строки (после 49-й): «Оно — её слава». В письме к Краевскому Кольцов писал: «Посланные к Януарию Михайловичу <Неверову> «Могила» и «Великая истина» и еще семь пиес — скажите, пожалуйста, — будут где напечатаны? Они писали ко мне, что им непонятно в «Великой истине», начиная с «Свобода, свобода», до: «Но слово: да будет». Я разумел здесь: просто чистоту души первого человека в мире, потом его грехопадение и что, через этот грех, в буйной свободе человеческой воли — разросшиеся разнообразные страсти, которые доныне господствуют над нами» (изд. 1955, стр. 235).

Молитва (стр. 121). Впервые — «Сборник на 1838 год», СПб., стр. 287. Автографы ТД 1, ТД 4, ДС и ГПБ имеют разночтения. Журнальный текст совпадает с ТД 1. Последние две рукописи имеют заглавие: «Слеза молитвы». В № 88 СПВ за 1867 г.

была помещена корреспонденция из Воронежа с отрывками из письма Сребрянского, в котором он предъявляет Кольцову обвинение в плагиате, утверждая, что в «Молитве» Кольцову якобы принадлежат только шесть строк и три слова, а все остальные написаны им. Оригинал письма Сребрянского не сохранился, и некоторые исследователи подвергают сомнению самое существование этого письма. Вполне допустимо, что Сребрянский вносил свои поправки в эту «думу», но брать под сомнение авторство Кольцова нет оснований.

Могила (стр. 122). Впервые — МН, 1838, № 4, кн. 2, стр. 569. Печ. по этому тексту. В изд. 1846 г. опущены две последние строки, имеющиеся в автографе ТД 1, совпадающем с журнальным текстом. Другие автографы — ДС и ГПБ — имеют разночтения (см. раздел «Ранние редакции», стр. 251). Отзыв Белинского о «Могиле» см. в примечании к «Великой тайне», стр. 273.

Цветок (стр. 123). Впервые — СО, 1838, № 2, стр. 2. С исправлениями — изд. 1846 г., стр. 20. Автографы ДС, ГПБ и ВТ 2 имеют разночтения. Последний был опубликован в ОЗ, 1867, № 2, стр. 823, и здесь приводится в разделе «Ранние редакции», стр. 252. В окончательной редакции последняя строфа была исправлена Кольцовым по совету Ф. Н. Глинки (см. изд. 1911 г., стр. 165).

Перстень (стр. 124). Впервые — ОЗ, 1841, № 4, стр. 281. Под заглавием: «Песня» — изд. 1846 г., стр. 22. Печ. по изд. 1939 г., стр. 80, где дан текст окончательной редакции ДС. Автограф ГПБ с небольшими разночтениями и без заглавия. Положено на музыку рядом композиторов, в том числе А. Рубинштейном.

Раздумье селянина (стр. 124). Впервые — МН, 1838, № 4, кн. 2, стр. 565, под заглавием: «Русская песня». Автографы — ТД 2 и ТД 5. Белинский видел в стихотворении свидетельство «огромного таланта Кольцова». Положено на музыку рядом композиторов.

Ура! (стр. 125). Впервые — ЛП, 1838, № 10, стр. 189. В изд. 1846 г. не вошло. Автографы — ТД 2 и ДС. В ТД 2 есть 6 зачеркнутых строк, следующих после строки 18-й:

Ходит оклик по горам,
По долинам, по морям:
Трубы русские трубят,
Браво ходит наш солдат
Перед царскою семьей —
Он шумит, гремит: «Ура!»

В ЛП текст стихотворения был сопровожден следующим примечанием А. А. Краевского: «Читатели наши, верно, уже слышали о даровании г. Кольцова, того простолюдина-поэта, который, будучи влеком благородной страстью к высокому искусству, сам образовал себя чтением лучших наших писателей (иностранных языков он не знает) и, при врожденном таланте, продолжает теперь упражняться на этом поприще, к которому предназначила его природа. Помещенное здесь

стихотворение внушено ему было прибытием в Воронеж (место жительства г. Кольцова) государя императора, государыни императрицы и государя цесаревича, наследника престола. В скором времени мы сообщим читателям еще несколько новейших стихотворений г. Кольцова. Заметно, что талант его развивается все более и более». Самого Кольцова, видимо, смутили тон и характер примечания. 14 марта 1838 года он писал Белинскому: «Краевский напечатал «Ура!» с ужаснейшей похвальбой, надеясь еще печатать мои новые» (изд. 1955 г., стр. 255). В творчестве Кольцова стихотворение «Ура!», написанное в связи с пребыванием в Воронеже в 1837 г. царского семейства, стоит особняком и представляется явлением случайным. Монархические и верноподданнические мотивы для поэта никак не характерны.

Горькая доля (стр. 126). Впервые — СО, 1838, № 2, стр. 99. Автографы — ТД 2 и ГПБ (бумаги В. Ф. Одоевского). О стихотворениях, подобных «Горькой доле», Белинский писал: «Такие пьесы громко говорят сами за себя, и кто бы не увидел в них огромного таланта, с тем нечего и слов тратить: с слепыми о цветах не рассуждают» (Белинский, стр. 537).

Два прощания (стр. 127). Впервые — ЛП, 1838, № 25, стр. 486. Печ. по изд. 1939 г., стр. 82, где опубликовано по автографу ТД 2. Поправки Белинского: 37-я строка: «А и теперь»; 47-я строка: «И вволюшку»; 63-я строка: «Люблю же я». Другой автограф — ГПБ (бумаги В. Ф. Одоевского) — имеет разночтения.

Вопрос (стр. 129). Впервые — МН, 1838, № 3, кн. 2, стр. 274. Автографы ТД 2 и ДС с незначительными разночтениями.

Человеческая мудрость (стр. 131). Впервые — ЛП, 1838, № 2, стр. 248. В изд. 1846 г. не вошло. Автограф — ТД 2.

Божий мир (стр. 132). Впервые — ОЗ, 1840, № 8, стр. 149. С пропуском 23-й и 24-й строк — изд. 1846 г., стр. 84. Печ. по тексту ОЗ, совпадающему с автографом ДС (дата: «1837 г.»). Автограф ГПБ (дата: «1836 г.») имеет разночтения. В стихотворении отразились натурфилософские искания русских шеллингианцев с их попытками рассматривать природу как дыхание «единой, вечной идеи». Сам Кольцов в письме к Белинскому от 20 февраля 1840 г. признавал эту «думу» неудачной.

Пора любви (стр. 133). Впервые — ЛП, 1838, № 22, стр. 426. С исправлениями — изд. 1846 г., стр. 36. Печ. по изд. 1939 г., стр. 87, где опубликовано по автографу ТД 2. Поправки Белинского: стих 40-й: «жди череду»; 47-й стих: «наруже клад». Другой автограф — ГПБ (бумаги В. Ф. Одоевского) — в основном совпадает с текстом ЛП. О создании этого стихотворения рассказывает М. Н. Катков («Русский вестник», 1856, № 11, кн. 1, стр. 169): «Особенно памятно мне... одно прекрасное стихотворение Кольцова, которое перешло многие пробы, прежде чем достигло настоящего вида. У меня долго хранились черновые опыты Кольцова, из которых постепенно выработалась эта пьеса; к сожалению, они случайно

утратились. Это «Пора любви». Помню, какое электрическое действие произвела на друзей Кольцова эта пьеса, когда в ней вдруг оказались следующие стихи:

Стоит она задумавшись,
Дыханьем чар овеяна...»

В стихотворении заметно влияние «Русской песни» Дельвига «Скучно, девушки, весною жить одной...».

Лес («Что, дремучий лес...») (стр. 135). Впервые — СО, 1838, № 3, стр. 17. С исправлениями — изд. 1846 г., стр. 27. Автографы — ТД 2 и ГПБ (бумаги В. Ф. Одоевского). Первый совпадает с изд. 1846 г., второй имеет разночтения. Смерть Пушкина произвела на Кольцова потрясающее впечатление. В письме к Краевскому он писал: «Александр Сергеевич Пушкин помер; у нас его уже более нету! .. Едва взошло русское солнце, едва осветило широкую русскую землю небес вдохновенным блеском, огня животворной силой; едва огласилась могучая Русь стройной гармонией райских звуков; едва раздалися волшебные песни родимого барда, соловья-пророка» (изд. 1955 г., стр. 239). «Лес» — одно из наиболее совершенных художественных творений Кольцова. Добролюбов называл «Лес» «превосходным стихотворением», а Белинский считал, что произведения, подобные «Лесу», принадлежат не только к лучшим пьесам Кольцова, но и к числу замечательнейших произведений русской поэзии. Рядом композиторов «Лес» положен на музыку.

Первая песня Лихача Кудрявича (стр. 137). Впервые — УЗ, 1839, стр. 195. Автографы — ТД 2 и ГПБ (бумаги В. Ф. Одоевского). Положена на музыку русскими композиторами.

Вторая песня Лихача Кудрявича (стр. 139). Впервые — там же, стр. 197. Автографы — там же, где и предыдущей песни. Отмечая «повествовательный характер» этих песен, Белинский относил их к лучшим достижениям русской поэзии.

Две жизни (стр. 140). Впервые — ЛП, 1838, № 2, стр. 248. Автограф — ТД 2.

Царство мысли (стр. 141). Впервые — «Современник», 1838, т. 9, стр. 139. Автографы — ДС и ТД 2. В ДС и в журнальном тексте небольшие разночтения.

Измена суженой (стр. 141). Впервые — МН, 1838, № 6, кн. 1, стр. 387, под заглавием: «Песня». Автографы — ТД 2 и ДС.

К милой (стр. 142). Впервые — МН, 1838, № 3, кн. 2, стр. 204, и «Современник», 1838, т. 12, стр. 92. Печ. по изд. 1939 г., стр. 98, где опубликовано по автографу ТД 2. В стихе 24 поправка Белинского: «Святой любовью озарил». Другой автограф — ДС.

Русская песня («Ах, зачем меня...») (стр. 143). Впервые — МН, 1838, № 5, кн. 2, стр. 215, с заглавием: «Песня». Автографы — ТД 2 и ТД 5. Варианты см. в разделе «Ранние редакции»,

стр. 252. Белинский оценивал эту песню очень высоко: он причислял ее к тем стихотворениям Кольцова, которые являются замечательнейшими произведениями русской поэзии. Рядом композиторов, в том числе А. Рубинштейном, песня положена на музыку.

Последний поцелуй (стр. 144). Впервые — ОЗ, 1839, № 3, стр. 275. В изд. 1846 г., стр. 38, стихи 11-й и 12-й опущены. Печ. по тексту ОЗ с исправлением по автографу ТД 2 стиха 26-го: «Разрядись» (вместо: «Разберись»). Положено на музыку Балакиревым и стало одним из популярнейших русских романсов.

Деревенская беда (стр. 145). Впервые — МН, 1839, № 1, стр. 9, с заглавием: «Русская песня». Печ. по изд. 1939 г., стр. 101, где опубликовано по автографу ДС. В изд. 1846 г., стр. 41, имеется 7-я строфа, которой нет в журнальном тексте и в автографе ДС; в рукописи ТД 2 она зачеркнута:

Так, за полночь с нею сидючи,
По душе мы речь затеяли:
Поцелуями помолвились,
Друг за другом быть условились.

Примирение (стр. 147). Впервые — МН, 1838, № 8, кн. 1, стр. 302. В другой редакции — «Современник», 1841, т. 21, стр. 228. С исправлениями — изд. 1846 г., стр. XXXVII, текст которого совпадает с рукописью ТД 5. Другой автограф — ДС (рукопись содержит строки 29—43); третий — ГПБ (тетрадь В. А. Жуковского) — близок к тексту «Современника». Редакцию МН см. в разделе «Ранние редакции», стр. 253.

Мир музыки (стр. 148). Впервые — МН, 1839, № 1, стр. 31, под заглавием: «Концерт». С исправлениями — ЛП, 1839, № 1, стр. 39. С новыми исправлениями — изд. 1846 г., стр. XXXVIII. Автографы ТД 1 (2 рукописи) и ДС совпадают с изд. 1846 г. Написано на вечере у Боткина под впечатлением музыки популярного в те времена музыканта Лангера. Значение музыки для Кольцова отмечал В. Кранихфельд: «Поразительная чуткость Кольцова к звуковым восприятиям побуждает его не только заполнять звуками весь доступный его познанию мир, но в них же искать ответа на «великую тайну» — тайну бытия, волновавшую его мысль» («Современный мир», 1909, № 10, стр. 100). *Боткин* Василий Петрович (1810—1869) — литератор, примыкал в те годы к кругу Станкевича и Белинского и был хорошо знаком с Кольцовым.

Русская песня («В поле ветер веет...») (стр. 149). Впервые — МН, 1839, № 1, стр. 26. Автографы — ТД 2, ТД 3 и ДС. Белинский видел в стихотворении свидетельство огромного таланта Кольцова. Песня положена на музыку рядом композиторов, в том числе М. Глинкой.

Последняя борьба (стр. 150). Впервые — ОЗ, 1841, № 9, стр. 160. Автографы — ТД 3, ДС и ГПБ (тетрадь В. А. Жуковского). В стихотворении легко обнаружить влияние пушкинского

«Предчувствия» («Снова тучи надо мною. . .»). Сам Кольцов, не отрицая этой близости, вместе с тем отмечал, что в «Последней борьбе» «своя форма, свои следствия битвы» (изд. 1955 г., стр. 280).

Стенька Разин (стр. 151). Впервые — ОЗ, 1840, № 8, стр. 147, под заглавием: «Песня разбойника». То же заглавие — в изд. 1846 г. Автограф — ТД 3. Первоначальное заглавие было, видимо, изменено из цензурных соображений. В рукописи ТД 3 на полях Кольцовым, возможно, приписана строфа 5-я:

Среди лета, среди краснова,
Что ты грустно, поле чистое?
После дождя благодатнова
О чем воешь ты, дремучий лес?

7 октября 1838 г. Кольцов писал Белинскому: «Недавно написал вот эту пьесу, годится ли название? Я, право, не читал хорошо истории Разина и поставил наудалую; если оно нейдет к ней, то пойдет без названия; я полагаюсь на вас: как сделаете, так и будет: а если она не годится никуда, ну, так и быть» (изд. 1955 г., стр. 264). 28 октября 1839 г. Кольцов снова пишет Белинскому: «Не знаю, отчего вам не нравится «Стенька Разин», разве по названию: название можно переменить, а пьеса, кажется, хорошая. Конечно, она не выражает образности; но в ней эта образность скрывается в силе души, которая выражает себя в своем напряженном состоянии внешних обстоятельств» (изд. 1955 г., стр. 279). Салтыков-Щедрин отметил, что в этом стихотворении показано, как «жгучее чувство личности. . . разрывает все внешние преграды и, как вышедшая из берегов река, потопляет, разрушает и уносит за собою всё встречающееся на пути» (Полн. собр. соч., т. 5. М., 1937, стр. 33).

Бедный призрак (стр. 152). Впервые — ОЗ, 1841, № 6, стр. 132. С исправлениями — изд. 1846 г., стр. XXXVI. Два автографа — ТД 3 и ДС.

Бегство (стр. 153). Впервые — «Современник», 1839, т. 14, стр. 159. Печ. по изд. 1939 г., стр. 109, где дан текст автографа ТД 3. В 34-й строке поправка Белинского: «Будет где нам отдохнуть». Автограф ГПБ (тетрадь В. А. Жуковского) имеет разночтения.

Товарищу (стр. 154). Впервые — изд. 1846 г., стр. XXXVIII. Два автографа — ТД 3. По поводу произведений, подобных «Товарищу», Добролюбов писал, что Кольцов «и в поэзии, как во всей жизни своей, выражает убеждение, что нужно бороться с обстоятельствами и что беспечность непременно ведет к лени и усыплению» (Полн. собр. соч., т. 1. М., 1934, стр. 160).

Я дома (стр. 155). Впервые — ЛП, 1839, № 9, стр. 170, за подписью: «Лесник» и с примечанием: «Сообщено А. В. Кольцовым». Вторично — по автографу ВТ 4 — ОЗ, 1867, № 2, стр. 826. Печ. по этому тексту. В изд. 1846 г. не вошло. А. И. Лященко высказал некоторое сомнение в принадлежности этого стихотворения Кольцову. Автограф ВТ 4 эти сомнения рассеивает.

Перед образом спасителя (стр. 155). Впервые — изд. 1846 г., стр. 98. Автографы — ТД 3 и ГПБ (тетрадь В. А Жуковского).

Путь (стр. 156). Впервые — ОЗ. 1839, № 6, стр. 81. Автографы — ТД 3 и ГПБ (тетрадь В. А. Жуковского).

Горе (стр. 157). Впервые вместе со стихотворением «Ночка темная. . .» — «Русская старина», 1916, № 1, стр. 86, где опубликовано С. Шпицером по автографам, подаренным сестрой поэта Анисьей Д. А. Кашкину, затем перешедшим к С. А. Андреевскому и в настоящее время утраченным. С. Шпицером указаны варианты стихотворения. Перед 23-й строкой было: «Отравишь ты нашу»; в 24-й строке вместо слова «всю» было: «чашу»; 25-я строка: «Чашу жизненную» — зачеркнута и в 31-й строке зачеркнуто слово «горе» после «ты».

Песня («В непогоду ветер. . .») (стр. 158). Впервые — ОЗ, 1840, № 7, стр. 48. В журнале стихотворение имело еще две строфы (1-ю и 4-ю):

Целый день на небе
Солнышко сияет, —
Целый век мне душу
Злая грусть терзает.

Где ж ты, моя душка,
Разошлась со мною?
Где ж ты, моя доля,
Пала пред судьбою?

В рукописи ТД 3 4-я строфа зачеркнута, но 1-я оставлена, хотя 4-я строка повторяет 8-ю. По поводу этого стихотворения В. Майков писал: «Иногда жизненность доходила у Кольцова до такой высоты страстного увлечения, что он пленялся жизнью, представляя ее себе в каком-то упоительном отвлечении, охватывая любовью все ее стороны разом, благословляя одним задушевным гимном все ее содержание, и добро, и зло, и радость, и горе». В последних двух стихах Майков видит «истинный пафос жизненности». (В. Майков. Критические опыты. СПб., 1889, стр. 54—55). Рядом композиторов песня положена на музыку.

Тоска по воле (стр. 159). Впервые — ОЗ. 1841, № 2, стр. 272. Автограф — ТД 3. 28 сентября 1839 г. Кольцов писал Белинскому: «„Тоска по воле"» недавно написал: не знаю, понравится ль. В ней старое слово я поставил: «гой», но оно хорошо, кажется, стоит; с ним «пододонная» — этак говорится по-русски про ад» (изд. 1955 г., стр. 279). Отзыв Салтыкова-Щедрина см. в примечании к стихотворению «Стенька Разин», стр. 270). *Альни* — даже.

Хуторок (стр. 160). Впервые — ОЗ. 1840, № 1, стр. 82. Автографы — ТД 3 и ГПБ (тетрадь В. А. Жуковского). Разночтения рукописей несущественны. В ТД 3 подзаголовок: «Русская баллада». 12 октября 1839 г. Кольцов писал Белинскому: «В «Хуторке» тоже

черт знает: иногда прочтешь «Хуторок», покажется, а иногда разорвать хочется. Есть вещи в свете, милые сердцу, и есть ни то ни се; так и везде. Да, впрочем, что ж больше может быть среди безлюдной почти степи? Конечно, драма везде, где человек: но иная драма хороша, другая дурна. Если смотреть на него <«Хуторок»> в обширном смысле страстей человеческих, так эта жизнь не очень хороша, а если глянуть на степь, на хутор, да небо, так и эта бредет. Лучше, что есть, говорить, а не собирать всякой чепухи и брызгать добрым людям по глазам; и стыдно и грешно. Вам смешно, я думаю, что такую дрянь я сую в драмы; на безрыбье и рак рыба; так как у меня нет больших, ну, и маленькую туда ж, — все как-то лучше, чем нет ничего» (изд. 1955 г., стр. 281). Белинский подчеркивал «страстно-драматический характер» этого стихотворения. «Хуторок» неоднократно был положен на музыку, кроме того, сюжет его воспроизводился в лубочных картинах.

К *** («Ты в путь иной отправилась одна...») (стр. 164). Впервые — изд. 1846 г., стр. XLI. Автографы — ТД 3 и ДС. Посвящено Варваре Григорьевне Огарковой, по мужу Лебедевой. Об отношении Кольцова к ней см. во вступительной статье, стр. 14.

«Не разливай волшебных звуков!..» (стр. 165). Впервые — ОЗ, 1841, № 4, стр. 263. Автографы — ТД 3, ДС и ГПБ.

«Что ты спишь, мужичок?..» (стр. 165). Впервые — ОЗ, 1841, № 1, стр. 155. Автографы — ТД 3 и ГПБ. Варианты см. в разделе «Ранние редакции», стр. 253. В рукописи ТД 3 вначале были заглавия: «Русачку-мужичку», «К соне-земляку», «Ленивцу». В автографе ГПБ — «Земляку». Относя стихотворение к числу лучших пьес Кольцова и замечательнейших произведений русской поэзии, Белинский отмечает в нем сочувствие поэта к крестьянскому быту. Салтыков-Щедрин писал: «Рядом с успокаивающими картинами сельской природы и жизни, он <Кольцов> вызывает иные картины, в которых эта же сельская жизнь является уже не в столь привлекательных формах... Замечательнейшие стихотворения Кольцова этой категории, по нашему мнению, следующие: «Что ты спишь, мужичок?», «Не на радость, не на счастье», «Доля бедняка» и «Размышления поселянина» (Полн. собр. соч., т. 5. М., 1937, стр. 31).

Русская песня («Говорил мне друг, прощаючись...») (стр. 167). Впервые — ОЗ, 1840, № 4, стр. 212. Автографы — ТД 3 и ДС. А. И. Некрасов устанавливает соответствие между этим стихотворением и народной песней «Не вечор ли моя радость...» («Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1911, т. 16, кн. 2, стр. 124).

Лес («О чем шумит сосновый лес?..») (стр. 168). Впервые — ОЗ, 1840, № 12, стр. 114. Два автографа — ТД 2, два автографа — ДС 2, Альбом М. П. Боткиной-Фет и ГПБ (при письме Кольцова к В. А. Жуковскому от 1 ноября 1839 г.). Автограф ГПБ — ранней редакции.

Русская песня («Без ума, без разума...») (стр. 169). Впервые — ОЗ, 1840, № 6, стр. 134. Автографы — ТД 3 и ДС. В стихотворении нашли отражение мотивы двух народных песен: «Не собравшись с разумом, замуж отдали...» и «Не давай меня, батюшка, замуж...». Положено на музыку рядом композиторов, в том числе А. Даргомыжским.

Послание (стр. 169). Впервые — Стихотворения и письма А. В. Кольцова, под редакцией А. Лященко. Приложение к журналу «Север». М., 1893, стр. 98. Автографы — ТД 3 и ДС.

Дума сокола (стр. 171). Впервые — ОЗ, 1840, № 6, стр. 131. Печ. по тексту ОЗ с исправлениями по автографу ДТ 3. В изд. 1846 г. исправления Белинского: 7-я строка: «По дороге вдаль»; 32-я строка: «Из окна глядеть». Другие автографы — ДС и ГПБ (тетрадь В. А. Жуковского). Белинский очень высоко оценивал «Думу сокола». Салтыков-Щедрин считал, что в «Думе сокола» ярко выражено «жгучее чувство личности» (Полн. собр. соч., т. 5. М., 1937, стр. 33). В. Майков причислял «Думу сокола» вместе с «Удальцом», «Тоской по воле», «Перепутьем» и др. к «превосходным пьесам», обнаруживающим борьбу Кольцова с действительностью (В. Майков. Критические опыты. СПб., 1889, стр. 55).

Русская песня («Греет солнышко...») (стр. 172). Впервые — ОЗ, 1840, № 6, стр. 133. Печ. по тексту ОЗ с исправлениями по автографу ДС. В изд. 1846 г. разночтения: 1-й стих: «Светит солнышко», 13-й стих: «И те пташечки». Автограф ТД 3 имел продолжение (см. раздел «Ранние редакции», стр. 253). Другой автограф — ГПБ. Добролюбов отмечал реалистическую яркость описания природы в этом стихотворении. Вместе с тем Добролюбов подчеркивает в качестве характерной черты пейзажной лирики Кольцова то, что «у него везде является человек и рассказывает о том, какое действие производит на него то или другое явление природы» (Полн. собр. соч., т. 1. М., 1934, стр. 157). Песня неоднократно была положена на музыку композиторами, в том числе А. Рубинштейном.

Русская песня («Не скажу никому...») (стр. 173). Впервые — УЗ, 1841, стр. 9. Печ. по изд. 1939 г., стр. 129, где опубликовано по автографу ТД 3. В изд. 1846 г. поправки Белинского в 7-й и 8-й строках: «Из которых мы с ним Завивали венки». Многими композиторами, в том числе А. Даргомыжским, песня была положена на музыку.

Вопль страданий (стр. 173). Впервые — изд. 1846 г., стр. XLII. Автографы — ТД 3, ДС и ГПБ.

Благодетелю моей родины (стр. 174). Впервые — СО, 1840, № 2, кн. 4, стр. 681, в сокращении и с исправлениями Н. А. Полевого. Вторично по автографу — РА, 1874, т. 1, стр. 1577. Печ. по этому тексту. В изд. 1846 г. не вошло. Автографы — ТД 3 и ДС. *Бегичев* Дмитрий Никитич управлял Воронежской губернией с 1830 по 1836 г., автор известного в свое время романа «Семейство Холмских». Он относился с сочувствием к Кольцову и ценил его поэзию.

Русская песня («Так и рвется душа...») (стр. 175). Впервые — ОЗ, 1840, № 12, стр. 266. Автографы — ТД 3 (две рукописи), ДС и ГПБ. Во всех рукописях стихотворение имело 5-ю строфу, исключенную впоследствии автором (см. раздел «Ранние редакции», стр. 254). Стихотворение напоминает крестьянскую песню «Ах ты, ноченька, ночка темная...». Положено на музыку многими композиторами, среди них такими крупнейшими мастерами, как Н. Римский-Корсаков, М. Балакирев, Ц. Кюи.

Разлука (стр. 176). Впервые — ОЗ, 1840, № 12, стр. 224. С исправлениями — изд. 1846 г., стр. 59. Автографы — ТД 3, ДС и ГПБ (тетрадь В. А. Жуковского), с небольшими разночтениями. В ДС — варианты.

Русская песня («Не на радость, не на счастие...») (стр. 176). Впервые — ОЗ, 1841, № 6, стр. 133. С исправлениями — изд. 1846 г., стр. 60. В автографе ДС после даты приписана еще одна строфа:

Тогда было: иду, еду ли
Ты подле меня, с ума нейдешь.
Речью сладкою на белу грудь
В ночку темную во сне зовешь.

Та же строфа в автографе ТД 3. Автограф ГПБ (тетрадь В. А. Жуковского) имеет разночтения.

Перепутье (стр. 177). Впервые — ОЗ, 1840, № 10, стр. 313. Автограф — ТД 3. Отзыв В. Майкова см. в примечании к стихотворению «Дума сокола», стр. 282. По поводу героя «Перепутья» Салтыков-Щедрин писал: «Действительно, жизнь бьет таким обильным ключом в этой крепкой, неиспорченной натуре, что является настоятельная потребность каким бы то ни было способом истратить ее, и так как разумно-деятельного поприща для нее не представляется, то безрасчетная трата сил становится явлением законным, оправдываемым самою необходимостью» (Полн. собр. соч., т. 5. М., 1937, стр. 28). *Ботеть* — толстеть, жиреть.

Русская песня («Дуют ветры...») (стр. 178). Впервые — ОЗ, 1840, № 11, стр. 47. С исправлениями — изд. 1846 г., стр. 63. Автограф — ТД 3. Положена на музыку М. Мусоргским, А. Рубинштейном, А. Гречаниновым и рядом других композиторов.

Военная песня (стр. 179). Впервые — УЗ, 1842, стр. 63. Автограф — ГПБ (бумаги Ф. Д. Черешкова). В изд. 1846 г. не вошло.

Всякому свой талан (стр. 180). Впервые — изд. 1846 г., стр. 64. Автографы — ТД 3 и ДС. В рукописи ДС — приписка Кольцова, адресованная Белинскому: «Эту пьесу я вам читал в Питере; вы говорили — поправить. Я поправил. Годится — напечатайте, а нет — не надо. Мне она иногда нравится, иногда — нет».

Русская песня («Где вы, дни мои...») (стр. 181). Впервые — ОЗ, 1841, № 4, стр. 259. Автограф — ТД 3 и ДС (приложение к письму Кольцова к Белинскому от 15 декабря 1840 г.).

Поэт (стр. 182). Впервые — изд. 1846 г., стр. 99. Автографы — ТД 4 и ДС (приложение к письму Кольцова к Белинскому от 15 декабря 1840 г.).

Русская песня («Много есть у меня...») (стр. 183). Впервые — ОЗ, 1841, № 3, стр. 45. С исправлением — изд. 1846 г., стр. 65. Автографы — ТД 4 и ДС (приложение к письму Кольцова к Белинскому от 15 декабря 1840 г.). Белинский относил стихотворение к числу лучших пьес Кольцова и замечательнейших произведений русской поэзии. При жизни Кольцова переведена Рабусом на немецкий язык.

Расчет с жизнью (стр. 184). Впервые — ОЗ, 1841, № 3, стр. 50. С одним исправлением — изд. 1846 г., стр. 66. Автографы — ТД 4 и ДС (приложение к письму Кольцова к Белинскому от 15 декабря 1840 г.).

Грусть девушки (стр. 185). Впервые — ОЗ, 1841, № 2, стр. 158, без 6-й строфы, которая самому Кольцову казалась лишней. С исправлениями и с 6-й строфой — изд. 1846 г., стр. 67. Печ. по тексту ОЗ с исправлением 16-й строки по автографу ТД 3. Поправки Белинского: 7-я строка: «По милом дружке»; 22-я строка: «Летит по небу»; 6-я строфа:

Ах, не птица там
Летит в облаках:
То печальный слух
Об нем носится...

Стихотворение неоднократно было положено на музыку.

Ночь (стр. 185). Впервые — ОЗ, 1841, № 2, стр. 250. Автографы — ТД 4 (две рукописи: черновая и беловая; см. раздел «Ранние редакции», стр. 254). Кольцов писал Белинскому: «„Ночь" — эта песня пахнет какою-то русскою балладой. Пожалуй, если я не ошибаюсь, то поставьте и «баллада». И тоже, если она вам понравится, то напечатайте с посвящением князю Одоевскому. Согласие и от него тоже взято» (изд. 1955 г., стр. 316). *Одоевский* Владимир Федорович (1803—1869) — видный писатель. С ним Кольцов познакомился во время пребывания в Петербурге в 1836 г. Одоевский в 30-х и 40-х гг. был известен как автор романтических повестей с фантастическими сюжетами. Вероятно, этим обстоятельством и вызвано посвящение. Критика усматривала в «Ночи» влияние романтической поэзии. Высокую оценку стихотворению дал Белинский, отметив его «страстно-драматический характер».

Поминки (стр. 187). Впервые — ОЗ, 1842, № 2, стр. 237. С небольшими исправлениями — изд. 1846 г., стр. 70. Автографы — ТД 4 и ДС (приложение к письму Кольцова к Белинскому от 15 декабря 1840 г.). В декабре 1840 г. Кольцов писал Белинскому: «„Поминки" — название нехорошо. Как хотите, так и назовите. В ней я сначала чертовски хвалю всю нашу братию, но все-таки в ней чи-

стая правда. А о Станкевиче, конечно, надо бы говорить больше, но я этого сделать не сумел. По крайней мере я сделал, что мог, и сказал, как сумел; другие пусть скажут лучше. Но у меня спала тяжесть с души, а то все укоряла меня его безвременная смерть. И эта прекрасная, чистая душа как будто говорила мне все на ухо: «„схоронили, — позабыли"» (изд. 1955 г., стр. 316). 10 января 1841 г. Кольцов снова писал ему: «„Поминки по Станкевичу" тоже, кажется, вещь порядочная. Вы пишете, что не поняли, кто это пришел в кружок, мрачный гость, — тень Станкевича или другой кто? Нет, это не тень Станкевича, а загадочный гость, что мы называем смертью. Она — не новость, конечно, но в том кружке, который жил такой полной жизнью и так могуче и раздольно, вдруг нечаянно приходит к первому Станкевичу, берет за руку, — и он уснул. А что вам не нравится стих: «Роскошная младость здоровьем цветет»? Вы говорите: где же между нас здоровье? Я думаю об этом иначе. Мы здоровы если не телом, то, слава богу, здоровы душой. Если ж оно вышло в образе телесном, ну, что ж делать? — Не всякое лыко в строку» (изд. 1955 г., стр. 326). *Станкевич* Николай Владимирович (1813—1840) — видный литератор, сыгравший важную роль в литературном развитии Кольцова. См. о нем вступительную статью, стр. 9—10. Стихотворение навеяно смертью Станкевича, скончавшегося в 1840 г. в Италии.

Дума двенадцатая (стр. 190). Впервые — изд. 1895 г., стр. 95. Автографы — ТД 3 и ДС (две рукописи). Печ. по изд. 1911 г., стр. 135, где воспроизведена окончательная редакция ДС.

Доля бедняка (стр. 190). Впервые — ОЗ, 1843, № 2, стр. 298. С исправлениями — изд. 1846 г., стр. 72. Печ. по изд. 1939 г., стр. 145, где опубликовано по автографам ТД 4 и ДС. Поправка Белинского в 4-м стихе: «неразъемчива».

Русская песня («Ты прости-прощай...») (стр. 191). Впервые — изд. 1846 г., стр. 74. Автографы — ТД 4 и ДС.

Русская песня («Не весна тогда...») (стр. 191). Впервые — ОЗ, 1842, № 1, стр. 124. Автографы — ТД 4 и ДС (см. раздел «Ранние редакции», стр. 255). Стихотворение весьма популярно в качестве романса. Положено на музыку многими композиторами.

Звезда (стр. 192). Впервые — изд. 1846 г., стр. 72. Автографы — ТД 4 и ДС. В стихотворении Кольцов говорит о своей возлюбленной — Дуняше.

Русская песня («Расступитесь, леса темные...») (стр. 192). Впервые — ОЗ, 1843, № 1, стр. 71. Печ. по тексту ОЗ. В изд. 1846 г., стр. 75, перед последней строфой была еще одна:

Здесь мне доля всё таланится;
Я нажил себе два терема,
Сукна, шелку, много золота,
Будем жить с тобой, как хочется.

В автографе ДС приписка, обращенная к Белинскому, где Кольцов указывал, что это четверостишие он намерен выбросить. В журнале Белинский напечатал песню, согласно воле Кольцова, без этой строфы, но затем восстановил ее в изд. 1846 г. 20-й стих в изд. 1846 г.: «За морями счастье пробовал». Автографы — ТД 4 и ДС.

Сельская песня («Как здоров да молод...») (стр. 193). Впервые — ОЗ, 1843, № 1, стр. 69. С исправлениями — изд. 1846 г., стр. 76. Печ. по изд. 1939 г., стр. 148, где опубликовано по автографам ТД 4 и ДС. В изд. 1846 г. 4-я строка: «И валит, и едет». В рукописи ДС имеется приписка Кольцова: «Если нельзя напечатать: «Проходи, поп, барин», то можно заменить: «Проходи сам барин» или «черт, дьявол». Как найдете лучше, так и поставьте».

Русская песня («В Александровской слободке...») (стр. 194). Впервые — РА, 1871, № 6, стр. 250, с заглавием: «Еще старая песня». Печ. по изд. 1939 г., стр. 149, где дан текст автографа (из архива А. В. Никитенко). Другой автограф — ДС. В песне речь идет об Иване Грозном.

Русская песня («Из лесов дремучих, северных...») (стр. 195). Впервые — изд. 1846 г., стр. XLIV, с заглавием: «Старая песня». Беловая рукопись ДС с заглавием: «Русская песня» и разночтением в 11-й строке: «К бусурману, зверю лютому». Печ. по изд. 1846 г. с заглавием автографа ДС. Ранняя рукопись ТД 4 имеет варианты.

Ивану Гордеевичу Козлову (стр. 195). Впервые — «Библиографические записки», 1861, № 16, стр. 497 (публикация М. Ф. де Пуле), с заглавием: «Эпитафия» и с примечанием Кольцова: «Это не более как экспромт, шутка, эпитафия, написанная по поводу смерти одного господина, известного по всему Воронежу воздаяниями в честь Вакха». В рукописи ТД 4 — принятое нами заглавие.

Жизнь (стр. 196). Впервые — изд. 1846 г., стр. 100. Печ. по изд. 1939 г., стр. 151, где последняя строфа, отсутствующая в изд. 1846 г., восстановлена по автографам ТД 4 и ДС.

Из Горация (стр. 196). Впервые — ОЗ, 1843, № 1, стр. 211, под заглавием: «Дума». Печ. по изд. 1939 г., стр. 159. В изд. 1846 г., стр. 101, стихотворение посвящено князю П. А. Вяземскому, между тем ни в журнале, ни в автографах ТД 4 и ДС этого посвящения нет. В рукописях стихотворение озаглавлено: «Из Горация»; 2-й стих в рукописи: «Про небеса мечтать» исправлен Белинским: «Про высоты мечтать». Нет сомнения, что эта замена продиктована цензурными соображениями. 13-й стих в одном автографе ДС читается: «Черна, темна могила» (то же и в ОЗ). В другой рукописи — ТД 4 — вторая редакция строки: «Всему конец — могила». Она переделана по карандашу рукой Белинского на: «Глядишь — страшна могила». В изд. 1846 г. — 4-й вариант: «Темна, страшна могила». Между тем первый кольцовский вариант: «Всему конец — могила» — наиболее

уместен, ибо он полностью соответствует всему антимистическому духу стихотворения. *Гораций* Флакк Квинт (65—8 гг. до н. э.) — римский поэт. В многообразном творчестве его заметное место занимают мотивы наслаждения жизнью, воспевание земных ее радостей, прелести бытия. Видимо, эту сторону творчества поэта имел в виду Кольцов, назвав стихотворение «Из Горация». Революционная и радикальная критика оценивала эту «думу» весьма положительно. Белинский видел в ней «выход из туманов мистицизма» (Белинский, стр. 541). Добролюбов отмечал, что в этом стихотворении Кольцов «восстает не против разума, а только против злоупотреблений ума, когда он пускается в мечтательные теории и отдаляется от жизни» (Полн. собр. соч., т. 1. М., 1934, стр. 159). Высоко оценивал «думу» и В. Майков.

Русская песня («Я любила его...») (стр. 197). Впервые — ОЗ, 1843, № 2, стр. 300. Печ. по тексту ОЗ. В песню были внесены Белинским изменения; 3—4-я строки: «Как другим не любить никогда, никогда! ..»; 11-я строка: «Вся бледна, холодна»; 13-я строка: «Вот идет он, поет»; вместо последних двух строф:

И без них, при тебе
Жжет румянец лицо,
И волнуется грудь,
И блистают глаза,
Словно в небе звезда.

Автографы — ТД 4 и ДС. Многими композиторами песня положена на музыку.

На новый 1842 год (стр. 198). Впервые — изд. 1846 г., стр. 77. Печ. по изд. 1939 г., стр. 153. ТД 4 свидетельствует, что в стихотворение внесены изменения неизвестной рукой. 16-й стих: «Всю ночь не осушали дна»; 17—18-я строки: «Но год прошел: одним звездою ясной, Другим он молнией мелькнул». Белинский писал, что это стихотворение «довольно слабое», «имеет свой интерес, как скорбное предчувствие поэта — увы — слишком верно сбывшееся». (Белинский, стр. 541).

Песня («Что он ходит за мной...») (стр. 199). Впервые — изд. 1846 г., стр. 79.

«Когда есть жизнь другая там...» (стр. 200). Впервые — Стихотворения и письма А. В. Кольцова, под ред. А. Лященко. Приложение к журналу «Север». СПб., 1893, стр. 100. Автограф — ТД 4.

Песня («Нынче ночью к себе...») (стр. 200). Впервые — изд. 1846 г., стр. 80. Автографы — ТД 4 и ДС. По поводу песен «Что он ходит за мной» и «Нынче ночью к себе», написанных Кольцовым незадолго до смерти, Белинский заметил, что они представляют интерес «как последние, уже замирающие звуки еще недавно громкого, мощного и гармонического голоса...» (Белинский, стр. 541).

«Ночка темная...» (стр. 201). Впервые — «Русская старина», 1916, № 1, стр. 86. См. примечание к стихотворению «Горе», стр. 280. С. Шпицером указаны варианты: в 19-й строке вместо: «с жаждою» было слово «загорюсь»; в 22-й строке было зачеркнуто слово «белою», и, наконец, вместо последнего двустишия было:

Душа-девица,
Раскрасавица.

Датировку установить не удалось.

ЮНОШЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Песнь утру (стр. 205). Впервые — ОЗ, 1867, № 1, стр. 510.

Первый шаг любви (стр. 205). Впервые — ОЗ, 1867, № 1, стр. 510.

Пьянюгину (стр. 206). Впервые — ОЗ, 1867, № 1, стр. 511.

Простодушие соседа (стр. 206). Впервые — ОЗ, 1867, № 1, стр. 511. *Арак* — сорт очень крепкой водки.

Ирисе (стр. 206). Впервые — ОЗ, 1867, № 1, стр. 511.

Семинаристу, писавшему эпиграмму (стр. 206). Впервые — ОЗ, 1867, № 1, стр. 511.

Отцветшая краса (стр. 207). Впервые — ОЗ, 1867, № 1, стр. 511.

Сон (стр. 207). Впервые — ОЗ, 1867, № 1, стр. 512.

Послание к Е. Г. О. (стр. 208). Впервые — ОЗ, 1867, № 1, стр. 512. Посвящено Елизавете Григорьевне Огарковой, знакомой Кольцова, сестре возлюбленной поэта — Варвары Григорьевны Лебедевой.

Акростих (стр. 209). Впервые — ОЗ, 1867, № 1, стр. 513. *Акростих* — стих, в котором начальные буквы отдельных строк образуют вместе какое-либо имя или изречение.

Тоска о милой (стр. 209). Впервые — ОЗ, 1867, № 1, стр. 513.

Тоска о милом (стр. 209). Впервые — изд. 1911 г., стр. 289.

Прямое счастие (стр. 210). Впервые — А. В. Кольцов. Полное собрание сочинений под ред. А. И. Лященко. СПб., 1893, стр. 86.

Послание Якову Яковлевичу Переславцеву (стр. 211). Впервые — там же, стр. 86.

Рыцарь (стр. 212). Впервые — ОЗ, 1867, № 1, стр. 514.

Свидание (стр. 214). Впервые — изд. 1936 г., стр. 196. Автограф — ВТ 3.

К неверной (стр. 214). Впервые — там же, стр. 195. Автограф — ВТ 2.

Довольный пастух (стр. 215). Впервые — там же, стр. 197. Автограф — ВТ 4.

ОПЫТЫ МАЛОРОССИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

«Малороссийские» опыты Кольцова далеко не полностью соответствуют нормам украинского языка, который лишь отчасти был знаком поэту. Эти стихотворения Кольцов записал буквами русского алфавита, приблизительно передавая живое украинское произношение.

Послание к другу из Малороссии (стр. 217). Впервые — изд. 1936 г., стр. 199. Печ. по автографу ВТ 3.

Возвращение запорозцов с Кавказа (стр. 219). Впервые — там же, стр. 160. Печ. по автографу ВТ 3.

Малороссийская песня (стр. 220). Впервые — СПВ, 1864, № 141, 26 июня (6 июля). Печ. по автографу ВТ 3.

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ КОЛЬЦОВУ

Песня («Не булатный нож режет грудь мою...») (стр. 223). Впервые — СО, 1839, № 5, стр. 10. Автограф — ВТ 4. См. примечание к следующему стихотворению.

Песня русская («Эх, не вовремя тучи мрачные...») (стр. 223). Впервые — там же, стр. 10, вместе с предыдущим под общим заглавием: «Две русские песни» и за подписью: «Лесник». Текст обоих стихотворений записан на отдельном листе в ВТ 4, рядом с произведениями, Кольцову не принадлежащими.

«Когда моей подруги взор...» (стр. 224). Впервые — ОЗ, 1867, № 2, стр. 827. Автограф — ВТ 4. Возможно, это и следующее стихотворение только переписаны рукой Кольцова в ВТ 4, поэтому авторство его вызывает сомнение.

«Дюканж! ты чародей и милый и ужасный...» (стр. 225). Впервые — там же, вместе с предыдущим, стр. 828. Два автографа — ВТ 4. См. примечание к предыдущему стихотворению.

«Поднимись, удалец...» (стр. 225). Впервые — изд. 1955 г., стр. 225. Редактором изд. 1955 г. это и следующее стихотворение обнаружены в неопубликованном письме поэта-самоучки Г. Серебрякова к М. П. Погодину от 16 февраля 1853 г., в котором автор его сообщает издателю «Москвитянина» тексты этих двух «неизвестных» песен Кольцова (см. изд. 1955 г., стр. 391—392). Однако вопрос о принадлежности этих песен поэту нельзя считать решенным. Возможно, перед нами стилизации под Кольцова, многие из которых приписывались поэту.

В степи (стр. 226). Впервые — изд. 1955 г., стр. 226. См. примечание к предыдущему стихотворению.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. А. В. Кольцов. Портрет К. А. Горбунова. 1838. Институт Русской литературы АН СССР (Пушкинский дом).

2. *Стр. 47*. Ранняя редакция стихотворения «Путник» («Приветный огонек») с правкой А. П. Сребрянского. Институт Русской литературы АН СССР. Автограф третьей воронежской тетради.

3. *Стр. 161*. Беловой автограф стихотворения «Хуторок». Институт Русской литературы АН СССР. Рукопись третьей воронежской тетради.

4. *Стр. 189*. Автограф стихотворения «Доля бедняка» с правкой Белинского. Институт Русской литературы АН СССР. Собрание автографов П. Я. Дашкова.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ[1]

[1] Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

ЮНОШЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Кольцов Алексей Васильевич

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Редактор *В. С. Киселев*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *М. Е. Новиков*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *А. Г. Рабинова*

Сдано в набор 17/I 1958 г. Подписано в печать 14/IV 1958 г. Бумага $84 \times 108^{1}/_{32}$. Печ. л. $19^{3}/_{8}$ (15,89). Уч.-изд. л. 15,05. Тираж 30 000. Зак. № 80. Цена 6 р. 05 к.

Ленинградское отделение издательства
«Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., д. 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3